

Сергей Николаевич Бурин

На полях сражений гражданской войны в США

ЛТ Нетто

«Бурин С.Н. На полях сражений гражданской войны в США. М., 1988. — 176 с. — (Серия «Страны и народы»): Наука; М.; 1988
ISBN 5-02-008936-2

Аннотация

Книга посвящена одному из центральных событий в истории США — гражданской войне между буржуазным Севером и рабовладельческим Югом (1861-1865) Автор рассказывает об основных сражениях войны, ее героях освещает негритянскую проблему — ключевой вопрос вооруженного конфликта, внутривнутриполитические процессы на событиях, роль народа США в происшедших событиях.

Для широкого круга читателей.

Сергей Николаевич БУРИН

На полях сражений гражданской войны в США

Введение

Среди событий всемирной истории, наиболее хорошо знакомых советскому читателю, гражданская война в США занимает одно из центральных мест. Из школьных и вузовских учебников, художественных произведений, работ историков миллионам людей в нашей стране известны имена Авраама Линкольна, Джона Брауна, Улисса Гранта, стоявшего во главе армий северян; знают и имена генерала Роберта Ли, возглавлявшего вооруженные силы рабовладельцев, фанатика Бутса, убийцы Линкольна. Знают, конечно, и о том, как завершилась война, кто победил. Необычайно драматична история этой войны. С ней связаны не только эти имена-символы, олицетворяющие два враждовавших лагеря, но и множество сражений, морских битв, острейших политических дебатов, искусная дипломатическая игра Союза и Конфедерации (так во время войны именовались Север и Юг США), стремившихся получить поддержку европейских держав (Юг) или, напротив, обеспечить их невмешательство в

конфликт (Север).

Военно-исторической стороне событий гражданской войны в США у нас, к сожалению, уделяется мало внимания, хотя ее социально-экономическая сущность, политический фон, позиции сторон и эволюция этих позиций проанализированы достаточно полно. Не зная эту сторону, мы обеднили бы свое понимание причин, хода войны и ее результатов. На полях сражений гражданской войны в США трансформировались идеи и принципы американского буржуазного государства, менялась психология самих американцев, в первый (и единственный!) раз в своей истории оказавшихся лицом к лицу с необходимостью убивать друг друга в таких невероятных масштабах. Даже во второй мировой войне, на фронтах Западной Европы, Азии, Океании и Северной Африки, Соединенные Штаты не понесли таких значительных потерь, как за четырехлетнюю гражданскую войну, унесшую более 600 тыс. жизней.

Этим неслыханным, с точки зрения граждан США числом жертв и определяется их отношение к гражданской войне до сих пор. Обе страшные мировые войны XX в. были для них дальним, европейским событием, хотя в огне этих войн гибли и американцы. Напомним, что принятие решений об участии США в двух мировых войнах проходило в сложной внутривнутриполитической борьбе, ибо и по сей день большинство американцев живет по неписаному закону: живи и жить давай другим. Иными словами, войны, происходившие вне пределов Северной Америки, даже когда они затрагивали политические, торговые и прочие интересы США, оставались как бы на периферическом плане сознания среднего американца. И только гражданская война 1861—1865 гг. отразилась в фольклоре, художественных произведениях (практически ни один крупный американский писатель не обошел вниманием так или иначе эту тему), драматургии, кино, музыке, живописи, влияя на каждое новое поколение американцев как уникальное событие их истории.

В США (если не говорить о специалистах-историках) для многих давно отошла на второй план подоплека этой войны, и романтический ореол в равной степени окружает ныне имена генералов Гранта и Ли, сражавшихся друг против друга, президента Линкольна и главы рабовладельческой Конфедерации Дэвиса. Тысячи мемориалов, памятников, обелисков воздвигнуты в городах, селах и на полях американской земли, где 125 лет назад кипели яростные сражения, грохотали орудия, взрывались мины (впервые в мировой практике войн они были широко применены именно тогда), падали, поднимались и шли вперед солдаты и офицеры...

И еще. Ни одна из войн нового времени не породила такого богатейшего материала для исследователей: воспоминания о ней — а они начали публиковаться уже с первых ее месяцев! — оставили не только ведущие генералы и политические деятели Союза и Конфедерации, но и простые офицеры, солдаты, клерки правительственных учреждений, интенданты, даже медицинские сестры и супруги видных политических деятелей, генералов. В совокупности с официальными материалами (отчеты о военных действиях, протоколы заседаний конгресса США и аналогичные документы Конфедерации, переписка военных и политиков, их речи, приказы и пр.) это необъятное море документов позволяет еще многим поколениям историков прикасаться к нему без боязни повторить уже известное и предоставляет шанс больше узнать о жизни американцев, для которых эта война никогда не станет прошлым.

Автор выражает сердечную признательность профессору Р. Ф. Иванову, который взял на себя труд прочесть работу и сделал важные, обстоятельные замечания.

Глава 1. Мятежники наступают

До первых сражений

Причины гражданской войны в США, вспыхнувшей в апреле 1861 г., слишком противоречивы и многоплановы, чтобы идти на риск беглого пересказа их. И все же рискнем. Еще до того как 4 июля 1776 г. североамериканские колонии Англии, провозгласив независимость, стали самостоятельным государством, на этих землях в основном уже

сложилась социальная иерархия с двумя разновидностями — северной и южной. На Юге во главе ее находился состоятельный класс плантаторов (часто — потомков аристократических английских семейств), деловым придатком которого были торговцы, осуществлявшие массу операций, чересчур сложных для белоручек-аристократов и «недостойных» их. Необъятные плантации Юга — прежде всего табачные (с конца XVIII в. — хлопковые), а также сахарные, рисовые и всякие другие — обрабатывали негры-рабы, лишенные каких-либо прав.

История негров в Северной Америке сложилась так¹, что, являясь формально свободными (на Севере), они были, с точки зрения всех белых американцев в XVII — XVIII вв., существами низшей категории, а для южан — просто предметом домашнего обихода, бессловесными животными, отличавшимися от коров или лошадей только функциональным применением. «Добропорядочные» же северяне, в среде которых торговцы, а затем и промышленники играли ведущую роль, нимало не заботились о том, что происходило с «этими черными» на просторах южных плантаций. Впрочем, на самом Севере рабства не существовало. У части негров там даже были крохотные фермы, порой — лавчонки и мастерские, которые, правда, посещали только негры. Белые же снисходительно взирали на это, искренне радуясь своему «демократизму».

Такое положение сохранялось вплоть до начала 20-х годов XIX в., когда в США появились не отдельные противники рабства (это было и прежде), а группы людей все решительнее высказывавших протест против этого института, несовместимого с бурным развитием капитализма в стране и буржуазно-демократической этикой. В основном это был трудовой люд Севера и — в меньшей степени — Юга: фермеры, ремесленники, позднее — также промышленные рабочие, лучшая часть интеллигенции. Конечно, такое расслоение в вопросе о рабстве не следует понимать буквально, ибо весьма значительная часть простолюдинов (особенно на Юге) была заражена расистскими предрассудками, основанными исключительно на пренебрежении к иному, черному, цвету кожи тех, которым, казалось, навечно суждено было остаться низшей расой на земле Америки.

Но с этим не желали мириться ни сами негры, ни их белые защитники, которых становилось все больше. Начиная с 20-х годов споры о том, быть или не быть в США рабству, и о других связанных с этим проблемах активно вторгаются в политическую область, становятся предметом бурных обсуждений в конгрессе США, в ассамблеях практически каждого штата². Еще до начала гражданской войны негритянский вопрос стал причиной многообразных форм борьбы и в переносном и в прямом смысле слова.

В 50-е годы усилилось нагнетание взрывоопасной обстановки вокруг проблемы рабства. Именно тогда синонимом выражения «негритянский вопрос» стали слова «неотвратимый конфликт» — так и по сей день именуют эту проблему историки.

Дело защиты прав негров на все то, чем пользовались белые граждане Соединенных Штатов, перестало быть монополией одиночек и небольших групп, получивших название аболиционистов (т.е. упразднителей, ликвидаторов чего-то, в данном случае — рабства), объективно став органической частью интересов буржуазии северных штатов, ибо процветавшие на Юге рабство и крупное землевладение сковывали развитие страны по капиталистическому пути. Но плантаторская олигархия Юга не намерена была уступать. Более того, она жаждала распространить рабство и на территории остальных штатов, тем более что кризис рабовладельческого плантационного хозяйства к тому времени углубился, и в получении новых земель плантаторы видели спасение.

Именно поэтому Юг настороженно и даже зло встретил создание в феврале 1854 г. республиканской партии ставшей в те годы выразительницей интересов молодой национальной буржуазии, а также средних и мелких фермеров. Ее лидеры вначале остерегались прямо

¹ Подробнее см.: *Фостер У. З.* Негритянский народ в истории Америки. М., 1955; *Иванов Р. Ф.* Черные пасынки Америки. М., 1978. С. 13—67; *Нитобург Э. Л.* Негры США, XVII—начало XX в. М., 1979; *Бурин С. Н.* Конфликт или согласие? Социальные проблемы колониального Юга США (1642—1763). М., 1980.

² Подробнее см.: *Захарова М. Н.* Народное движение в США против рабства, 1831—1860. М., 1965.

высказываться за отмену рабства, хотя не скрывали антипатии к нему и активно выступали за его ограничение территориями тех штатов, где рабство уже существовало. Конечно, не следует понимать ситуацию тех лет упрощенно: северяне — хорошие, южане — плохие. Представители северной буржуазии объективно решали для себя негритянский вопрос в плане постепенной отмены рабства. Но это отнюдь не означает, что всех их занимали нужды негритянского населения, что они стремились чем-либо ему помочь, кроме формального перевода негров в другую экономическую категорию. Подобно плантаторам, они считали негров недостойными даже минимальных прав, намереваясь предоставить им лишь видимость личной свободы.

Это в полной мере относилось, если говорить о конце 50-х годов, и к будущему президенту США Аврааму Линкольну, позиция которого в советской историографии порой оценивается поверхностно, только в позитивном плане. Между тем взгляды его в ходе войны претерпели сложнейшую эволюцию. Так, в сентябре 1858 г., баллотируясь в сонат от штата Иллинойс, Линкольн высказался против предоставления неграм права гражданства и добавил, что каждый конкретный штат имеет право сделать негров гражданами, но если такой вопрос встанет в его родном Иллинойсе, он будет бороться против этого³. Иными словами, признавая рабство явлением несправедливым, Линкольн не выступал тогда ни за его административную отмену, ни — тем более — за последующее предоставление неграм избирательных прав. Забегая вперед, отметим, что последний шаг Линкольном так и не был предпринят. Он был осуществлен (хотя и чисто формально) лишь в 1870 г, одним из его преемников, президентом Улиссом Грантом, прославившимся в ходе войны в качестве лучшего генерала, а затем и главнокомандующего армией Севера.

В 1860 г. события стали развиваться с нарастающей быстротой. Еще в феврале Линкольн, к тому времени уже очевидный лидер республиканской партии, заявил, что правительство США «не может постоянно быть полурабладельческим и полусвободным» и что полная победа противников рабства или же его сторонников неизбежна⁴. А 6 ноября состоялись президентские выборы, на которых Линкольн голосами 1 866 452 американских граждан был избран президентом и, согласно конституции страны, должен был занять свой пост 4 марта следующего года (позднее этот 4-месячный интервал сократили до 2,5 месяцев, до 20 января).

Победа Линкольна и республиканской партии стала для рабовладельцев своеобразным сигналом к началу действий. Еще до выборов общественность Юга, предвидя подобный их исход, широко обсуждала возможность сецессии (т.е. отделения) южных штатов. Опасаясь этого, Линкольн 30 ноября писал видному политическому деятелю Юга, будущему вице-президенту Конфедерации А. Стефенсу: «Действительно ли население Юга испытывает опасения, что республиканская администрация намерена прямо или косвенно вмешаться в жизнь его рабов и его самого? Если это так, то хочу заверить Вас... что для подобных опасений нет оснований»⁵. Но и провозглашенная республиканцами умеренная доктрина — ограничение рабства его прежними территориями — не устраивала рабовладельцев.

По инициативе губернатора Южной Каролины У. Гиста власти южных штатов еще в октябре 1860 г, тайно условились о совместном выходе из состава Союза в случае победы республиканцев. Спустя полтора месяца после выборов, 20 декабря, Южная Каролина первой осуществила сецессию. Законодатели штата, собравшись в его столице Чарлстоне на экстренный конвент, приняли декрет, где, в частности, заявлялось: «Существующий ныне союз между Южной Каролиной и другими штатами под названием „Соединенные Штаты Америки“ настоящим расторгается»⁶. Примеру южнокаролинцев, как и было условлено в затеянной

³ *Lincoln A.* The Collected Works: Vol. 1-8 / Ed. by R. Basler. New Brunswick, 1953. Vol. 1. P. 406.

⁴ *Ibid.* Vol. 3. P. 517.

⁵ *Ibid.* Vol. 4. P. 128.

⁶ *The Blue and the Gray. The Story of the Civil War as Told by Participants: Vol. 1—2 / Ed. by H. S. Commager.* N. Y., 1950. Vol. 1. P. 6. (Далее: BG).

Гнетом секретной переписке, последовали Миссисипи (9 января 1861 г.), Флорида (10 января), Алабама (11 января), Джорджия 19 января), Луизиана (26 января), Техас (1 февраля). Не везде мнение законодателей было единодушным: так, при принятии решения о сецессии Алабамы голоса, поданные «за» и «против», соотносились как 61 и 39, а в Джорджии — 208 и 89⁷.

4 февраля представители шести из отделившихся к тому времени семи штатов (делегат от только что отколовшегося Техаса прибыл лишь 13 февраля) на конвенте в Монтгомери (штат Алабама) объявили об объединении в рабовладельческую Конфедерацию, президентом которой 9 февраля они выбрали крупного плантатора Джефферсона Дэвиса, бывшего в 1853—1857 гг. министром обороны США. 18 февраля Дэвис «официально» вступил в должность. Конвент в Монтгомери, провозгласив себя конгрессом, принял и конституцию (8 февраля временную, а 11 марта — постоянную), «узаконившую» рабство на Юге.

Война надвигалась неотвратимо, и события, ставшие ее началом, уже разворачивались близ Чарлстона. Выйдя из состава Союза, власти Южной Каролины прекратили поставку продовольствия федеральному гарнизону в форте Моултри, расположенному на северной стороне прилегающей к Чарлстону бухты. Фактическое установление блокады и возможность новых осложнений побудили командующего гарнизоном Моултри, 55-летнего майора Р. Андерсона поздно вечером 26 декабря тайно переправить всех своих людей в стратегически более выгодно расположенный форт Самтер, который находился на острове посередине бухты, при выходе из нее. Мятежники, только утром обнаружившие «пропажу» гарнизона Андерсона и появление его на Самтере, пришли в ярость: ведь до этого они рассчитывали на «мирную» капитуляцию Севера. Теперь же становилось все яснее — войны не избежать!

А положение в Самтере стало просто отчаянным: запасы продовольствия и питьевой воды (прежде ее доставляли с материка) были на исходе. Еще остававшийся в Белом доме президент Дж. Бьюкенен сделал жест, демонстрирующий его готовность помочь людям Андерсона: 9 января в бухту Чарлстона вошел большой пассажирский пароход «Звезда Запада», на котором было продовольствие для Самтера и около 200 солдат для усиления его гарнизона. Но когда батарея мятежников из форта в Куммингс-Пойнте дала по совершенно безоружному пароходу несколько залпов, он развернулся и уплыл. Андерсон, видевший эту сцену со стен Самтера, запретил канонирам поддерживать «Звезду Запада» огнем: у него была инструкция министра обороны Дж. Флойда (тот тайно симпатизировал мятежникам и в последние недели своего министерства отправил на Дальний Запад 15 тыс. солдат федеральной армии из имевшихся тогда у Союза 16367, фактически выведя этим их из строя) «избегать любой акции, которая повела бы к ненужному провоцированию агрессии»⁸.

Время шло, и близился день, когда новоизбранный президент Линкольн должен был занять кабинет в Белом доме. 11 февраля он выехал в Вашингтон из столицы Иллинойса Спрингфилда, где жил до этого. По пути Линкольн останавливался в ряде городов, выступая с речами, что должно было способствовать и укреплению его популярности, и разъяснению позиции будущей администрации по поводу положения в стране. Вскоре он прибыл в Вашингтон.

4 марта, невзирая на мольбы руководителей службы безопасности (у них были серьезные основания опасаться попыток покушения), Линкольн поднялся на трибуну перед недостроенным зданием Капитолия и — теперь уже в качестве президента — произнес небольшую речь. Президент призвал южан к примирению, сказав: «Мы не враги, но друзья. Мы не должны быть врагами»⁹. Он заверил южные штаты, что все опасения по поводу возможной угрозы их собственности (каковой считались и негры-рабы) и безопасности со стороны новой

⁷ Hansen H. The Civil War. N. Y., 1962. P. 34.

⁸ Tragic Years, 1860—1865. A Documentary History of the American Civil War: Vol. 1—2 / Ed. by P. Angle, E. Miers. N. Y., 1960. Vol. 1. P. 13. (Далее: TY).

⁹ Lincoln A. Op. cit. Vol. 4. P. 260.

администрации напрасны. Линкольн особо подчеркнул, что разделение США на два государства противостоит и эти новые образования, Союз и Конфедерация, не могут быть долговременными.

Речь президента уже ничего не могла изменить, но газеты Юга опубликовали ее, с удивлением обратив внимание на блестящий ораторский стиль Линкольна и особенно выделив следующие слова: «В ваших, а не в моих руках, мои недовольные соотечественники, важный вопрос о гражданской войне. Наше правительство не собирается нападать на вас. У вас не возникнет никаких конфликтов, если вы сами не станете агрессорами. Вы не давали клятвы Господу уничтожить это правительство, а я даю, и самую священную, — сохранить, защитить и оборонить его»¹⁰.

Нового президента сразу же ввели во все детали сложнейшей ситуации с Самтером. 9 марта на встрече со своим кабинетом Линкольн предложил министрам обсудить положение и найти оптимальное решение. Некоторые министры советовали эвакуировать форт ввиду невозможности его защиты, другие же, ссылаясь на то, что, по донесениям Андерсона, в Самтере еще оставалась провизия на 28 дней, предлагали до истечения этого срока не поднимать вопрос об эвакуации. Не занял тогда решительной позиции и сам президент. Опасаясь чем-либо спровоцировать мятежников на открытие военных действий, он в конце марта распорядился направить в Самтер небольшую флотилию под командованием Г. Фокса, но не для снятия блокады, а всего лишь для пополнения складов форта запасами продовольствия. Все еще стремясь соблюдать формальные приличия, Линкольн 6 апреля послал губернатору Южной Каролины Ф. Пикенсу уведомление о предстоящей операции и ее чисто мирных целях. А спустя три дня «экспедиция спасения» (под таким названием она вошла в американскую историю) отплыла от нью-йоркских причалов.

Но мятежники, не заинтересованные даже в столь робком укреплении положения осажденного форта, решили действовать немедленно. Их президент Дэвис назначил командующим войсками Южной Каролины генерала Пьера Борегара, который уже 11 апреля направил Андерсону письмо с требованием незамедлительно эвакуировать Самтер. (Любопытно, что Андерсон некогда преподавал кадету Борегару курс артиллерии в Военной академии США в Вест-Пойнте.) Борегар обещал обеспечить в ходе эвакуации «все удобства» и даже сохранить гарнизону оружие и личное имущество. Поблагодарив бывшего ученика за «любезность», Андерсон отказался оставить форт.

Во второй половине дня того же 11 апреля посланцы Борегара, бывший сенатор, а теперь полковник Дж. Чеснат и капитан С. Ли, возвратились с ответом Андерсона, а поздно ночью они же доставили ему новое послание, в котором сухо сообщалось, что Борегар «откроет огонь из своих батарей по форту Самтер через час после указанного времени»¹¹. Это время Чеснат и Ли вписали сами — 3 часа 20 минут 12 апреля 1861 г. Документы неопровержимо доказывают, что мятежники были намерены захватить Самтер независимо от готовности северян вывести оттуда гарнизон¹². Гражданская война в США началась.

В половине пятого утра с батареи мятежников в Куммингс-Пойнте прогремел первый выстрел по Самтеру. Стены форта были прочными, и офицеры гарнизона, по предложению Андерсона, решили... позавтракать, а потом уж ответить огнем своих батарей. Южане вели обстрел все интенсивнее, 19 батарей палили по форту с трех сторон (четвертой стороной Самтер был обращен к Атлантическому океану). Наконец, в 7 часов утра заместитель Андерсона капитан Э. Даблдэй навел орудие на Куммингс-Пойнт и сделал первый ответный выстрел. Разгорелась артиллерийская дуэль.

Где же была в это время «экспедиция спасения»? Она застряла у входа в бухту Чарлстона,

¹⁰ Ibid. P. 257.

¹¹ Battles and Leaders of the Civil War: Vol. 1—4 / Ed. by R. Johnson, C. Buel. N. Y., 1887-1888. Vol. 1. P. 76. (Далее: BL).

¹² Ibid. P. 74—76.

ибо ее командующий Фокс получал от начальства противоречивые указания. Возможно, тут не обошлось без предательства, так как сильнейший в экспедиции корабль, фрегат «Поухэтен», был почему-то отправлен для снятия осады с менее важного и куда более отдаленного форта Пикенс в заливе Пенсакола, на границе Алабамы и Флориды. В итоге экспедиция, еще до начала перестрелки прибыв в неполном составе к самому входу в бухту, так и простояла там, бесцельно дожидаясь «Поухэтена» (как позднее утверждал Фокс), а скорее всего, не испытывая желания ввязываться в опасный бой. Впрочем, по указанию Линкольна вооружения на этих судах практически не было, и помочь защитникам Самтера они могли разве что символически.

Тем временем в форте начались пожары, огонь распространился буквально повсюду, то и дело в складах взрывались снаряды, вызывая новые разрушения. Все же до темноты северяне продержались. На следующий день обстрел возобновился, и наступила неминуемая развязка. У защитников Самтера кончились боеприпасы, и Андерсону пришлось уступить требованию о сдаче форта, переданному приплывшими на лодке посланцами Борегара.

Забегим немного вперед и процитируем строки из отчета, направленного Андерсоном в Вашингтон пять дней спустя (эти полные достоинства слова стали в США хрестоматийными): «Защищал форт Самтер в течение 34 часов, пока казармы не были полностью сожжены, главные ворота разрушены огнем, стены тыльной казармы форта серьезно повреждены, пороховой погреб окружен пламенем, а его дверь заблокирована в результате прямого попадания снаряда; при этом осталось лишь четыре бочонка и три заряда пороха. Не сохранилось никакого продовольствия, кроме свинины. Я принял условия эвакуации, предложенные генералом Борегаром, аналогичные тем, которые он предлагал 11-го числа, еще до начала столкновения»¹³.

Жестокая кровопролитная война только начиналась, впереди были разрушенные города и опустошенные селения, развалины домов и выжженные поля, придорожные канавы, заваленные трупами, превращенные в груды обломков фабрики, шахты, железнодорожные пути... А тогда военачальники Севера и Юга еще могли позволить себе несколько театральное джентльменство, и Борегар разрешил 83 защитникам Самтера беспрепятственно оставить форт и даже забрать с собой все вооружение и личное имущество. В полдень 14 апреля гарнизон форта во главе с Андерсоном под барабанный бой выступил из ворот полуразрушенной крепости. По приказу бесстрашного майора был дан салют национальному флагу США, во время которого взорвалось одно из орудий и погиб стоявший рядом канонир Дэниэл Хоу. Он стал первой жертвой гражданской войны: огонь из Самтера не причинил особого ущерба укреплениям южан, а пальба последних, разнеся стены форта и деревянные постройки, не тронула людей, укрытых в прочных казематах. По взаимной договоренности гарнизон форта погрузился на пароход южан «Изабель», который затем подошел к «экспедиции спасения» и передал на борт судна «Болтик» защитников Самтера.

В Чарлстоне торжественно звонили колокола, по всему Югу праздновали первую победу. Рабовладельцы и не подозревали, что через четыре года эти звуки обернутся для них погребальным звоном.

Стороны мобилизуют силы

Между падением форта Самтер и первым крупным сражением прошло более трех месяцев. Это время было заполнено необычайно активной деятельностью обеих сторон. Назовем только основные их шаги. Поскольку на призыв Линкольна от 15 апреля откликнулось множество добровольцев в разных концах страны (некоторые пробирались на Север даже из мятежных штатов), перед правительством Союза встала сложнейшая проблема: во что одеть и чем вооружить эту массу людей. Пришлось спешно направлять губернаторам штатов разъяснения, сколько именно человек требуется от каждого штата. Но горевшие желанием немедленно отомстить коварным мятежникам за раскол страны молодые парни и зрелые отцы

¹³ ТУ. Vol. 1. P. 59. Подробнее о столкновении у Самтера см.: Бурин С. Н. Захват форта Самтер: (Первое сражение гражданской войны в США) // Новая и новейшая история. 1985. № 2, С. 201—205.

семейств быстро превысили эти квоты. Необходимо учитывать и такой фактор: Линкольн ограничил этот добровольный призыв трехмесячным сроком службы, так что многим она рисовалась в виде короткой прогулки на Юг, покорения трусливых и самоуверенных джонни (так в годы войны северяне снисходительно называли южан; те же именовали их традиционным «янки») и триумфального возвращения домой.

Линкольн продолжал действовать. Понимая, что низкий промышленный потенциал Юга вынудит мятежников обратиться за вооружением и товарами к Англии, Франции и другим европейским державам, президент 19 апреля объявил о морской блокаде всего побережья южных штатов — от Южной Каролины до Техаса. В эти же дни стало известно, что 17 апреля Виргиния заявила о сецессии и присоединении к Конфедерации, а Арканзас и Северная Каролина близки к такому же решению (официально оно было принято в этих штатах 6 и 20 мая). Поэтому Линкольн 27 апреля расширил сферу действия блокады и на эти штаты. 3 мая президент обнародовал декларацию о призыве новых добровольцев, но теперь уже сроком на три года: к тому времени стало ясно, что за три месяца война вряд ли закончится.

Впрочем, на Юге это поняли еще раньше. 6 марта Конфедерация объявила о наборе 100 тыс. добровольцев с годичным сроком службы. Руководство мятежников и их сторонники на Севере предпринимали и иные энергичные шаги, прежде всего в плане вербовки новых союзников из числа штатов, еще не занявших определенной позиции. В равной мере и Север был заинтересован в сохранении как минимум нейтралитета таких штатов.

Речь идет о так называемых «пограничных» штатах — Мэриленде, Миссури, Кентукки и Теннесси (а также о западной части Виргинии, где рабовладение не прижилось и было много сторонников Союза). В этих штатах преобладал рабовладельческий способ ведения хозяйства, но в силу ряда причин — прежде всего из-за соседства с территорией Севера — они традиционно избегали излишне острых конфликтов с ним. Будущая позиция «пограничных» штатов в войне ввиду их крайне выгодного стратегического расположения (в самом центре страны!) была исключительно важна. К. Маркс, ставший, как и Ф. Энгельс, первым историком и аналитиком этой войны, сказал об этих штатах: «Кто ими владеет, тот и господствует над Союзом»¹⁴.

Наиболее важной для Севера была проблема Мэриленда. Из его территории некогда был выделен федеральный столичный округ Колумбия с городом Вашингтоном. Легко представить, что могло получиться, если бы столица США оказалась внутри территории мятежного штата. Именно Мэриленд тотчас после сдачи Самтера стал ареной противоборства сторон. 19 апреля в его столицу — Балтимор вошел 6-й массачусетский полк — первое из соединений добровольцев, промаршировавшее от Бостона, где оно было сформировано, до Балтимора в то время эти города не были связаны железной дорогой), чтобы оттуда на поездах доехать до Вашингтона.

Но в Балтиморе еще до прибытия добровольцев начались беспорядки: на улицах собирались толпы, распевавшие песни и гимны мятежников. Намереваясь преградить дорогу добровольцам, сторонники южан даже устроили на одной из улиц баррикаду. Страсти накаляются. Когда на улицах показались отряды добровольцев, толпа пришла в неистовство; сторонники мятежников швыряли в солдат камнями, били палками, подожгли мост, через который предстояло следовать массачусетцам. В конце концов добровольцам пришлось открыть огонь и штыками проложить себе путь к вокзалу.

В итоге стычки на улицах Балтимора 6-й полк потерял четырех человек убитыми и 36 получили ранения. Среди горожан, как позднее сообщила балтиморская полиция, было девять убитых и много раненых. Президент Конфедерации Дэвис в телеграмме от 22 апреля просил губернатора Виргинии Дж. Летчера: «Поддержите Балтимор, если возможно. Мы пошлем вам подкрепления»¹⁵. А насмерть перепуганный губернатор Мэриленда Хикс отправил Линкольну

¹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 30. С. 238.

¹⁵ Davis J. The Rise and Fall of the Confederate Government. N. Y., 1881. Vol. 1. P. 300.

телеграмму: «Волнение устрашающе. Не посылайте больше сюда войск»¹⁶.

Балтимор продолжал бурлить. Едва массачусетский полк покинул город, толпа разгромила вокзал, в ряде мест перегородила или разрушила пути, несколько паровозов были сброшены в реку. Вашингтон, по сути дела, оказался отрезанным от северных штатов и остался лицом к лицу с мятежным Югом. Игнорируя просьбу Хикса, Линкольн распорядился ввести в Балтимор другие только что набранные подразделения, и порядок в городе был восстановлен. Правда, железнодорожное сообщение Вашингтона с Севером возобновилось только к 13 мая, так как вконец растерявшийся Хикс приказал во избежание новых инцидентов поджечь железнодорожные мосты. После этого правительство Союза неизменно держало в Мэриленде достаточное количество войск, что и обеспечило вынужденный нейтралитет этого штата в войне. Уже 27 апреля 57 законодателей мэрилендской ассамблеи проголосовали «против» сессии; «за» — лишь 13 человек¹⁷.

Еще сложнее обстояло дело в Миссури и Кентукки. Губернатор Миссури К. Джэксон, выступивший за сессию еще при избрании Линкольна президентом, в феврале 1861 г. попытался протащить решение об отделении через ассамблею штата. Однако голосование дало неожиданный для Джэксона результат: 89 законодателей были «против», «за» — только один. Тем не менее на призыв Линкольна о добровольцах губернатор откликнулся 17 апреля следующей телеграммой: «Ваше предписание, по моему суждению, является незаконным, антиконституционным и революционным по своей цели, бесчеловечным и дьявольским и не может быть исполнено. Ни единого человека штат Миссури не предоставит для проведения любого подобного бесовского крестового похода»¹⁸.

Но пассивного сопротивления Джэксону было недостаточно, и он решил во главе милиции штата пробиться в расположение мятежников, а потом с их помощью «освободить» Миссури. Под теми или иными предлогами губернатор уволил из рядов милиции сторонников Союза, быстро превратив ее в свое послушное орудие. К началу мая Джэксон собрал около 1 тыс. этих милиционеров в лагере на окраине Сент-Луиса, намереваясь захватить городской арсенал, где хранилось 60 тыс. винтовок. При удаче этого предприятия губернатор мог бы легко вооружить своих сторонников в штате и без помощи мятежников решить вопрос о принятии сессии. Во главе милиционеров Джэксон поставил опытного генерала Д. Фроста.

Федеральный гарнизон Сент-Луиса, насчитывавший в то время всего несколько десятков человек, возглавлял генерал Фрэнсис Блэйр-младший, который еще в марте через своего брата, министра связи в кабинете Линкольна, сообщил президенту об опасениях за судьбу арсенала. Линкольн прислал Блэйру подкрепления во главе с молодым, решительным капитаном Натаниэлом Лайоном. Блэйр и Лайон в дополнение к гарнизону вооружили примерно тысячу жителей Сент-Луиса (почти исключительно немецкого происхождения), в лояльности которых к Союзу они были уверены. С помощью этих ополченцев все оружие из арсенала перевезли в соседний Иллинойс, где не было подобной угрозы.

Разъяренный Джэксон сумел через своих агентов раздобыть оружие в Новом Орлеане и в ящиках с надписью «мрамор» быстро переправить его в лагерь милиционеров, который честолюбивый губернатор назвал своим именем. Охрана лагеря Джэксон была усилена, впускали только «своих». Блэйр и Лайон подозревали, что милиционеры замышляют какую-то акцию, но силой проникнуть в лагерь у них не было никаких оснований, к тому же это немедленно объявили бы насилием над гражданскими свободами. Между тем, по некоторым сведениям, на 11 мая Фрост намечал поднять с помощью милиционеров мятеж. 9 мая через лагерь Джэксон неспешно проехала неприметная коляска с какой-то старой дамой, укутанной в шаль. Лицо ее скрывала темная вуаль, свисавшая с широкополой шляпы. Когда спусти

¹⁶ BG. Vol. 1. P. 80.

¹⁷ Hansen H. Op. cit. P. 35.

¹⁸ TY. Vol. 1. P. 66.

некоторое время у дома Блэйра остановилась эта же коляска, изумленные прохожие увидели, как дама легко спрыгнула на мостовую и из-под ее длинного платья на мгновение показались шпоры кавалерийских сапог! «Дамой» был не кто иной, как сам Лайон, добывший таким путем неопровержимые факты противозаконной деятельности милиционеров Фроста.

На следующее утро, 10 мая, внушительный отряд ополченцев-немцев (судя по всему, число их не превышало 1 тыс.) приблизился к воротам лагеря и возглавлявший его Лайон приказал часовым пропустить их. Те попросили капитана предъявить полномочия на вход в лагерь, на что Лайон с достоинством ответил: «Одну минуту». Он сделал знак ополченцам, и те расступились, обнажив дуло тяжелого орудия, направленное на оторопевших часовых. Все так же спокойно Лайон предложил милиционерам сдаться, пригрозив открыть огонь, а ополченцы развернулись в цепь для атаки. 635 милиционеров были вынуждены сдаться, и их под конвоем отправили в городскую тюрьму.

По дороге арестованные жалобно взывали к жителям города, умоляя спасти их от казни и пыток. Неподалеку от тюрьмы группа горожан попыталась освободить милиционеров, но Лайон приказал открыть огонь, и толпа немедленно разбежалась; 28 человек при этом было убито. Любопытная деталь: это столкновение на улицах Сент-Луиса с разных точек наблюдали два будущих героя войны — еще не знакомые друг с другом Улисс Грант и Уильям Шерман. Первый оказался в городе, занимаясь набором добровольцев для штата Иллинойс, а второй в то время жил в Сент-Луисе и возглавлял там... компанию, ведавшую городской конкой. Заметим также, что всех арестованных на следующий же день вместо ожидаемых «пыток» отпустили по домам, разумеется, отобрав у них оружие и, как водится, взяв обещание никогда не воевать против Союза. В Вашингтоне известия из Сент-Луиса встретили с радостью, а главнокомандующий федеральными войсками престарелый генерал Уинфилд Скотт присвоил Лайону звание бригадного генерала.

Однако ситуация в Миссури была далеко не безоблачной: сразу же после ликвидации лагеря Джэксон вместе с рядом членов ассамблеи и освобожденными милиционерами (естественно, о своем «обещании» они забыли, едва выйдя за ворота тюрьмы) доплыл на пароходах по Миссури до столицы «своего» штата Джефферсон-Сити, намереваясь там поднять население на мятеж против Союза. В качестве аргумента теперь выдвигался расстрел ополченцами Лайона «мирных, незащищенных жителей». Что ж, на многих это производило впечатление. В частности, С. Прайс, занимавший пост губернатора до Джэксона и в начале войны решительно выступивший против сецессии, узнав о «кровавой расправе», предложил свои услуги Джэксону, за что и получил от него звание генерала.

Созванная Джэксоном ассамблея осудила действия Блэйра и Лайона, а также облекла губернатора чрезвычайными полномочиями. Генерал-южанин Б. Маккалоч, командовавший силами мятежников в Арканзасе, уже двинул на поддержку Джэксона свои части. Но Лайон, опередив Маккалоча, явился в Джефферсон-Сити с войском, и Джэксону все в той же компании снова пришлось бежать. 17 июня Лайон настиг его у Бунвилла и нанес довольно чувствительное поражение. Джэксон бежал к границе с Арканзасом, навстречу частям Маккалоча. Спешно созванный Блэйром конвент в Сент-Луисе объявил этого генерала новым губернатором, а изменника Джэксона — предателем.

Теперь о Кентукки, губернатор которого Б. Мэгоффин с самого начала конфликта поддерживал рабовладельцев. Едва узнав про призыв Линкольна о добровольцах, он отправил в Вашингтон телеграмму, сообщавшую, что «Кентукки не предоставят войск для греховной цели — подчинения братских южных штатов»¹⁹. Это крайне обеспокоило вашингтонскую администрацию: Кентукки клином врезались в территорию Севера, как бы намереваясь расколоть его, и отход этого штата к мятежникам мог повлечь на собой расчленение Союза. Линкольн сказал в этой связи: «Надеюсь, что Господь за меня, но и Кентукки должны быть за меня»²⁰. Однако большинство законодателей штата, к счастью, выступали за единство Союза,

¹⁹ Ibid. P. 65.

²⁰ Pratt F. Ordeal by Fire. An Informal History of the American Civil War. L., 1950. P. 15.

против сецессии. И Мэгоффин выбрал компромиссный вариант: он обратился к населению с призывом соблюдать нейтралитет, т.е. не откликаться ни на северные, ни на южные воззвания о наборе добровольцев. 24 мая ассамблея Кентукки официально объявила о нейтралитете штата. Впоследствии Кентукки дали ряд воинских соединений Союзу, хотя и на Юг бежало немало «добровольцев».

Что же касается четвертого «пограничного» штата — Теннесси, то его власти еще 7 мая заключили военный союз с Конфедерацией, а 8 июня было объявлено, что по результатам проведенного в штате референдума (104 019 избирателей высказались «за» сецессию, 47 238 — «против»²¹) Теннесси выходит из состава Союза и примыкает к Конфедерации. Итак, борьба за «пограничные» штаты завершилась явно в пользу Союза. Кроме того, Конфедерация вскоре потеряла и западную часть Виргинии.

В целом первые три месяца войны (до середины июля), обычно «пробегаемые» исследователями как этап якобы малозначительный, при внимательном рассмотрении оказываются интереснейшим периодом, в сумбуре и хаосе которого, в постоянно возникающих и рушащихся планах, надеждах и начинаниях все могло бы повернуться по-другому, пойти иным путем.

Когда в первые дни президентства Линкольн постоянно обращался к министрам, сенаторам и другим видным лицам с просьбой «что-нибудь предложить», он нередко слышал в ответ нелепости. Впрочем, были и разумные предложения. Например, главнокомандующий У. Скотт в письмах генералу Дж. Макклеллану от 3 и 21 мая, еще не подозревая, что обращается к своему преемнику, сформулировал так называемый план «Анаконда». Этот план предполагал создание сети кордонов по линии реки Огайо и наступление 60-тысячной армии северян вниз по течению Миссисипи. В совокупности с морской блокадой это привело бы, как полагал Скотт, к постепенному сдавливанию и «удушению» Конфедерации. План «Анаконда», пожалуй, излишне резко критикуется в историографии, на деле же изъяны кроются не столько в нем, сколько в отсутствии у Севера сил для таких операций в начале войны.

Тем временем неизбежность, неотвратимость жестоких, кровопролитных боев становилась все очевиднее. К началу войны на Севере проживали 22 млн человек, на Юге — лишь 9 млн, из них 3,5 млн составляли негры-рабы. Значительным было и экономическое превосходство Севера, хотя в известной степени оно было связано с доходами от сельскохозяйственной продукции Юга (промышленность в южных штатах практически отсутствовала). Тем не менее Юг, объективно более слабая сторона, с первых же дней войны повел себя крайне воинственно, его представители на всех уровнях высказывались в категорическом и непримиримом тоне. Южане явно готовились драться не на жизнь, а на смерть, драться до победы, под которой более решительные из них понимали военный разгром Севера, а остальные — «всего лишь» жесткую оборону границ Конфедерации, чтобы северяне ничем не могли нарушить ее политическую и социально-экономическую структуру.

И напротив: Север, резонно чувствующий себя более сильным, уверенный в казавшихся ему неисчерпаемыми ресурсах, не торопился в бой, наивно считая, что победа гарантирована ему и так. Да и неясная перспектива какого-то (они еще и представить не могли, какого именно!) числа жертв и разрушений, крупных материальных затрат не вдохновляла деловых, экономных северян на немедленную драку. Что ж, определенные основания для такой беспечности у северян были, возможно даже в большей степени, чем это принято считать. По мнению большинства исследователей, лучшая и преобладающая часть американского офицерства сразу же после сецессии уволилась из армии и отправилась в родные южные штаты. Цифры говорят об обратном: из 1108 офицеров, состоявших в армии США на начало 1861 г., лишь 313 (чуть более 28%) подали в отставку и затем вступили в различные армии Юга²². Практически все они были южанами и не без определенной логики заявляли, что никто не

²¹ Hansen H. Op. cit. P. 34.

²² Adams M. C. C. Our Masters the Rebels. A Speculation of Union Military Failure in the East, 1861—1865. Cambridge (Mass.), 1978. P. 61.

заставит их воевать против родного штата. Итак, реальное соотношение налицо: 795 офицеров остались на Севере.

Миф о том, что чуть ли не все федеральные офицеры «сбежали» на Юг, отчасти был порожден отдельными яркими примерами такого рода. Главный из них связан с биографией самого известного генерала Конфедерации Уроженца Виргинии Роберта Ли. В начале 1861 г. он выступил против сецессии южных штатов. В то время полковник Ли временно командовал Техасским округом. После сецессии Техаса (1 февраля) он покинул этот пост и уехал к семье в Арлингтон, на границе Виргинии и федерального столичного округа Колумбия. 28 марта Линкольн назначил Ли командиром 1-го кавалерийского полка регулярных войск, а 18 апреля главнокомандующий Скотт пригласил Ли к себе и предложил занять его пост. Скотт пояснил, что сам он уже стар и боится не справиться со сложнейшими задачами военного времени. Но Ли отказался, а уже 22 апреля губернатор Виргинии Летчер предложил ему командовать всеми вооруженными силами штата в звании генерал-майора. Ли согласился. В те апрельские дни время надежд и иллюзий для обеих сторон подходило к концу. Страшная, жестокая война, о которой, как говорят сами американцы, помнят даже грудные дети, родившиеся много десятилетий спустя, уже стучалась в ворота страны, провозгласившей себя самой демократической, самой свободной, самой процветающей на земле, не интересуясь, что думают об этом другие нации. И вот теперь самонадеянные соотечественники сходились лицом к лицу на полях сражений, чтобы огнем орудий и винтовок устроить кровавую проверку всем этим лозунгам, в неоспоримости которых американцы до тех пор не сомневались.

Бои в Виргинии

Старейший из американских штатов, Виргиния (в США ее называют Старым доминионом), в течение всей гражданской войны находился в центре военных действий. Он был оплотом Конфедерации в военном, экономическом, наконец, в стратегическом отношении; последнее, в частности, определялось его близостью к столице страны. Не случайно мятежники уже 20 июля перенесли свою столицу из отдаленного алабамского городка Монтгомери в главный город Виргинии — Ричмонд. Виргиния «держала» весь восточный фронт мятежников и в то же время имела хорошее сообщение — особенно железнодорожное и морское (блокада, несмотря на все усилия северян, никогда не носила абсолютного характера) — с штатами Конфедерации, оказавшимися на западном фронте.

Прекрасно понимая значение Виргинии, обе стороны с первых же дней войны попытались добиться максимума возможного для себя в этом штате. Южане претендовали на безусловное обладание всей его территорией, а северяне стремились захватить там хотя бы несколько плацдармов, чтобы в дальнейшем развивать оттуда наступление в глубь штата. 18 апреля виргинская милиция атаковала федеральный арсенал в Харперс-Ферри, на севере Виргинии, в котором хранилось более 17 тыс. винтовок. 45 северян во главе с лейтенантом Р. Джонсом успели перед отступлением в Мэриленд поджечь склад, и все винтовки сгорели. Но мастерские при арсенале с ценными оборудованием и материалами попали в руки мятежников и в значительной степени стали основой их оружейной промышленности, которой до этого на Юге не было.

Ответный удар северяне нанесли уже спустя пять дней. Поздно вечером 23 мая их войска вступили на Длинный мост, отделяющий Вашингтон от Виргинии, и заняли важный железнодорожный узел Александрию.

Пожалуй, особенно напряженным в те дни было положение в западной части Виргинии, в гористой местности которой практически не было ни рабства, ни самих рабов. Когда в апреле 1861 г. ассамблея Виргинии собралась для принятия решения о сецессии, законодатели от западных округов покинули Ричмонд, заявив, что намерены провести «свою сецессию», т.е. выделиться из состава Виргинии, чтобы затем воссоединиться с Союзом. Теоретики Конфедерации оказались в тупике: ведь, подготавливая и принимая решение о сецессии, они неизменно апеллировали к Декларации независимости США (1776 г.), провозгласившей право любого народа менять или свергать недостойных правителей. Подразумевалось, что арбитром в такой ситуации является мнение народа. Но, зарезервировав за собой и осуществив право выйти

из-под власти «недостойного правителя» (именно так именовали на Юге Линкольна, а также «тираном», «деспотом», «негритянским мессией» и пр.), рабовладельцы отказывались признать такое право за западом Виргинии, население которого не пожелало оставаться в их «государстве».

А пока власти Виргинии находились в замешательстве, командование Союза 13 мая приняло решение о создании армии и округа Западной Виргинии. Во главе их был поставлен 35-летний генерал Джордж Макклеллан, многим на Севере казавшийся тогда будущим военным лидером. Об этом человеке необходимо сказать особо. Макклеллан, пожалуй, был наиболее ярким примером так называемых «генералов-политиканов» (в армии Севера их оказалось так много, что возник даже соответствующий термин), в судьбах которых было немало схожего: они обожали помпезность, шик, трескотню в газетах вокруг своей персоны, рвались к высоким политическим постам, вплоть до президентского.

Значительно позднее, в августе 1862 г., Маркс писал об этих «полководцах»: «Практиковавшийся до сих пор подбор генералов исключительно путем дипломатических и партийных интриг вряд ли способствовал выдвигению талантов»²³. Как офицеры-профессионалы эти новоиспеченные генералы ничего собой не представляли, хотя Макклеллан как раз не был лишен таланта теоретика и организатора. Но в главном, что требуется от военного — умении воевать, Макклеллан был беспомощен. Он постоянно завывал численность войск противника (порой в 2—3 раза), чего-то выжидал, отступал при первой же серьезной опасности. В то же время амбиция и растущая популярность генерала (на первом этапе войны и армия и население Севера буквально боготворили Макклеллана) вели к тому, что он все демонстративнее игнорировал требования Линкольна и других вышестоящих лиц действовать решительнее и энергичнее. Нередко Макклеллан шел на прямой обман начальства, лишь бы оно «отвязалось» и не мешало ему.

Когда по прошествии лет специалисты стали разбираться в «подвигах» Макклеллана, выяснилось, что за потоком хвалебных статей в прессе, его собственных хвастливых реляций и восторженных оценок его поклонников ничего нет. В одной из статей, написанной уже в мае 1862 г., К. Маркс и Ф. Энгельс уничтожающе заклемила Макклеллана, подчеркнув, что для него «цель военных действий состоит не в том, чтобы разгромить врага, а лишь в том, чтобы избежать собственного поражения и таким образом не лишиться своего узурпированного величия»²⁴. Лишь кампания в Западной Виргинии в начале июля 1861 г., о которой сейчас пойдет речь, добавляет мазок средней яркости в довольно тусклую картину «подвигов» этого генерала.

Законодатели Западной Виргинии, покинувшие ричмондскую ассамблею, собрались на конвент в г. Уилинге, где избрали К. Тарра губернатором своей новой территории (официально Западная Виргиния стала штатом и вошла в Союз только 30 июня 1863 г.). А 17 июня конвент одобрил декларацию, осуждавшую действия виргинской ассамблеи и объявлявшую их «незаконными». В Вашингтон была направлена просьба об оказании военной помощи, так как генерал Ли уже двинул на непокорные округа 8 тыс. солдат во главе с генералом Р. Гарнеттом, которые, дойдя до г. Беверли, готовились к решительному удару.

Еще в начале мая Макклеллана телеграммой вызвали в Вашингтон из штата Огайо, губернатор которого, Дэннисон, успел за неизвестные заслуги произвести капитана Макклеллана сразу в бригадные генералы. Получив приказ срочно идти в Западную Виргинию, новоиспеченный генерал вернулся к своей бригаде в столицу Огайо Колумбус. Оттуда было всего 2—3 дня пешего пути до границ Западной Виргинии, но Макклеллан решил показать (далеко не в последний раз!) свой строптивый характер. Он заявил, что у него не хватает вооружения, особенно артиллерии, и только после того, как из Индианы ему прислали несколько артиллерийских батарей, генерал во главе 20-тысячного войска двинулся к г. Графтону.

²³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 30. С. 222.

²⁴ Там же. Т. 15, С. 518.

После ряда довольно бессмысленных перемещений своих войск Макклеллан в ночь на 3 июня атаковал лагерь мятежников близ г. Филиппи. Едва успевшие проснуться южане, поливаемые орудийными залпами и проливным дождем, даже не попытались оказать сопротивление и бросились бежать. В полной темноте северяне не могли вести прицельный огонь, так что в опустевшем лагере мятежников остались 15 убитых и раненых. У северян было лишь двое раненых. Однако Макклеллан составил такой живописный отчет, что в Вашингтоне сумбурную стычку приняли за грандиознейшую битву.

Правда, вскоре частям Макклеллана пришлось вести и более серьезные бои. 11 июля у горного прохода Рич и 13 июля у брода Гаррика через речку Чит они разбили части южан, которым после этого пришлось покинуть Западную Виргинию. Впрочем, масштаб и этих побед Макклеллана был относительно малым, но генерал называл их «грандиозными», утверждая, что разбил «две армии» во главе с опытнейшими командирами. Бойкие на язык репортеры присвоили Макклеллану титул «маленький Наполеон» (генерал был невысоким), и тщеславный «Мак» охотно позировал фотографам в «наполеоновской» позе, заложив руку за отворот мундира.

В те первые месяцы войны правительство и население Севера испытывали ощущение неполноты, неудовлетворенности: они ждали более ярких и внушительных, чем в Западной Виргинии, побед, которые поставили бы на место зарвавшихся джонни. Известный аболиционист Х. Грили, создатель и бессменный редактор органа республиканцев газеты «Нью-Йорк дейли трибюн» (для простоты ее чаще называют «Трибюн»), ввел в своем издании постоянную шапку — «Вперед, на Ричмонд!». Этот призыв выражал в то время настроение большинства северян, под впечатлением успехов Макклеллана в Западной Виргинии окончательно поверивших в то, что мятежники побегут после первого же серьезного удара. Общественное мнение, выразившееся в призыве Грили, определило и направление будущего удара. Правда, до самого Ричмонда было далековато, но то, что удар будет нанесен по Виргинии, было очевидно.

Налицо были и главные соперники: генерал Ирвин Макдоуэлл, назначенный 27 мая командующим войсками северян на северо-востоке Виргинии (подразумевалось, что вслед за крохотными плацдармами войска Союза займут там и более существенные территории), и генерал-южанин П. Борегар, уже «прославившийся» при захвате форта Самтер. Макдоуэлл возглавлял 35-тысячную армию, а в распоряжении Борегара было 23 тыс. человек, сконцентрированных близ речки Булл-Ран, в районе железнодорожных станций Манассас и Сентервилл, всего в 25 милях к югу от Вашингтона. Но в долине реки Шенандоа (это место в дальнейшем стало ареной таких жестоких сражений, что американцы уважительно именуют его просто Долиной), немного севернее г. Винчестер, стояло 15-тысячное войско генерала Джозефа Джонстона (это имя встретится нам не раз), который мог по железной дороге быстро прибыть на соединение с Борегаром.

Зная это обстоятельство, Макдоуэлл не спешил атаковать мятежников у Булл-Рана. Зато торопилось правительство: 24 июня командование утвердило план наступления на район Манассаса и приказало начать операцию 8 июля. Подлила масла в огонь и стычка близ виргинского города Йорктауна: 10 июня обычно робкий, но на этот раз набравшийся смелости генерал Б. Батлер неожиданно атаковал мятежников из форта Монро, по новобранцы действовали неумело, и небольшая часть южан во главе с полковником Д. Х. Хиллом легко отбросила их. Северяне потеряли 76 человек убитыми и ранеными, а мятежники — только 11²⁵. Общественное мнение Севера было оскорблено, требуя немедленного реванша. Однако Макдоуэлл, сославшись на возможность соединения Джонстона и Борегара, заявил, что не намерен рисковать жизнями солдат, пока те не будут достаточно хорошо подготовлены. За месяц до своего назначения командующим округом Макдоуэлл был всего лишь армейским майором, и, разумеется, ему было не под силу командовать крупнейшей на то время армией за всю 85-летнюю историю США! Линкольн убеждал генерала, что Джонстона «надежно

²⁵ *Boatner M. M. Cassell's Biographical Dictionary of the American Civil War, 1861—1865. L., 1973. P. 63. (1st print.: 1959).*

сдерживает» 22-тысячное войско новобранцев во главе с генералом Р. Паттерсоном. Наконец Макдоуэлл сдался: 16 июля его армия выступила в поход, взяв курс на Манассас.

К тому времени вездесущие репортеры (описание того вреда, который они нанесли Северу за годы войны, могло бы составить отдельную работу) опубликовали в газетах Союза обширную информацию о «плане разгрома южан», причем говорилось не только о намерении северян ударить именно по Борегару, но и публиковалась карта (!), точно обозначающая маршрут движения Макдоуэлла. Итак, направление удара противнику стало известно. А время операции? Увы! мятежники узнали и его.

Еще 10 июля молодая красавица Бетти Дюваль доставила генералу-южанину М. Бонхэму прямо из Вашингтона от ставшей впоследствии знаменитой шпионки мятежников Розы Гринхау сообщение о маршруте будущего наступления северян (более точное, чем в газетах) и о его примерных сроках — середина июля. Мятежники срочно отправили к Гринхау лазутчика с поручением уточнить сроки наступления. Поздно вечером 15 июля шпионка вручила этому курьеру зашифрованную записку, указав в ней, что Макдоуэлл выступит вечером следующего дня. Лазутчик кружным путем, через Мэриленд, вернулся в Виргинию, и к моменту выступления северян записка Гринхау уже была у Борегара. Немедленно выдвинув свои части на передовые позиции, генерал утром 17 июля (северяне в то время неторопливо шагали к Манассасу) послал телеграмму в Ричмонд, настаивая на срочной присылке армии Джонстона. Так армия мятежников была спасена от разгрома (ниже вы прочтете об этом). А Гринхау вскоре была арестована и в конце июля 1862 г. выслана властями Союза на Юг, где ее встретили с почестями, (Автор предполагает в отдельной работе подробнее рассказать о деятельности Гринхау и прочих разведчиков Севера и Юга.)

Записка Гринхау сразу же изменила ситуацию. Из Ричмонда Джонстону была направлена телеграмма с приказом немедленно двигаться на соединение с Борегаром, оставив «должные» заслоны против Паттерсона. Отметим, что 69-летний Паттерсон с самого начала войны занял пассивную, выжидательную позицию, постоянно клянчил у Скотта подкрепления, хотя части Джонстона составляли лишь 2/3 его сил. Хитрый Джонстон, хорошо понимая, с кем имеет дело, оставил на месте скрытно покинутой стоянки бригаду Эдмунда Кэрби-Смита, которая несколько дней успешно дурачила Паттерсона, дерзкими наскаками убеждая его, что вся армия Джонстона стоит на прежнем месте.

Макдоуэлл же вел себя крайне нерешительно. После того как его авангард наткнулся 18 июля на дозоры Борегара (последние немедленно отступили), генерал еще три дня протоптался на северном берегу Булл-Рана. За это время разведка Борегара довольно точно установила численность войск северян и — по расположению частей — примерный план их действий. С 20-го числа к Борегару стали прибывать части Джонстона, и теперь ничего не подозревавшего Макдоуэлла готовились встретить уже не 20 тыс. человек, как он предполагал, а более 32 тыс. По приказу Борегара южане блокировали все броды через Булл-Ран, а основные силы расположились южнее Сентервилла, с тем чтобы в ходе боя ударить по этому городку и отрезать северянам пути отхода к Вашингтону.

Итак, вечером 20 июля около 65 тыс. американцев, разделенных на две враждебные армии, стояли у речушки Булл-Ран, готовые начать первое в этой войне (и в американской истории!) братоубийственное сражение в столь неслыханных масштабах. Оно получило имя от маленькой речки, на берегах которой развернулось, хотя отечественные историки с давних пор упорно именуют его сражением у Манассаса. Так когда-то назвала его пресса мятежников, но со временем в США утвердился «северный» вариант, и конечно же логичнее и нам именовать его так. Булл-Ранское сражение в значительной степени определило дальнейший ход войны примерно до осени 1862 г.

Воскресный день 21 июля выдался солнечным. С утра весь вашингтонский «цвет» устремился к Сентервиллу, чтобы посмотреть, как отважный Макдоуэлл задаст трепку трусливому Борегару. Дамы надели нарядные платья, мужчины захватили с собой съестное и виски — намечался забавный пикник с бесплатным представлением. Их уверенность в ослепительной победе не могли поколебать ни жара, ни дорожная пыль, ни даже бредущая им навстречу толпа солдат, лишь условно напоминавшая колонну.

Это торопились домой те «патриоты-добровольцы», трехмесячный срок службы которых

только что истек, и зловещая канонада, доносившаяся издали, торопила их. Еще недавно вместе с тысячами других северян они радостно ломались в двери призывных участков, мысленно ощупывая в карманах будущую добычу, видя на груди награды и... ну, что ж, может быть, небольшую царапину, случайно нанесенную удиравшим в страхе джонни. Три месяца службы казались им тогда слишком большим сроком, для того чтобы разбить этих трусливых мятежников. Но победа что-то не приходила, а дома ждали дела, к тому же, как вдруг выяснилось, на войне могли и убить... И вот уже «патриоты» судорожно отсчитывали дни, оставшиеся до истечения службы, чтобы стремглав разбежаться по домам. А иные и трех месяцев не стали дожидаться.

Тем же, кто этим утром еще оставался в армии Макдоуэлла, предстояло суровое испытание. Саперы Макдоуэлла накануне отыскиали не обозначенный на карте брод через Булл-Ран, и генерал решил нанести удар именно там. В 2 часа ночи солдат ударной группы разбудили и отправили в обходный 12-мильный марш, который вывел бы их в тыл Борегара. Одновременно Макдоуэлл планировал прямой удар двумя другими группами по каменному мосту через Булл-Ран, а также к югу от Сентервилла, где по мнению генерала, противник ожидал главного удара.

С рассветом обходная группа из двух дивизий во главе с Макдоуэллом, миновав не защищенный противником брод Садли-Спрингс, перешла речку и вскоре оказалась в тылу левого фланга южан. Но «марш-бросок» занял больше времени, чем предполагалось: новобранцы быстро устали и шли все медленнее, к тому же в дороге многие съели свои пайки и время от времени разбредались по окрестным полям и лесам в поисках ягод и грибов. В результате атаку удалось начать только около 10 часов утра. Тем не менее она оказалась успешной: не ожидавшие от северян такой прыти, мятежники дрогнули и стали отступать почти сразу же. Не столь удачно развивалась атака через каменный мост, но и там северяне теснили противника. Счастливый Макдоуэлл, несколько опережая события, приказал отправить в Вашингтон телеграмму о «победе»,

А Борегар из-за отдаленности левого фланга не сразу узнал об атаке на него. Лишь когда оборона Эванса и Бэртоу уже трещала по всем швам, он распорядился атаковать левый фланг северян и ворваться в Сентервилл. Но из-за нерасторопности штаба (это как бич преследовало в ходе войны обе стороны — штабы работали из рук вон плохо) приказ Борегара был передан командиру соответствующей дивизии с опозданием, когда ситуация осложнилась для южан еще больше. Их подвергшийся удару левый фланг был смят и едва ли не полностью перемешался с центром! Прискакавший к месту надвигавшейся катастрофы Борегар бросил наперерез наступлению северян резервную бригаду Томаса Джэксона из Виргинии, которой удалось остановить мощный натиск. Это помогло обрести уверенность и другим частям мятежников, впавшим было в панику. Генерал Б. Би скакал, преграждая дорогу беглецам, и кричал: «Стойте! Стойте! Посмотрите на бригаду Джэксона! Она стоит здесь, как каменная стена!»²⁶. (Джэксону суждено было погибнуть около двух лет спустя, и все это время он носил прозвище Каменная Стена, не раз оправдывая его стойкой обороной или сокрушительным натиском.)

Бегущие стали останавливаться, возвращаться назад, а северяне бросали в бой все новые силы. Вот пошла в атаку бригада полковника Уильяма Шермана, будущего героя войны; за это сражение ему вскоре присвоили звание бригадного генерала. Но в целом к тому времени, примерно к 2 часам дня, наступление уже выдыхалось. Многие солдаты находились на ногах по 12 часов, они устали во время обходного марша, от отчаянного боя, да и патроны были на исходе. То здесь, то там солдаты стояли группами, «отдыхая» от боя, а некоторые даже ложились на траву. Другие занялись откровенным мародерством: снимали с убитых южан в качестве «сувениров» ремни, кокарды, вытаскивали из их карманов деньги и разные безделушки. Любопытно, что никто из современников булл-ранского сражения толком не мог вспомнить, что же происходило на этой стадии боя. Из их противоречивых свидетельств встает картина некоего хаоса: в одном месте северяне продолжали натиск, в другом уже успешно атаковали мятежники, в ряде мест из-за отсутствия патронов завязалась рукопашная. Несколько

²⁶ BL. Vol. 1. P. 210.

раз из рук в руки переходило небольшое плато, где стояли два домика, в одном из которых жил свободный негр (редкость для Виргинии тех лет) Дж. Робинсон, а в другом — пожилая белая вдова Дж. Генри. Постепенно сила натиска северян иссякла окончательно, а мятежники сопротивлялись все ожесточеннее и, переходя в контратаки, отвоевывали одну позицию за другой. Обозначился явный перелом.

И наступила развязка! Бригада Кэрби-Смита, получив еще накануне приказ Джонстона немедленно прибыть к Манассасу («спектакль» для доверчивого Паттерсона был уже ни к чему), примерно в 3 часа дня выгрузилась на этой железнодорожной станции и сразу же ринулась в бой. С особым ожесточением шел в атаку полк луизианских «тигров» (жители почти всех американских штатов и в наши дни любят именовать себя не «виргинец», «калифорниец» и т. д., а традиционными именами-тотемами; в частности, в Луизиане такой тотем — тигр), смявший левый фланг северян, который бросился удирать к Сентервиллу. Затем бригада Джубала Эрли нанесла выбивавшимся из последних, сил северянам еще один удар. Этого новобранцы Ирвина Макдоуэлла уже не смогли выдержать.

Началось повальное бегство, особенно на центральном участке сражения. Вот эта, завершающая, часть битвы описана современниками с редким единодушием. Майор-северянин Э. Смолл писал: «Макдоуэлл делал отчаянные попытки создать новую линию обороны... но эти попытки были бесплодными... Мы так устали, что не могли покинуть поле сражения с той же скоростью, с какой пришли на него. Солдаты вокруг меня едва тащились и тяжело дышали»²⁷. Лейтенант из 57-го нью-йоркского пехотного полка Дж. Фэвилл даже по прошествии нескольких дней в смятении писал в дневнике: «Все было в спешке и смятении, дороги были забиты фургонами и орудийными батареями, а по обе стороны от них растекались солдаты, постепенно теряя всякое подобие войска и на глазах впадая в безрассудство. Не было ни арьергарда, ни иных образований для сдерживания противника, и если бы он действительно появился, то всех нас без труда захватили бы в плен»²⁸. И подобных свидетельств можно привести десятки.

Разгром армии Макдоуэлла мог бы быть полным (ей угрожало и массовое пленение), если бы не стойкость и мужество двух единственных регулярных частей у северян в этом сражении — пехотного батальона Сайкса и кавалерии Палмера. Именно они ненадолго задержали натиск южан и дали возможность отступавшим относительно безболезненно покинуть поле боя. Впрочем, и мятежники были слишком измотаны труднейшим боем, чтобы так уж рьяно преследовать беглецов. Лишь кавалерия Стюарта сделала такую попытку, но удовольствовалась лишь тем, что отогнала следом за умчавшейся вдаль дрожавшей от страха толпой новобранцев части Сайкса и Палмера.

А расфранченные «зрители», еще пару часов назад радостно приветствовавшие атаковавших северян и уже предвкушавшие немедленный марш на Ричмонд, бежали к Вашингтону, обгоняя солдат. Дорога от Сентервилла до столицы была забита колясками аристократов, орудийными повозками, бегущими солдатами, кое-как ковылявшими ранеными, обезумевшими лошадьми... Вдруг в толпе раздались крики ужаса: неподалеку лошади втаскивали несколько орудий на невысокий холм. Толпа как по команде с трусцы перешла на рысь, и в это время рядом с ней разорвался первый (и единственный) снаряд, попавший в фургон, обломки которого загородили узкую дорогу. Началась давка, все кричали о приближавшейся кавалерии (ее там и в помине не было), затем фургон оттащили, и бегство продолжилось. А на холме от души хохотали артиллеристы Р. Рэдфорда: они не собирались стрелять по толпе, просто решили поугагать ее. Батарею же они установили, чтобы держать под прицелом дорогу на случай, если северяне вдруг попытаются контратаковать.

Так уже первое крупное сражение на глазах меняло психологию людей. Да, у них и в помине не было мыслей о том, что можно стрелять в беззащитных женщин, в раненых, в своих гражданских соотечественников. Но им уже было смешно глядеть на дрожавших от выстрелов

²⁷ *Small A. R.* The Road to Richmond: the Civil War Memoirs / Ed. by H. A. Small. Berkeley, 1939. P. 23.

²⁸ *Favill L M.* The Diary of a Young Officer. Chicago, 1909. P. 36.

женщин и раненых, и это было первым шагом к тому, чтобы завтра начать стрелять в них. Братоубийственная война ломала привычные нормы этики, морали, понятия о чести (разве думали еще утром эти беглецы, что они будут так постыдно удирать от по-прежнему презираемых ими южан?), оставляя в сердцах людей пустоту, вскоре заполнившуюся низменными чувствами жестокости, трусости, цинизма. Разумеется, такие чувства существовали и раньше, но возможность совершенно «законно» (от имени Союза! от имени Конфедерации!) и безнаказанно убить соотечественника, быть может, даже родного брата (бывало и такое) неизбежно приводила к мысли, что и прочие моральные запреты не столь уж незыблемы.

Немало сражений было впереди, и число павших в них заставляет американцев содрогаться и сейчас. На этом фоне потери сторон в битве у Булл-Рана почти не воспринимаются, и сама она кажется чуть ли не бескровной. Но тогда, в июле 1861 г., сообщения об этих потерях потрясли всю страну. Северяне потеряли 2645 человек, в том числе 418 убитыми, 1011 ранеными и 1216 пропавшими без вести (в подавляющем большинстве они оказались в плену, хотя кое-кто попросту удрал куда глаза глядят). Войско Борегара и Джонстона потеряло 1981 человека, в том числе 387 убитыми и 1582 ранеными²⁹. Северяне даже ухитрились в суматохе отступления довести с собой до Вашингтона 12 пленных, которых в начальной, успешной для войск Союза, фазе сражения было гораздо больше, но почти всех их бросили при отступлении вместе с орудиями, обозами и даже ранеными — все спасали собственные жизни. По заверению Джонстона, южане захватили при Булл-Ране (точнее было бы сказать: северяне бросили) около 5 тыс. винтовок, 500 тыс. патронов, 28 орудий и проч.³⁰

На следующий день, 22 июля, южане разместили пикеты на высотах близ реки Потомак, откуда в бинокли можно было разглядывать улицы Вашингтона. А там уже началась паника, принесенная обезумевшей толпой, вломившейся в город накануне вечером. Линкольн немедленно созвал министров на экстренное заседание, длившееся до утра 22 июля. В ходе его было решено вызвать из штата Нью-Йорк полки новобранцев, и спустя несколько дней они во главе с полковником Д. Сиклсом вступили в Вашингтон. Рано утром с согласия членов кабинета Линкольн отправил телеграмму Макклееллану, приказывая ему выдвинуть «победоносную армию Западной Виргинии» для защиты северных выходов из Долины, а самому генералу после этого срочно прибыть в Вашингтон.

Глава 2. Борьба за инициативу

На сцене появляются «генералы-политиканы»

Вскоре «маленький Наполеон» прибыл в столицу, и незадачливый Макдоуэлл был смещен с командного поста. 27 июля администрация Линкольна официально назначила Макклееллана ответственным за оборону Вашингтона и его окрестностей. Генерал рьяно взялся за дело. Ему предстояло создать из бестолкового, напуганного Булл-Раном сброда, который разрастался на глазах (в столицу прибывали все новые добровольцы), боеспособную армию. В частях новобранцев не было и намек на дисциплину, будущие «герои»-офицеры не обучали их азам военного дела, предпочитая проводить время в питейных заведениях и публичных домах, куда, впрочем, и самим новобранцам путь был не заказан. С такими «Мак» был беспощаден: их вылавливали с помощью военной полиции. Одних нарушителей Макклееллан подвергал дисциплинарным взысканиям, от других, не умевших и не желавших сражаться, тут же избавлялся. Генерал сколотил свой штаб из опытных профессионалов, начал немедленное и срочное строительство кольца мощных фортов вокруг столицы, интенсивно муштровал солдат.

²⁹ *Boatner M. M. Op. cit. P. 101.*

³⁰ *Hansen H. Op. cit. P. 82.*

Макклеллан следил, чтобы из новобранцев формировались отдельные подразделения, затем обучаемые в военных лагерях; он полагал, что механическое слияние молодежи со старослужащими привело бы к падению боеспособности опытных частей (на Юге, кстати, господствовал более практичный подход: новичков включали в уже обстрелянные части, чтобы «старики» на ходу учили молодежь). Будем объективны: Макклеллан действительно довольно быстро создал добротную, квалифицированную армию — Потوماкскую, о которой, даже после снятия его с поста командующего, говорили: «Сделано Макклелланом». Все были уверены, что, когда эта армада пойдет в бой (численность Потوماкской армии быстро дошла до 100 тыс. и продолжала увеличиваться), перед ней не устоит никто и ничто.

Но Макклеллан вовсе не спешил идти в бой. Он постоянно сообщал президенту и правительству, что армия еще не готова, что она плохо вооружена, что у южан якобы сохраняется перевес в силах. Здесь надо заметить, что известный частный детектив из Иллинойса Аллан Пинкертон, которого Макклеллан сделал начальником разведки, как правило, завышал данные о численности противника примерно в 2 раза, а порой и больше. Трудно сейчас разобраться, делал ли он это по поручению шефа или же действовал по принципу «у страха глаза велики», но до поры до времени Макклеллан, ссылаясь на эти «данные», ухитрялся убеждать Линкольна в том, что наступление преждевременно. При этом «Наполеон» успокаивал президента заявлениями такого рода: «Когда удар будет нанесен, он окажется решительным, сокрушительным и быстрым»³¹ 10 октября Линкольн и государственный секретарь Уильям Сьюард посетили штаб-квартиру командующего. Ознакомив президента с состоянием дел в Потوماкской армии и вновь пожаловавшись на то, что ему постоянно «мешают», Макклеллан сказал: «Не позволяйте торопить меня — вот все, о чем я прошу». «Заверяю вас, что в этом вопросе вы будете действовать по своему усмотрению», — ответил Линкольн³².

Среди тех, кто «мешал» Макклеллану, был и главнокомандующий Скотт, который в отличие от президента с самого начала не верил хвастливому генералу и требовал, чтобы тот немедленно шел в наступление. Поздним вечером 8 августа Макклеллан писал жене: «Ген. Скотт является серьезным препятствием. Он не способен понять опасность. Я должен в одиночку сражаться против него... У меня нет выбора. Народ призывает меня спасти страну. Я должен спасти ее и не волен щадить ничего, что окажется на моем пути»³³. Искренне веря в свою «исключительность», Макклеллан болезненно воспринимал любое — откуда бы оно ни исходило — противодействие. Окончательная его размолвка со Скоттом произошла 27 сентября. В этот день на совещании у Скотта Макклеллан был подвергнут особенно резкой критике. Вернувшись от главнокомандующего, Макклеллан написал жене: «И так как он бросил перчатку, а я поднял ее, считаю, что война объявлена. Так тому и быть»³⁴.

«Подняв перчатку», Макклеллан стал повсюду публично оскорблять Скотта, открыто говорил о его некомпетентности, забывчивости и вообще дряхлости. В результате Линкольн все чаще намекал Скотту, что тому следовало бы подать в отставку. И 75-летний генерал, устав от интриг «Наполеона» и становившихся все более сложными обязанностей военного времени, подал прошение об отставке. 1 ноября оно было удовлетворено президентом, и главнокомандующим был назначен Макклеллан. Лицемерный генерал лично проводил отбывавшего в свое поместье Скотта на вокзал, где «Мак» в последнюю минуту даже разрыдался.

Между тем мятежники наносили все новые удары. Смещенный с поста губернатора

³¹ *Williams H.* McClellan, Sherman and Grant, New Brunswick, 1962. P. 27.

³² *Hay J.* Lincoln and the Civil War in the Diaries and Letters of J. Hay. N. Y., 1939. P. 27.

³³ *McClellan G. B.* McClellan's Own Story. N. Y., 1887. P. 87—88.

³⁴ *Ibid.* P. 91.

Миссури Джэксон не оставил надежд вырвать «свой» штат из Союза и примкнуть к Конфедерации. Соединившись с частями Маккалоча из Арканзаса, Джэксон передал командование этому генералу, а после прибытия отрядов мятежников из Луизианы войско Маккалоча—Джэксона выросло до 10,8 тыс. человек. Сконцентрировавшись близ горного хребта Оук, спускавшегося к ручью Уилсон, мятежники планировали вторжение на территорию Миссури. Решив опередить их, Лайон во главе 5,4 тыс. человек (добровольческий полк эмигрантов из Германии возглавлял Франц Зигель) в ночь на 10 августа обрушился на лагерь противника. Южане были захвачены врасплох, тем более что по ним нанесли двойной удар: Лайон атаковал через центр, а добровольцы Зигеля, совершив ночной обходный маневр, ударили с тыла. Но затем, оправившись от шока, мятежники уже к 11 часам утра обратили в бегство части Зигеля, после чего обрушили все свои силы на Лайона.

Вокруг северян стало смыкаться кольцо окружения. Лайон несколько раз поднимал своих людей на прорыв, его дважды ранили, а вскоре он был убит. Командование принял майор С. Стэрджис, который писал позднее в официальном донесении: «Большинство наших солдат израсходовали все свои патроны и все, что можно было раздобыть в подсумках убитых и раненых. Таким образом, ничего не оставалось делать, как вернуться к Спрингфилду»³⁵. В сражении у ручья Уилсон северяне потеряли 1235 человек, в том числе 223 убитыми и 291 пленными. Общие потери южан составили 1184 человека, среди которых 257 были убиты и 27 попали в плен³⁶.

После этого поражения большая часть штата Миссури, расположенная к югу от одноименной реки, оказалась в руках мятежников. Значительная доля вины за это лежит на командующем Западным округом генерале Джоне Фремонте. Его имя не раз упоминалось в работах советских историков, но всегда в положительном контексте, которого этот «генерал-политикан» не заслужил. Фремонт, ловкий политический делец, еще задолго до войны добился огромного веса благодаря поддержке (проще говоря, деньгам) своего тестя — богатейшего человека Запада США Томаса Бентона. С его помощью будущий генерал участвовал в различных экспедициях, компаниях, акционерных обществах, а затем проник и в политические сферы, везде стремясь к положению лидера.

Фремонт был амбициозен и весьма энергичен, а в политическом плане — беспринципен. Защищал он лишь те идеи и интересы, которые в каждый конкретный момент казались ему выгодными. В определенный период своей карьеры Фремонт сделал ставку на новую, республиканскую партию, за что и был наречен некоторыми исследователями «решительным противником рабства»³⁷, хотя на деле судьбы негров были ему глубоко безразличны. Потерпев на выборах 1856 г. поражение от кандидата демократов Бьюкенена, Фремонт не оставил мысли стать «самым главным» человеком в стране.

Когда началась гражданская война, Фремонт, используя свой политический вес и доброе отношение Линкольна, получил пост командующего огромным Западным округом, звание генерала и возомнил себя диктатором всего Запада. Для штаб-квартиры он выбрал роскошный особняк в аристократическом районе Сент-Луиса, где на деньги Бентонов устраивал пышные приемы, на которых с удовольствием внимал потоку славословий в свой адрес. Когда осенью 1861 г. У. Шерман, набиравший войска для охраны штата Кентукки от мятежников, решил попросить у Фремонта помощи, то долго не мог пробиться к нему. Офицер Р. Реник рассказал Шерману, что «Фремонт был могущественным властелином, окруженным часовыми и стражей, что у него более эффектный двор, чем у любого короля, что он держит в ожидании сенаторов,

³⁵ The Rebellion Record: a Diary of American Events / Ed. by F. Moore. N. Y., 1862. Vol. 2. P. 498. (Далее: RR),

³⁶ Boatner M. M. Cassell's Biographical Dictionary of the American Civil War, 1861—1865. L., 1973. P. 935. (1st print.: 1959).

³⁷ Захарова М. Н. Народное движение в США против рабства, 1831—1860. М., 1965. С. 197.

губернаторов и знатных граждан днями и неделями, прежде чем дать им аудиенцию»³⁸.

Министр юстиции в кабинете Линкольна — Э. Бейтс писал в дневнике, что, когда 22 октября на заседании кабинета обсуждался вопрос о самовольных действиях Фремонта, едва не приведших к печальным последствиям (подробнее об этом будет сказано ниже), министр финансов С. Чейз выступил в защиту генерала, заявив, что «армия предана Фремонту и полностью доверяет ему!»³⁹. Сам же Бейтс так прокомментировал слова Чейза: «Свидетельств обратного более чем достаточно... Насколько мне известно, активно его (Фремонта. — С. Б.) не поддерживает никто, кроме приближенных к его персоне офицеров-подпевал»⁴⁰. А вот что писал о Фремонте Маркс: «Он явно человек, склонный к пафосу, несколько высокопарный и надменный, не чуждый мелодраматизма»⁴¹.

Снова опережая ход нашего повествования, скажем, что за все свои художества и постоянные поражения Фремонт не раз наказывался Линкольном и в конце концов был уволен из армии (связи Бентонов помогли обставить это как «отставку»). В 1864 г. Фремонт вновь попытался было стать президентом, но, предвидя неминуемое поражение, снял свою кандидатуру. В данном же случае мы вспомнили об этом «противнике рабства» потому, что Лайон перед трагическим боем у ручья Уилсон неоднократно обращался к Фремонту с просьбой помочь его армии, которой хронически не хватало оружия, обмундирования и даже продовольствия. Но Фремонт отвечал неизменным отказом.

Еще одно поражение северяне потерпели у утеса Боллс, близ виргинского городка Лисберг. Там 21 сентября отряд полковника-северянина Э. Бейкера пытался провести разведку боем, но более мощная часть мятежников во главе с Н. Эвайсом прижала северян к южному берегу Потомака и стала безжалостно уничтожать их. Лишь трем десяткам северян удалось спастись, а из остальных 49 были убиты (среди них был и Бейкер), 158 ранены и еще 714 попали в плен или, пытаясь спастись, утонули в Потомаке и числились пропавшими без вести⁴². Потери мятежников (всего 149 человек) были в 6 раз (!) меньше. Но Макклеллан, узнав об этом поражении, равнодушно сказал Линкольну: «Потеря не слишком велика, чтобы ее нельзя было восполнить»⁴³.

Однако поражение при Булл-Ране и более мелкие неудачи Севера у ручья Уилсон и у утеса Боллс не привели к унынию и растерянности, как надеялись мятежники. Напротив, осознав, что война будет долгой и трудной, военно-политическое руководство Союза (правда, медленнее, чем следовало бы) изменяло свое отношение к событиям. Одновременно менялся и психологический настрой нации: после жестокого отрезвления при Булл-Ране все больше северян понимали необходимость сплоченных и решительных действий в тылу и на фронте. Более серьезным стало отношение к подготовке войск и военному планированию в целом (определенную роль сыграла и педантичность Макклеллана, придававшего этому — увы! только этому — важное значение). На Юге эту перемену уловили не сразу, тем более что там после Булл-Рана шел обратный процесс. Как метко заметили американские военные историки Р. и Т. Дюпай, мятежники «были почти так же дезорганизованы победой, как их противник — поражением»⁴⁴.

³⁸ Цит. по: *Sherman W. T. Memoirs*. N. Y., 1890. Vol. 1. P. 195. (1st print.: 1875).

³⁹ *Bates E. The Diary* / Ed. by H. K. Beale. Wash., 1933. P. 198.

⁴⁰ *Ibid.*

⁴¹ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* 2-е изд. Т. 15. С. 392.

⁴² *Boatner M. M. Op. cit.* P. 41.

⁴³ *Hay J. Op. cit.* P. 30.

⁴⁴ *Dupuy R. E. and T. N. The Compact History of the Civil War*. N. Y., 1962. P. 52.

Впрочем, генералы-южане Борегар и Джонстон понимали, что северяне спешно готовят новые силы, поэтому необходим новый мощный удар, чтобы не позволить Союзу развернуть свои необъятные ресурсы. 30 сентября на заседании у президента Дэвиса Джонстон предложил усилить войска у Манассаса новобранцами до 60 тыс. человек (тогда их было около 40 тыс.) и бросить на Вашингтон. Его поддержали другие генералы, но Дэвис заявил, что не может бросить все силы на одно направление и пренебречь другими. В принципе он был прав, но, по мнению многих историков, после разгрома у Булл-Рана и утеса Боллс столицу Союза можно было захватить чуть ли не голыми руками.

Эпизод с «Трентом»

В конце года в далекой Европе развернулись события, едва не приведшие к вступлению в войну на стороне Конфедерации Англии и даже Франции. Начались они вблизи от американских берегов. В борьбе с блокадой, установленной северянами, мятежники создали довольно внушительный флот, основу которого составили так называемые «нарушители блокады». Почти весь этот флот строился на британских верфях, на что официальные власти Англии смотрели сквозь пальцы, да и эмиссары мятежников окружили деловую сторону этого такой казуистикой, что строящиеся суда вроде бы никакого отношения к Конфедерации не имели. Впрочем, симпатии к рабовладельческому Югу выказывались Лондоном едва ли не открыто. Так, еще 13 мая была обнародована «Королевская декларация о нейтралитете», по сути дела признававшая за Югом статус воюющей стороны. Это стало полной неожиданностью для Севера, ибо его администрация надеялась, что категорическое неприятие Лондоном института рабства механически определит и враждебность Англии к Конфедерации. Но британских промышленников и финансистов интересовали только сулившие крупные барыши товары Юга, и прежде всего хлопок.

Итак, небольшой юркий пароход северян «Сан-Джасинто» под командованием бывшего капитана Ч. Уилкса осенью 1861 г. бороздил воды Атлантики в тщетной погоне за одним из самых деятельных «нарушителей блокады» — эсминцем «Самтер». (Событиям на речных, морских и океанских водах в ходе этой войны автор посвятит отдельную работу, поскольку, органически составляя неотъемлемую часть гражданской войны, эта ее страница все же стоит несколько особняком, и хотелось бы ее выделить. Здесь же мы расскажем только об этом исключительном эпизоде.) Подстерегая «Самтер» то здесь, то там, «Сан-Джасинто» зашел 31 октября в гаванский порт, но неуловимый «Самтер», как выяснилось, только что ускользнул оттуда. Зато Уилкс узнал, что в городе находились Дж. Мэйсон и Дж. Слайделл, направленные президентом Дэвисом в качестве посланников Конфедерации в Лондон и Париж. Цель их миссии была очевидна: обеспечить максимальное увеличение помощи мятежникам из Европы, а если удастся, то и добиться прямого вмешательства Англии и Франции в конфликт. Посланцев Дэвиса доставил в Гавану как раз «Самтер», а в Европу им предстояло плыть на британском почтовом пароходе «Трент».

Понимая, что деятельность Мэйсона и Слайделла может нанести огромный вред Союзу, Уилкс твердо решил «не пускать» их в Европу. Он увел «Сан-Джасинто» в Багамский пролив, где и притаился в ожидании «Трента». Увидев 8 ноября британское судно, Уилкс через сигнальщика приказал ему остановиться, а «для верности» дал пару залпов чуть выше паровых труб! «Трент» застопорил машины, и с «Сан-Джасинто» к нему помчались три шлюпки.

Лейтенант Д. Фэйрфакс, позднее опубликовавший живописный рассказ об этом событии, во главе группы матросов поднялся на борт «Трента» и после препирательств с капитаном Мойром и пассажирами (на борту «Трента» в основном находились южане) доставил на борт «Сан-Джасинто» обоих эмиссаров вместе с их секретарями и багажом. После этого, писал Фэйрфакс, он «немедленно возвратился на „Трент” и сообщил капитану Мойру, что капитан Уилкс более его не задерживает, и он может продолжить свое плавание. Пароходы вскоре разошлись, и на этом закончился один из самых критических эпизодов нашей гражданской

войны»⁴⁵.

Нет, эпизод на этом только начинался. Хотя Мэйсон и Слайделл не являлись британскими подданными, их пленение и задержание «Трента» вызвали в Лондоне самую резкую реакцию. Взволнованный посол США в Лондоне Чарлз Адамс прислал Сьюарду эмоциональное письмо, разъяря, что этого никак нельзя было делать, так как из-за сходного случая сами же США объявили войну Англии в 1812 г. Почти весь британский кабинет министров был за немедленный разрыв отношения с Союзом, многие настаивали на объявлении ему войны. Министр иностранных дел лорд Рассел уже выступал в парламенте с воинственными речами, и, пожалуй, только премьер-министр лорд Пальмерстон был решительно против войны. Узнав об этом, Адамс поспешил к лорду Пальмерстону и на свой страх и риск, еще не зная, как отнесутся к его действиям в Вашингтоне, заверил премьер-министра, что Уилкс, безусловно, действовал не по приказу правительства, а по собственной инициативе. Администрация Союза, обещал Адамс, примет меры к наказанию капитана и освободит арестованных эmissаров. Это вполне устраивало Пальмерстона, но, чтобы переубедить остальных министров, рвавшихся в бой, он решил заручиться поддержкой принца Альберта, супруга королевы Виктории. Однако того не оказалось в Лондоне, и лорд Пальмерстон вернулся домой.

Там его ждали два документа: проект ультиматума, который лорд Рассел хотел послать Линкольну, и письму от Наполеона III. Император Франции предлагал Англии свою помощь в расправе с наглецами, оскорбившими британский флаг. В этой ситуации лорд Пальмерстон поступил тонко и изобретательно. Отлично понимая, что ни королева, ни принц не согласятся вступать в войну в фарватере Франции, премьер-министр отправил Наполеону письмо с такой изысканной благодарностью, что император не мог не принять ее за молчаливое согласие на свое предложение. В результате с ближайшим же парходом Наполеон III направил северянам ультимативное письмо, но тону почти равнозначное объявлению войны! А лорд Пальмерстон, ни слова никому не сказав о точном содержании своего ответа, отправил в королевский дворец пакет с проектом лорда Рассела, письмом Наполеона III и молниеносно написанным собственным меморандумом, настоятельно призывавшим к мирному разрешению конфликта.

Вернувшийся наутро принц Альберт вскрыл пакет и начал чтение с меморандума, который лорд Пальмерстон предусмотрительно положил сверху и снабдил пометой «исключительно важно». Меморандум настолько понравился Альберту, что, прочтя после него проект ультиматума лорда Рассела, он в гневе разорвал его. Вместо ультиматума принц направил в Вашингтон вполне вежливую просьбу освободить Мэйсона и Слайделла. Спустя несколько дней тяжело больной принц умер, но его письмо уже плыло в Америку на океанском пароходе. Правда, одновременно было решено продемонстрировать Союзу свою силу: в Канаду отправили 8 тыс. солдат под предлогом усиления тамошних гарнизонов.

А что же происходило в Америке? «Сан-Джасинто» с триумфом был встречен вначале в Нью-Йорке, затем в Бостоне, где пленников заключили в форт Уоррен. Уилкса и его экипаж приветствовали как национальных героев, министр по делам флота Г. Уэллес выразил им благодарность, «от имени нации» вынес Уилксу благодарность и конгресс. Словом, ликование было всеобщим, и даже в администрации не все понимали, во что может вылиться «эта морская авантюра», как назвал ее К. Маркс, посвятивший эпизоду с «Трентом» ряд статей и писем⁴⁶.

Когда 25 декабря, вместо того чтобы разъехаться по домам и праздновать рождество, кабинет Линкольна обсуждал только что полученное письмо Альберта, многие (особенно активно министр финансов Чейз) выступали против освобождения эmissаров мятежников⁴⁷. Линкольн и Сьюард отвечали, что в Европе не поддержат такой позиции правительства США, так как акт Уилкса являлся нарушением морского права, и требования Англии с формальной

⁴⁵ Battles and Leaders of the Civil War: Vol. 1—4 / Ed. by R. Johnson, C. Buel. N. Y., 1887—1888. Vol. 2. P. 141.

⁴⁶ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 15. С. 398—409, 415—423, 441—446, 450—457, 462—464; Т. 30. С. 168, 170—172.

⁴⁷ Chase S. Inside Lincoln's Cabinet. The Civil War Diaries / Ed. by D. Donald. N. Y., 1954. P. 53.

стороны вполне справедливы. К. Маркс, внимательно изучивший этот вопрос, писал, что Уилкс не имел права просто арестовывать эmissаров, вместо этого «он должен был взять на буксир сам пароход „Трент” в качестве приза, доставить его в ближайший американский порт и там передать на рассмотрение североамериканского призового суда. Такова, бесспорно, процедура, соответствующая английскому, а следовательно, и североамериканскому морскому праву»⁴⁸.

Мнения министров разделились. Вопрос помогло решить полученное буквально в эти минуты письмо Наполеона III. После оглашения угрожающего ультиматума ход совещания мгновенно изменился: всем стало ясно, что может произойти, если французские корабли с десантом на борту — пусть даже без поддержки Англии — приблизятся к американским берегам. В итоге Сьюард в любезной форме сообщил англичанам, что Мэйсон и Слайделл будут незамедлительно освобождены, одновременно не без чувства юмора предложив «дружественным британским солдатам», направлявшимся в Канаду, использовать для высадки и базирования г. Портленд в штате Мэн. Поясним, что в зимнее время британские части не смогли бы миновать скованную льдом реку Сент-Лоуренс, а маршрут, предложенный Сьюардом от имени администрации Севера, был короче и удобнее. В Париж же Сьюард отправил письмо, в котором вежливо, но твердо советовал не заниматься чужими делами.

Достойный ответ северян понравился в Лондоне, военная лихорадка быстро прошла, и воинственный лорд Рассел лишился сторонников. Впрочем, К. Маркс еще 19 декабря, т.е. за неделю до принятия администрацией Союза решения об определенных уступках, погасивших конфликт, писал Ф. Энгельсу: «Возможно, конечно, что янки не уступят, и тогда Пам (так Маркс называл лорда Пальмерстона, — С. Б.), связанный своими прежними приготовлениями и хвастливыми речами, будет вынужден начать войну. Тем не менее, я готов поставить 100 против одного, что этого не произойдет»⁴⁹. Отметим, что в ходе гражданской войны в США Маркс, находившийся за многие тысячи морских миль от берегов Америки и имевший возможность черпать сведения о событиях в основном из весьма пристрастной британской прессы, тем не менее не раз точно предсказывал развитие как хода военных действий, так и политических дел.

Освобожденных Мэйсона и Слайделла уже 27 декабря посадили на борт британского парохода «Ринальдо», который доставил их на Бермудские острова, откуда британский почтовый пароход «Ла Плата» повез их в Европу, где оба эmissара еще почти три года тщетно добивались военной помощи Лондона и Парижа. Даже лорд Рассел не пожелал официально принимать Мэйсона и вместо Форин оффис «запросто» пригласил его домой всего лишь в качестве гостя. Единственное, чего смогли добиться эmissары мятежников, — это определенная экономическая помощь и содействие (точнее попустительство) в постройке ряда судов для Юга. Интересно, что в письмах на родину Мэйсон и Слайделл не раз жаловались: у них, мол, ничего не выходит прежде всего потому, что посол Адамс создал «шпионскую сеть», которая контролирует каждый их шаг, даже тщательно засекреченный.

В инциденте с «Трентом» есть и определенные неясности. В мемуарах ряда лиц упоминается о странном эпизоде. Так, консул Союза в шотландском городе Данди Х. Смит писал в декабре 1861 г. тогдашнему министру обороны С. Камерону (вернее, его помощнику Т. Скотту, после войны ставшему президентом одной из главных железных дорог страны — Пенсильванской), что, по сообщению британского морского офицера Уильямса, представлявшего адмиралтейство на борту «Трента», капитан Уилкс в Гаване встречался с Мэйсоном и Слайделлом и что весь инцидент был этими тремя лицами «специально разыгран»! Приводящий это сообщение министр юстиции Союза Э. Бейтс писал: «Это могло бы показаться неслыханным, если бы являлось единственным свидетельством»⁵⁰. Но «из хорошо

⁴⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 15. С. 401.

⁴⁹ Там же. Т. 30. С. 172.

⁵⁰ Bates E. Op. cit. P. 214.

информированных английских кругов» поступали и другие известия. В частности, член британского парламента Дж. Брайт, поддерживавший борьбу Союза за восстановление страны и отмену рабства, прямо писал, что в Гаване Уилкс сам пригласил Мэйсона и Слайделла на борт «Сан-Джасинто», где они вместе обедали и довольно долго что-то обсуждали⁵¹.

Думается, что к этим сенсационным сообщениям следует подходить осторожно, а прокомментировать их можно двояко: все это банальная «утка», сфабрикованная южанами либо их английскими сторонниками с целью выставить Союз в столь неприглядном свете; капитан Уилкс был скрытым поклонником мятежников и нарочно устроил весь инцидент с «Трентом», чтобы спровоцировать Англию на войну с Севером. Добавим еще один факт (вполне достоверный, так как о нем пишут северяне-современники): сходя с борта «Трента», Слайделл сказал оставшейся там супруге: «До свидания, дорогая, увидимся в Париже через пару месяцев»⁵². При этом никакого волнения эmissары мятежников не выказывали.

Было бы весьма интересно на основе анализа максимального числа источников еще раз вернуться к этой истории и разобраться в отмеченных спорных свидетельствах⁵³.

Далеко на Западе

Пока вокруг Булл-Рана и других событий в Виргинии, вокруг истории с «Трентом» бушевали страсти, на Западе без шума и рекламы начинала восходить главная «звезда», гражданской войны — генерал Улисс Грант. Его жизнь до весны 1861 г. не выходила за рамки обычной для миллионов средних американцев схемы: честолюбивые надежды и наполеоновские планы в молодости, судорожные попытки осуществить их в более зрелые годы и постепенное разочарование, апатия при встрече с бесконечной «полосой препятствий», которую мало кому удавалось преодолеть⁵⁴.

К началу войны Грант, живший тогда в Иллинойсе, был капитаном в отставке. Видя, как полные профаны в военном деле получают (по политическим или иным соображениям) звания полковников, а то и генералов, Грант несколько раз обращался к властям и даже писал в Вашингтон, предлагая армии свои услуги в качестве полковника. Получив это звание в июне, а с 31 июля 1861 г. став бригадным генералом, Грант уже в первое военное лето участвовал в стычках с мятежниками в штатах Миссури и Кентукки. В то время его основным противником был генерал Альберт Джонстон, спешно вызванный из Калифорнии и поставленный во главе соединений мятежников в среднем течении реки Миссисипи. Намереваясь полностью подчинить штаты Миссури и Кентукки, Джонстон выдвинул к г. Колумбусу (Кентукки) 20-тысячную армию во главе с генералом Л. Полком, в прошлом протестантским епископом Луизианы. Мятежники планировали в первую очередь захватить г. Кейро — важнейший стратегический пункт, расположенный у впадения реки Огайо в Миссисипи, на стыке трех штатов: Миссури, Кентукки и Иллинойс.

Фремонт, в округ которого входили и Колумбус, и Кейро, получив сведения о намерениях мятежников, назначил Гранта командующим в прилегающих к Кейро районах Миссури, Кентукки и Иллинойса. Гранту было поручено произвести демонстрации против Колумбуса, но генерал не собирался ограничиваться имитацией боевых действий. Он решил пренебречь предостережениями Фремонта и атаковать части Полка в лагере Белмонт, служившем своего рода ключом к Колумбусу, Погрузив 3 тыс. солдат на пароходы, Грант 6 ноября двинулся к

⁵¹ Ibid.

⁵² Hansen H. The Civil War. N. Y., 1962. P. 85.

⁵³ О событиях вокруг инцидента с «Трентом» см. также: Иванов Р. Ф. Дипломатия Авраама Линкольна. М., 1987. С. 80—116.

⁵⁴ Подробнее о Гранте см.: Бурин С. Н. Улисс Грант — генерал армия Севера // Новая и новейшая история, 1984. № 6. С. 133—149.

Белмонту. Однако первый его серьезный бой (до этого были лишь мелкие, почти бескровные стычки с противником) закончился неудачей: солдаты, дружно атаковав, вначале выбили мятежников из их лагеря, взяли немало пленных, но затем, опьяненные победой, ослабили натиск, и южанам удалось, собрав силы, отбросить солдат Гранта от Белмонта.

Бой 7 ноября у Белмонта не вошел в число главных сражений гражданской войны, но для понимания психологии солдат-северян и становления самого Гранта как полководца он имеет крайне важное значение. Грант проявил в нем неожиданные для человека, имевшего опыт лишь мексиканской кампании 15-летней давности, выдержку, находчивость и героизм. Неплохо показали себя начале боя и его войска. Но что же случилось потом?

Попытаемся представить себе «среднюю» психологию солдата-северянина в начале войны. В первые ее недели — поверхностное, «облегченное» отношение к событиям, наивная вера в непремennую победу Севера. Затем — жестокое отрезвление в боях у Булл-Рана, у ручья Уилсон и утеса Боллс, а следом — общее уныние, неуверенность в будущем. И вдруг — успех у Белмонта: солдаты впервые видят, как хваленые мятежники бегут от них! Уныние мгновенно сменяется прежними высокомерием, беспечностью, пренебрежением к повергнутому противнику. И вот уже победители сидят на земле прямо в лагере южан, теперь это их лагерь, они празднуют победу, а рядом сбились в кучу несколько сот жалких джонни, взятых в плен. Но их никто не охраняет — куда им деваться! — а на лужайке кто-то, размахивая от упоения победой руками, уже произносит хвастливые речи, из опустевших палаток мятежников выволакивают все, что попадает под руку: там и еды вдоволь, и отличная бумага для писем, и фляжки с виски...

Увидев, что солдаты прекратили наступление и начали грабить лагерь противника, Грант бросился туда и приказал немедленно поджечь палатки, чтобы прекратить победное пиршество и заставить солдат преследовать противника. Но в это время из расположенного неподалеку Колумбуса ударила артиллерия мятежников. Одновременно убежавшие не так уж далеко южане, приведя свои части в порядок, атаковали только что брошенный ими лагерь. Срочно присланные им на помощь подкрепления из Колумбуса поддержали атаку. Северян отрезали от реки и теснили к лесу, чтобы там окружить и перебить. Но Грант с помощью офицеров сумел навести порядок среди впавших в панику войск и бросил их в контратаку.

Вскоре северянам удалось прорвать кольцо противника и выйти к Миссисипи, откуда несколько слабеньких орудий с ожидавших их судов кое-как пытались поддержать солдат Гранта огнем. Сам Грант отступал в числе последних, под ним убили лошадь, и мятежники едва не схватили его. Но все обошлось, и уже к вечеру суда возвратились в Кейро. Северяне потеряли в бою при Белмонте в общей сложности 607 человек, мятежники — 642⁵⁵. Взятых северянами в начале сражения пленных, разумеется, пришлось бросить при отступлении, а с ними потери противника были бы значительно больше.

Бой под Белмонтом почти совпал по времени со смещением Фремонта с поста командующего Западным округом. Эта история вызывает у историков особенно бурные споры, поэтому расскажем о ней по возможности беспристрастно, опираясь исключительно на факты. 30 августа Фремонто обнаружил декларацию, объявив в ней о «конфискации» всей собственности мятежников, проживавших в пределах «его» округа (т.е. на территории штата Миссури и в некоторых прилегающих областях), включая рабов, которые автоматически становились свободными. Именно за эту акцию Фремонто и получил титул «противника рабства» от многих исследователей. Уточним ситуацию: Фремонто полагал (и не без оснований), что в результате этого шага мятежникам придется снять часть боевых соединений с фронтов и бросить их на усиление охраны плантаций, так как бегство негров-рабов в пределы расположения войск Союза после его декларации примет широкие масштабы.

Но конгресс по инициативе Линкольна еще 6 августа объявил о конфискации у мятежников собственности, специально подчеркнув, что на негров-рабов действие этого акта не распространяется. И это отнюдь не связано с нерешительностью Линкольна и его администрации, как порой утверждают, но с реальной оценкой ими ситуации тех месяцев.

⁵⁵ *Boalner M. M. Op. cit. P. 58.*

«Нельзя предъявлять гражданской войне и Реконструкции требования, которые объективно были неосуществимы в тех условиях, не были заложены в их „генетическом коде“, — пишет советский историк В. В. Согрин. — Увлечение ретроспективной оценкой эпохи гражданской войны и Реконструкции может привести к искажению принципа историзма, умалению конкретно-исторических достижении второй Американской революции»⁵⁶. Линкольн совершенно обоснованно опасался, что освобождение рабов вызовет протест «лояльных» рабовладельцев в «пограничных» штатах и может толкнуть их в объятия мятежников. На этапе, когда Север еще не представлял собой единого, устремленного к победе военно-политического лагеря (впрочем, абсолютного единства на Севере не было и позднее), Линкольн не мог пойти на такой риск. Для Фремонта же эта акция была всего лишь эффективным жестом, призванным увеличить личную популярность.

Но самое интересное произошло дальше. Узнав о декларации Фремонта, в которой, помимо «освобождения» негров, генерал пригрозил расстреливать каждого мятежника, захваченного с оружием в руках (это противоречило международным законам о военнопленных, элементарным этическим нормам и, безусловно, вызвало бы самую резкую реакцию в Западной Европе), рассерженный Линкольн уже 2 сентября в течение часа диктовал телеграфисту послание к Фремонту с настоятельной просьбой отменить либо принципиально изменить декларацию, приведя ее в соответствие с актом о конфискации от 6 августа. Фремонт в довольно бесцеремонной форме отказался. Тогда президент сам объявил об отмене декларации Фремонта, но о его снятии в тот момент речи не было. В ответ генерал прислал в столицу свою очаровательную супругу — Джесси Бентон-Фремонт, которая сумела проникнуть к Линкольну в полночь!

Президент рассказывал своему секретарю Дж. Хэго, как разбушевавшаяся леди обрушилась на него «столь неистово, что мне пришлось продемонстрировать всю свою неуклюжую тактичность во избежание ссоры с ней»⁵⁷. В течение нескольких часов супруга Фремонта убеждала уставшего президента одобрить декларацию мужа. Линкольн терпеливо пытался объяснить вошедшей в раж наследнице клана Бентонов, что это невозможно, и в конце концов вынужден был перейти на категорический тон. Тогда Джесси ангельским голоском заявила, что в этом случае ее супруг объявит себя «диктатором всего Запада» и создаст «свое» государство, независимое и от Союза, и от Конфедерации!

Но даже после этого президент не снял Фремонта. Лишь позднее, когда стало известно, что зарвавшийся «диктатор»... арестовал генерала Блэйра за попытку независимо от Линкольна дезавуировать злосчастную декларацию, президент решил сместить Фремонта и передать командование округом генералу Дэвиду Хантеру. Он направил приказ о смещении Фремонта генералу Кэртису в Сент-Луис, сообщив при этом, что, если Фремонт все-таки сумеет добиться сколь-либо заметного успеха, тогда пусть приказ останется у Кэртиса на память. Затем последовал совсем уже детективный сюжет. Никакого успеха Фремонт, разумеется, не добился, и Кэртис решил предать ему приказ президента. Но тут выяснилось, что Фремонт, узнав через свою агентуру (среди нее было немало проходимцев и просто уголовных элементов) о планах в отношении него, строго-настроено распорядился никого в свой особняк не впускать; деловые же поездки по городу генерал совершал в окружении такой многочисленной свиты, что и на улице к нему приблизиться было невозможно.

И вот 2 ноября к дому Фремонта подошел деревенский парень с корзинкой, в которой, как он сказал часовым, были овощи для генеральской кухни. Те, ничего не заподозрив, пропустили парня, а он вместо кухни прошел прямо в кабинет к Фремонту и на глазах изумленного генерала вынул из корзинки... приказ о его смещении. Оказалось, что Кэртис попросил смышленного капитана-добровольца переодеться фермером и разыграть этот маленький, но весьма важный спектакль. Так прервалась военная карьера несостоявшегося «диктатора Запада». Правда, после пяти месяцев бездействия Фремонту все же в конце марта 1862 г.

⁵⁶ Согрин В. В. Мифы и реальности американской истории. М., 1986. С. 90.

⁵⁷ Hay J. Op. cit. P. 133.

поручили командование только что созданным небольшим Горным округом, но на этом посту он действовал настолько бездарно, что после ряда поражений и постоянных конфликтов с командованием 26 июня 1862 г. его окончательно уволили из армии.

Приказом Линкольна от 9 ноября Западный округ, которым командовал Фремонт, был разбит на два: Миссурийский во главе с Генри Хэллеком и менее крупный Канзасский, который возглавил Д. Хантер. Грант оказался в подчинении Хэллека, и его отношения с новым командиром не сложились сразу же. Хэллек поверил постоянно сопровождавшим Гранта слухам, будто он был горьким пьяницей (это не соответствовало действительности). Дело еще и в том, что Грант никогда не благоговел перед начальством, возражал против глупых приказов, предлагая взамен свои варианты, преимущество которых было очевидным. Но это-то и раздражало себялюбивого генерала Хэллека, быстро разглядевшего в Гранте профессионала куда более высокого уровня, чем он сам.

Грант, во всяком случае внешне, спокойно сносил обиды и даже спустя два года, когда стал главнокомандующим, не мстил оказавшемуся у него в подчинении Хэллеку. А тогда эта односторонняя вражда привела к срыву многих интересных планов Гранта, которые принесли бы Союзу несомненную выгоду. Так, еще в декабре 1861 г. Грант просил у Хэллека разрешения атаковать позиции мятежников в междуречье Теннесси и Камберленда, но получил отказ. Только с помощью коммодора Эндрю Фута, командующего эскадрой северян в верхнем течении Миссисипи, Гранту удалось «уломать» Хэллека. Вместе с Футом Грант намеревался атаковать два мощных форта южан — Генри (на реке Теннесси) и Донелсон (на реке Камберленд). Эти форты были своеобразной «связкой» между названными реками, впадавшими в Миссисипи на близком расстоянии друг от друга, и служили прочным барьером против проникновения северян в центральную часть штата Теннесси. Занятие их было бы серьезным ударом по положению мятежников на западном фронте в целом.

Итак, 2 февраля 1862 г., погрузив на суда сильную экспедиционную группу численностью в 17 тыс. человек, Грант направился к форту Генри в сопровождении семи канонерок Фута. Высадившись милях в восьми выше форта, северяне двинулись к нему и неожиданно для себя обнаружили по пути еще один — форт Хейман. Расположенный на высоком берегу, он полностью контролировал подходы к Генри. Несмотря на трудность продвижения (местность вокруг была заболоченной, а в сухих местах путь преграждало множество поваленных деревьев), северяне при поддержке орудий канонерок мощно атаковали оба форта и после недолгого боя заняли их. Но комендант форта Генри Л. Тилгмэн сумел организовать отход основных сил (точное число мятежников в гарнизоне форта неизвестно, называются противоречивые цифры, наиболее реальной из которых представляется 2,5 тыс. человек) в соседний форт Донелсон и только после этого сдался Гранту во главе 80 артиллеристов и 16 пациентов плавучей баржи-госпиталя. При перестрелке были убиты 11 мятежников, а среди солдат Гранта потерь вообще не было. Правда, во время штурма снаряд мятежников попал прямо в паровой котел канонерки «Эссекс», которая тут же взорвалась, при этом 11 матросов погибли, еще 5 утонули и 31 был ранен⁵⁸. В руки северян попал арсенал с орудиями и боеприпасами, а также крепостные орудия форта.

6 февраля, когда был взят форт Генри, в известном смысле стало переломной датой и для судеб западного фронта, который до этого считался второстепенным, вспомогательным, и для судьбы самого Гранта, став первой вехой в истории его многочисленных побед. Американский историк Дж. Роупс писал: «Воздействие взятия форта Генри на население всей страны — как Севера, так и Юга — было поразительным. Это свершилось столь внезапно и столь неожиданно, что дух северян поднялся сверх всех пределов, южане же, соответственно, впали в депрессию»⁵⁹. Но сам Грант считал свою первую победу скромной, тем более что основные силы противника сумели ускользнуть от него. Он твердо решил безотлагательно атаковать форт Донелсон и захватить его.

⁵⁸ *Boalner M. M. Op. cit. P. 394.*

⁵⁹ *Ropes J. C. The Story of the Civil War. Boston, 1894. Vol. 2. P. 18.*

Перед тем как двинуться на Донелсон, Грант впервые применил своеобразный «прием», к которому обратится еще не раз. Предполагая, что Хэллек может запретить ему опасную атаку на Донелсон, Грант отправил ему следующую телеграмму: «Я возьму и уничтожу форт Донелсон 8-го числа, после чего вернусь в форт Генри»⁶⁰. Отправив ее, Грант распорядился повредить телеграфную связь, с тем чтобы командующий не смог помешать ему провести операцию.

Правда, взять форт Донелсон именно 8 февраля, как планировал Грант, ему не удалось. Он еще только собирался выступить в поход, когда в ночь на 7-е хлынул невиданный ливень, продолжавшийся без перерыва почти трое суток. Лишь после этого начался поход, ибо ранее провести по превратившимся в вязкую жижу дорогам не только артиллерию и обозы, но даже войска было практически невозможно. 14 февраля, добравшись наконец до Донелсона, части Гранта начали штурм при поддержке все тех же канонерок Фуа. Мятежники (вместе с прибежавшими из форта Генри их было более 20 тыс. человек) защищались отчаянно, а утром 15 февраля даже провели мощную вылазку за стены форта. Смяв дивизию Дж. Макклернанда и захватив при этом до 300 пленных и несколько орудий, южане продолжали натиск.

Немедленно кинувшись к месту боя, Грант приказал дивизии Л. Уоллеса «заткнуть» прорыв, и кое-как это удалось сделать. Подчиненные уговаривали Гранта отвести войска и «обдумать ситуацию». Но тут генерал, заметив двоих только что захваченных в плен мятежников с увесистой поклажей за спиной, приказал посмотреть, что у них там. Мешки, как выяснилось, были набиты сухарями и кусками бекона. Грант понял, что южане в отчаянной попытке спастись хотели вырваться из форта и бежать — потому-то солдатам и раздали рационы для длительного марша. Из этого следовало, что противника необходимо «дожать», не давая ему передышки. Грант бросил на помощь Уоллесу и понемногу приходившему в себя Макклернанду еще и дивизию Ч. Смита.

Общими усилиями северяне не только блокировали все попытки мятежников вырваться из форта, но и загнали их назад, за крепостные стены. К темноте сражение утихло.

Перепуганные командиры гарнизона собрались на военный совет. Формально во главе обороны Донелсона стоял генерал Дж. Флloyd (напомним: это он был министром обороны в администрации Дж. Бьюкенена до 29 декабря 1860 г., когда сбежал на Юг, предварительно успев переправить туда множество винтовок, патронов и даже орудий), который, не без оснований опасаясь, что северяне казнят его за измену, еще днем удрал из форта, поручив командование генералу Г. Пиллоу. А тому тоже не хотелось попадать в руки северян, так что и он последовал за Флloydом, которому, кстати, удалось «прихватить» с собой до 3 тыс. отборных виргинских войск. В итоге во главе гарнизона оказался генерал Симон Боливар Букнер, с которым, между прочим, Грант когда-то учился в Вест-Пойнте, а затем воевал в Мексике. А за восемь лет до описываемых событий, когда Грант испытывал серьезные материальные затруднения, Букнер одолжил ему денег, которые будущий генерал затем не имел возможности отдать: он и Букнер жили далеко друг от друга.

Утром 16 февраля генерал Букнер направил бывшему однокашнику письмо с просьбой сообщить о возможных условиях капитуляции, намекнув при этом, что рассчитывает на благородство старого приятеля. Грант, которому впервые пришлось принимать сдачу столь крупного войска, обратился за советом к 55-летнему генералу Ч. Смиту, и тот коротко сказал: «Никаких условий проклятые мятежники не заслужили»⁶¹. После этого Грант написал послание Букнеру, вскоре ставшее знаменитым и не раз затем использовавшееся генералами Севера как образец в схожих ситуациях. «Не может быть принято никаких условий, — писал он, — кроме безоговорочной и немедленной капитуляции. Я намерен безотлагательно атаковать Ваши укрепления»⁶². Удрученному такой «неблагодарностью» Букнеру ничего не оставалось,

⁶⁰ Dupuy R. E. and T. N. Op. cit. P. 70.

⁶¹ McFeely W. Grant. A Biography. N. Y., 1981. P. 118.

⁶² Grant U. S. Personal Memoirs: Vol. 1—2. N. Y., 1894. Vol. 1. P. 179.

как ответить, что обстоятельства принуждают его «принять те неблагородные и нерыцарские условия, которые Вы предложили»⁶³.

Так родился термин «безоговорочная капитуляция», который был возрожден в годы второй мировой войны. Правда, военный корреспондент Севера Ч. Коффин писал в одном из репортажей, что «авторство» следует отдать коммодору Футу, употребившему этот термин ровно на 10 дней раньше, принимая капитуляцию Тилгмэна, коменданта форта Генри⁶⁴. Но большинство исследователей игнорируют это свидетельство, которое никто, кроме самого Коффина, не подтвердил. Более того, слова «безоговорочная капитуляция» закрепились за Грантом в качестве прозвища, хотя произносились при этом только первые буквы, «US» (unconditional surrender), которые в английском языке полностью соответствовали инициалам генерала. Они совпадают, как вы уже обратили внимание, и с названием страны, так что Гранта еще называли (если говорить о русском эквиваленте) «американский Грант».

В тот же день, 16 февраля, состоялась церемония сдачи гарнизона Донелсона. Северяне зафиксировали 14623 пленных⁶⁵, но, судя по ряду свидетельств, их было на 2—3 тыс. больше. В любом случае цифра была по тем временам неслыханная; напомним, что ровно за 10 месяцев до этого, к началу войны, численность всей федеральной армии составляла 16367 человек! Рассказывают, что Грант в момент, когда южане во главе с его давним кредитором вышли из форта и стали складывать оружие к ногам победителей, подошел к Букнеру и протянул ему кошелек с занятой когда-то суммой.

Трудно передать, что творилось на Севере в те дни. Газеты выходили с огромными заголовками типа «Враг отступает!», «Блестящий результат!», «Полная победа!», счастливые мальчишки-продавцы сновали по улицам Нью-Йорка, Филадельфии, Чикаго, Вашингтона, Бостона, наперебой выкрикивая эти заголовки, люди на улицах пели, плясали, повсюду возникали стихийные митинги и шествия... А Юг погрузился в траур: за минуту до получения сообщения о сдаче Донелсона почти со всем гарнизоном никому и в голову не могло прийти, что такое возможно. Именно в те дни Грант стал кумиром Севера и грозой Юга.

В дальнейшем Грант добился новых успехов. В частности, в упорном сражении 6—7 апреля разбил армию мятежников во главе с А. Джонстоном у важного порта на реке Теннесси — Шайло. В этом сражении Джонстон, которому прочили славу лучшего генерала Конфедерации, был ранен в ногу и вскоре умер от заражения крови. За два дня боев погибло больше американцев, чем за всю войну за независимость, англо-американскую войну 1812—1815 гг. и мексиканскую кампанию, вместе взятые, — 1723 человека у мятежников и 1754 у северян. Суммарные же потери северян оказались заметно больше: 13047 человек против 10694⁶⁶. В Вашингтоне вновь праздновали победу, хотя и были шокированы неслыханными доселе жертвами. Точно уловив эти настроения, Хэллек «повысил» Гранта: сделал его своим заместителем, а Теннессийскую армию, с которой Грант добился столь ярких успехов, передал генералу Уильяму Розекрансу. А тот не раз в дальнейшем «прославился» медлительностью и осторожностью, граничившими с откровенной трусостью. В одном из писем Марксу в июне 1863 г. Энгельс с убийственным лаконизмом сказал о нем: «Розекранс спит», тут же добавив: «... и только один Грант действует хорошо»⁶⁷.

В марте 1862 г. возобновились и постепенно вновь вышли на первый план военные

⁶³ Ibid.

⁶⁴ RR. Vol. 4. P. 76.

⁶⁵ Boalner M. M. Op. cit. P. 397.

⁶⁶ Ibid. P. 757.

⁶⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е над. Т. 30. С. 290.

действия в Виргинии, куда мы и вернемся.

Кампания на Полуострове

Итак, генерал Макклеллан всю осень, а затем зиму готовил свою армию к «сокрушительному удару». Стараясь сохранять спокойствие, Линкольн периодически напоминал «Маку» о необходимости активных действий. Об ответах генерала на такие призывы мы уже писали. В итоге Потомакская армия (к началу 1862 г. ее численность дошла до 170 тыс. человек!) стояла у ворот Юга, защищаемых куда меньшими силами, и не двигалась с места. Но вина в этом, разумеется, лежала не на армии, а на командующем.

Однако терпение Линкольна было не беспредельно. Выведенный медлительностью «Наполеона» из себя, он 27 января 1862 г. издал военный приказ № 1 (по конституции США президент в военное время автоматически становится главнокомандующим, хотя Линкольн справедливо считал, что этот пост должен занимать профессионал), которым Макклеллану предписывалось начать наступление в Виргинию не позднее 22 февраля — в день рождения Джорджа Вашингтона, чтимый в США наравне с главными национальными праздниками. Генералу пришлось спешно готовить план наступления. Логика подсказывала, что основным объектом атаки должен стать Ричмонд, но как лучше подобраться к нему? Генералу было предложено два варианта: по суше, через печально памятный Манассас, или же морским путем, перевезя на судах Потомакскую армию к низовьям реки Джеймс, где северяне с начала войны удерживали мощный форт Монро. В неприемлемости первого варианта Макклеллан с Пинкертоном уже отчасти сумели убедить страну.

Поэтому Макклеллан склонился ко второму варианту, передав о своем намерении Линкольному и новому министру обороны Эдвину Стэнтону, сменившему на этом посту 13 января Симона Камерона (того Линкольн снял за ряд несурзных поступков и отправил посланником в Санкт-Петербург). Попутно отметим, что Макклеллан сразу же невзлюбил Стэнтона, интригуя против него так же активно и изошренно, как совсем недавно против генерала Скотта. Позднее, в мае 1862 г., Макклеллан писал жене о Стэнтоне: «Думаю, что он самый отъявленный негодяй, которого я когда-либо встречал, либо слышал и читал о таковом»⁶⁸. Но «отъявленный негодяй», в личности которого, впрочем, много неясного (в частности, по некоторым данным, он даже был причастен к заговору, приведшему к убийству Линкольна в апреле 1865 г.⁶⁹), довольно быстро разобрался в «тактике» Макклеллана и вместе с Линкольном постоянно «подстегивал» генерала к более решительным действиям, впрочем, без особого успеха.

На предложение Макклеллана о крупномасштабном десанте в форт Монро Линкольн ответил замечанием, характеризующим его как профессионального стратега, хотя он прежде не сталкивался с военным делом. Линкольн спросил Макклеллана, не окончится ли его затея катастрофой: ведь, по заверениям генерала, в районе Булл-Рана стояла примерно 120-тысячная армия мятежников, и было бы легкомысленно оставлять ее наедине с беззащитным Вашингтоном. Действительно, история войн, и в частности гражданской войны в США, убедительно доказывает, что объектом удара (если речь идет не о конкретном случае, а о постоянной стратегической цели) должен быть не какой-либо — независимо от степени его важности — географический пункт, а основные силы противника.

В ответ Макклеллан засыпал президента и Стэнтона множеством доводов, аргументов, цифр, и в итоге его план (морская операция) был одобрен. Линкольн, правда, поставил обязательное условие: у столицы должна остаться определенная часть Потомакской армии (конкретное число войск не называлось) на случай попытки мятежников атаковать ее. «Наполеон» немедленно возразил, что в таком случае он не успеет подготовить «ослабленную»

⁶⁸ Цит. по: *Hendrick B. F. Lincoln's War Cabinet*. Boston, 1946. P. 295.

⁶⁹ Критический обзор этих данных см.: *Черняк Е. Б. Судьи и заговорщики: Из истории политических процессов на Западе*. М., 1984. С. 219—246.

армию к 22 февраля, и выговорил себе неопределенный срок для «дополнительной» подготовки.

Затем произошла примечательная история. Поскольку Макклеллан явно не собирался трогаться с места, Линкольн 8 марта потребовал, чтобы операция была начата не позднее 18 марта. Но уже на следующий день, 9 марта, армия Дж. Джонстона неожиданно... ушла с позиций у Булл-Рана и, перейдя реку Джемс, расположилась на ее южном берегу. Как стало известно позднее, разведка мятежников узнала о плане Макклеллана, а их командование заранее блокировало возможные пути атак из форта Монро. Интересно, что при торжественном вступлении частей Потомакской армии в пустые траншеи, оставленные накануне противником, обнаружилось несоответствие размеров бывшего лагеря южан тому числу их войск, которое постоянно называл Макклеллан. Несложные подсчеты показали, что там находилось примерно 45—50 тыс. человек. И тогда президент снял Макклеллана с поста главнокомандующего (11 марта), правда, мотивировав это тем, что в связи со сложной операцией в тылу противника генерал не может занимать одновременно и свой бывший пост, так как главнокомандующий должен находиться в Вашингтоне и координировать действия всех вооруженных сил Союза.

В эти же дни произошло еще одно событие, вначале повергшее Север в панику, но в считанные часы обернувшееся бурной радостью. 8 марта эрзац-броненосец южан «Виргиния» (захватив годом раньше на верфи г. Норфолка фрегат северян «Мерримак» и переименовав его, мятежники обшили корпус судна толстым листовым железом) атаковал флотилию северян, стоявшую на Хэмптонском рейде, в устье реки Джемс, и нанес ей серьезнейший урон. Казалось что бронированное чудовище вот-вот прорвется в русло Потомака и появится у стен Вашингтона. Однако уже на следующий день, 9 марта, «Виргинию» атаковало маленькое, юркое судно северян «Монитор», также обшитое железом, но по конструкции являвшееся шагом вперед, ставшее, по сути дела, прообразом цельнометаллических броненосцев. Повредив гигант, «Монитор» вынудил его отступить. Не исключено, что и этот эпизод стал одной из причин смещения Макклеллана, так как до спасительного появления «Монитора» положение в течение нескольких часов выглядело весьма угрожающим, а «Наполеон» явно не был готов отстоять столицу.

После бесконечных проволочек Макклеллан 17 марта начал погрузку своих войск на суда, чтобы затем высадиться на небольшом Виргинском полуострове (американцы, говоря об этой войне, именуют его просто Полуостровом, так поступим и мы) в междуречье Джемса и Йорка. Остается загадкой, каким образом Макклеллан, по образованию военный инженер, мог пойти на столь безрассудный шаг: на этом узком пятачке Потомакская армия, лишившись возможности маневра (слева и справа были реки, позади — Атлантика, а впереди — мощная виргинская армия), оказывалась в ловушке, в которую явилась добровольно.

Все, что произошло дальше с Потомакской армией на Полуострове, представляет интерес лишь как наглядная иллюстрация к нелепым и сумбурным действиям многих командующих Севера, особенно на начальном этапе войны. После сложного «круиза» части Потомакской армии в начале апреля стали высаживаться в форте Монро и занимать стратегически безнадежные позиции на Полуострове, с которых самонадеянный Макклеллан собирался атаковать сверхукрепленный Ричмонд. Именно там 4 апреля он получил необычно резкую телеграмму от Линкольна, в которой президент сообщал, что, поскольку Макклеллан не выполнил данных ему указаний по защите Вашингтона, то он, Линкольн, своей властью главнокомандующего задержал в Александрии уже готовый к отправке корпус Макдоуэлла и направил его в район Манассаса.

Этот шаг президента был вызван не только нарушением данного Макклелланом обещания, но и малоприятным для Союза изменением военной ситуации в Долине (напомним, что так именуется долина реки Шенандоа), где армия генерала-северянина Натаниэла Бэнкса несколько раз была разбита меньшими по численности частями энергичного и решительного Джэксона Каменная Стена. Особенно чувствительным для северян было поражение у Кэрнстауна (23 марта), после получения известия о котором Линкольн и распорядился изъять из Потомакской армии свыше 30 тыс. человек, чтобы разместить их на пути возможного наступления мятежников на Вашингтон. Зная об умелом, стремительном маневрировании южан, Линкольн допускал, что части Дж. Джонстона без особых усилий сумеют при желании

возвратиться в район Булл-Рана и занять исходные позиции.

Макклеллану пришлось смириться с потерей части своего войска, зато он получил на случай неудачи «неопрровержимую» отговорку: в самый решающий момент ему помешали, отобрав лучший корпус. Вот с такими, отнюдь не боевыми настроениями генерал Макклеллан приступил к так называемой кампании на Полуострове, вызывающей и по сей день у специалистов много споров. Но даже защитники Макклеллана сходятся на том, что генерал в этой кампании сделал множество ошибок, упустил серию отличных возможностей для того, чтобы если не завершить войну «одним ударом» (так любил пророчить себе сам Макклеллан), то, во всяком случае, нанести серьезный урон основным силам противника. Этого не случилось. Высадившись на Полуострове, части Потомакской армии беспомощно топтались там, хотя быстрый марш, возможно, и позволил бы им добиться определенного успеха. Если подходить всерьез к официально провозглашенной Макклелланом основной задаче операции — штурм и захват Ричмонда! — то следует заметить, что в первые дни кампании перед ним находились всего две относительно серьезные преграды на пути к Ричмонду: речушка Уорвик и более или менее укрепленный мятежниками г. Йорктаун. Однако три мощных корпуса Потомакской армии около месяца стояли без движения перед этими «препятствиями», а командующий армией даже не делал попыток наступать. Это было прямым ударом по интересам Союза.

Уже после окончания войны, когда стали публиковаться многочисленные мемуары и сборники официальных отчетов о действиях обеих сторон на полях сражений, выяснилось, что под Йорктауном южане откровенно издевались над Макклелланом. обороной города руководил генерал Дж. Магрудер, который еще в годы учебы в Вест-Пойнте обожал ставить любительские спектакли, был буквально фанатиком сцены. Но его лучшая постановка пришлась на военную весну 1862 г. Внушительные длинные траншеи и прочие укрепления на подступах к Йорктауну, так напугавшие Макклеллана, были рассчитаны минимум на 50-тысячное войско. Магрудер же настолько ловко разместил там 15 тыс. солдат, что «маленький Наполеон» принял их за 100-тысячное войско, о чем и доложил в Вашингтон. Орудий у Магрудера почти не было, но он решил эту проблему просто: все брустверы были утыканы... бревнами, покрашенными в темно-серый, «пушечный» цвет. А несколько настоящих орудий Магрудер разместил так, что огонь, казалось, велся отовсюду. И в довершение всего «режиссер» выделил специальную группу в несколько тысяч человек, которая по разработанным Магрудером же маршрутам целыми днями маршировала туда-сюда, поднимая клубы пыли и создавая у Макклеллана и его храбрецов-генералов полную иллюзию огромной массы войск.

Мистификация была настолько искусной, что северяне не распознали ее даже с помощью наблюдательного аэростата, привязываемого за веревку подальше от передовой, чтобы снайперы противника чего доброго не прострелили его оболочку. Однажды командир 5-го корпуса, генерал Фитц-Джон Портер сам решил понаблюдать за позициями южан из гондолы, но внезапный порыв ветра порвал веревку, и насмерть перепуганного генерала целый день (это было 11 апреля) носило прямо над позициями мятежников. К счастью, несколько их выстрелов были неудачными, а потом ветер переменился и возвратил незадачливого генерала к своим. Характерно, что и Портер, летая над частями Магрудера, не сумел заметить инсценировки. Впрочем, говорят, что генерал был настолько напуган, что вообще не высовывался из гондолы. А Макклеллан сделал «решительный» шаг — строго-настрога запретил генералам и полковникам впредь лично проводить воздушную разведку.

Тем не менее армия Макклеллана продолжала стоять в относительной близости от Ричмонда, и это беспокоило руководство мятежников. К тому же из Долины пришли сведения, что северяне намерены бросить почти всю группу Бэнкса к Манассасу, откуда она вместе с частями Макдоуэлла двинулась бы на Ричмонд с севера. Это грозило Конфедерации катастрофой, и южане решили нанести упреждающий удар. Джэксон, временно ушедший из Долины, немедленно был возвращен туда. При его армии находился тогда и генерал Ли, официально занимавший должность военного советника при штабе президента Дэвиса. Узнав, что для соединения с Бэнксом и последующего наступления на Ричмонд движутся с запада и части Фремонта (его, как уже отмечалось, вновь вернули на фронт: у северян не хватало командующих, так что считаться с их качеством не приходилось), Джэксон и Ли решили, не дожидаясь соединения этих двух групп, разгромить их поочередно.

8 мая стремительным, внезапным ударом Джэксон разбил передовые отряды Фремонта близ деревушки Макдоуэлл, в отрогах Аллеганских гор. И сразу же после этого войско Джэксона ринулось на Бэнкса. Тот немедленно отступил, но Джэксон в конце концов нагнал его и дважды подряд, у Фронт-Ройала и у Винчестера (23 и 25 мая), нанес северянам чувствительные поражения. Соотношение потерь было шокирующим для общественного мнения Севера: у Фронт-Ройала Джэксон потерял в общей сложности менее 50 человек, а северяне — 904. При Винчестере баланс потерь был более «пристойным» для Севера: более 2 тыс. человек (южане — 350)⁷⁰. Кроме того, южане захватили в этих двух сражениях до 10 тыс. винтовок, несколько орудий, битком набитые продовольствием и военным снаряжением склады, лошадей, обозы... Части Бэнкса в панике бежали к Харперс-Ферри, где и переправились за Потوماк.

В итоге Линкольн был вынужден проститься с идеей двойного наступления на Ричмонд и остановить уже вышедший было в поход корпус Макдоуэлла у г. Фредериксберга. Была сделана попытка «расправиться» с Джэксоном, но тот, умело маневрируя среди превосходивших по численности войск северян, сумел 8 июня разгромить Фремонта у Кросс-Киз, а 9 июня — группу генерала Дж. Шилдса в Порт-Рипаблик. В итоге довольно короткой кампании (с 30 апреля по 9 июня) Джэксон и его 18-тысячное войско не только выстояли против преследовавших их северян, имевших в общей сложности до 70 тыс. войск, но и сумели изрядно потрепать их. Эта, как может показаться, локальная кампания внесла серьезные коррективы в планы северян: идея натиска на Ричмонд еще и с севера рухнула, а Макклеллан получил новые основания ссылаться на «отсутствие помощи», что не позволяло рассчитывать и на его столь ожидаемый всем Севером удар.

А чем же вообще занимался в то время Макклеллан? Широко известив страну о «падении» Йорктауна, который южане из тактических соображений оставили вообще без боя в ночь на 4 мая, генерал медленно двинулся вперед. На западном берегу Уорвика северян ждал «сюрприз»: мятежники поставили на пути их продвижения крохотные мины, изобретенные генералом Габриэлом Рейнсом. Впрочем, Макклеллан быстро «изобрел» средство борьбы с минированием — приказал прислать к нему группу пленных южан, которых он заставлял разминировать проходы для Потوماкской армии.

К 25 мая северяне оказались у железнодорожной станции Фэйр-Оукс, в 7 милях к северо-востоку от Ричмонда. Уже без всяких биноклей можно было разглядеть колокольни церковей столицы мятежников. Правда, путь северянам преграждала широкая река Чикахомини, но южане, отходя, не успели уничтожить мосты через нее, да и саперы Макклеллана уже навели несколько понтонных мостов. Оставалось только переправиться и начать штурм города, чего трусливый командующий вовсе не собирался делать.

Вместо этого он вновь стал сообщать в Вашингтон, что, по данным его разведки (т.е. все того же Пинкертон!), Ричмонд защищают не менее 200 тыс. мятежников, хотя реально, учитывая и силы городского ополчения, столицу Конфедерации защищали в те дни 63 тыс. человек. Характерно, что сами мятежники считали положение безнадежным, правительство распорядилось упаковать архивы и личные вещи, чтобы в любой момент начать эвакуацию. Лишь генерал Дж. Джонстон, уже имевший дело с «Наполеоном», верил, что можно не только отогнать, но и разгромить его.

31 мая, когда Макклеллан наконец решил начать переправу через Чикахомини, южане нанесли сильный удар, причем направили его на части, уже форсировавшие реку. К счастью, к ним на помощь, не дожидаясь приказа Макклеллана, пришли войска с северного берега, что и спасло Потوماкскую армию от серьезного разгрома. В двухдневном бою у Фэйр-Оукс (так он назван на Севере, а южане именуют его по названию маленького селения — Семь Сосен) мятежники потеряли 8134 человека, северяне — 5031⁷¹. В сражении был тяжело ранен и надолго выбыл из строя один из военных лидеров мятежников, генерал Дж. Джонстон,

⁷⁰ Boatner M. M. Op. cit. P. 318, 937.

⁷¹ Ibid. P. 273.

пытавшийся сам повести в атаку войска, когда его план начал срываться. У Макклеллана были все основания продолжать натиск (мятежники не верили, как показывает переписка их руководства, в возможность спасти Ричмонд), но он вновь остановился, хотя и сообщил в Вашингтон о «грандиозной победе».

После ранения Джонстона президент мятежников Дэвис назначил на его место генерала Ли, и тогда же, 1 июня, виргинские войска, защищавшие Ричмонд и прилегающие районы, получили название армии Северной Виргинии, остававшейся до конца войны главной армией Юга. Ли сразу же приступил к действиям, бросив в тыл Макклеллана мощную кавалерийскую группу Джеймса Стюарта (чаще его называли просто Джебом). В мастерски проведенном рейде (с 12 по 15 июня) Стюарт совершил своеобразный круг едва ли не по всему периметру обороны северян, выяснив при этом их примерную численность, позиции и намерения. На основе этих данных Ли решил повторить прием Джонстона — разгромить северян по частям, используя их разделенность рекой (Макклеллан все еще не удосужился переправить всю армию на северный берег).

Известив о своем плане Джэксона Каменная Стена, Ли предложил ему нанести одновременный удар по флангу северян. 26 июня началась битва, продолжавшаяся семь дней, и потому вошедшая в историю как Семидневная битва. Несмотря на все усилия мятежников, на мощную фланговую атаку Джэксона, северяне защищались умело, мужественно, переходили в контратаки, и если бы не постоянные приказы Макклеллана об отходах, наскоки Ли и Джэксона были бы отбиты и Потомакская армия смогла бы продолжать наступление на Ричмонд. Но Макклеллан, как обычно, использовал активные действия противника как очередной повод к остановке и отступлению. Линкольн и Стэнтон, уже привыкшие к «тактике» командующего, отказывали ему в систематических просьбах о подкреплениях, резонно указывая, что у него вполне достаточно войск. Обвиняя за это администрацию, Макклеллан 28 июня, еще в ходе Семидневной битвы, писал Стэнтону: «Если я и спас эту армию сейчас, то, говорю Вам откровенно, я не обязан благодарностью ни Вам, ни любым другим лицам в Вашингтоне. Вы сделали все, что могли, чтобы принести эту армию в жертву»⁷².

Вот любопытный эпизод. Когда в процессе битвы генералы Ф. Кирни и Дж. Хукер обнаружили, что перед их частями стоят лишь слабые заслоны противника, они немедленно доложили об этом Макклеллану, поскольку тот требовал все решения согласовывать с ним. Но вместо ожидаемого приказа об атаке эти генералы получили... распоряжение Макклеллана об общем отходе! Тогда Кирни и Хукер сами прискакали к Макклеллану и стали доказывать, что отступление ничем не обосновано. Раздраженный тем, что его «обеспокоили», Макклеллан наотрез отказался отменить приказ об отступлении, и возмущенный Кирни набросился на него с кулаками. Офицеры штаба оттащили его, но пару раз ударить «Наполеона» эмоциональный генерал все же успел. Характерно, что Макклеллан никак не наказал Кирни, лишь повторив: отменять свой приказ он не собирается.

Отступив в ходе Семидневной битвы, Макклеллан остановился на северном берегу Джемса, близ Малверн-Хилла, где мятежники нанесли ему еще один удар, завершивший эту битву. И у Малверн-Хилла дело могло бы обернуться по-другому: солдаты и офицеры Потомакской армии, мало-помалу приобретая и усваивая боевой опыт, сражались отважнее, смелее, нередко сами рвались в бой вопреки запретам командующего. Но Макклеллан и на этот раз приказал отступать. В итоге Семидневной битвы мятежники потеряли в общей сложности 20614 человек, северяне — 15849⁷³, причем особенно чувствительные потери армия Северной Виргинии понесла именно у Малверн-Хилла. Характерно, однако, что при заметном перевесе общих потерь у мятежников, они потеряли лишь 875 человек пленными, а северяне, постоянно отступавшие по милости Макклеллана, — более 6 тыс. человек!

Население Юга сперва было шокировано потерями, но о них довольно быстро забыли, так как северяне откатились от Ричмонда миль на 20, и теперь Потомакская армия оказалась в

⁷² Williams H. Op. cit. P. 41.

⁷³ Dupuy R. E. and T. N. Op. cit. P. 140.

своего рода ловушке — в небольшом лагере близ устья Джемса. А население Севера и его администрация не могли понять, что же происходит: Макклеллан по своему обыкновению сообщил о «грандиозной победе», потерь мятежники понесли заметно больше, так почему же Поттомаская армия так позорно отступила, когда дошла, по сути дела, до ворот Ричмонда?

Все это вновь указывало республиканской администрации Союза на необходимость решительных перемен как в руководстве военными операциями, так и в общем подходе к военной и внутренней политике. Это касалось прежде всего самого президента Линкольна, авторитет которого возрастал, а власть в годы войны была почти неограниченной. Политический анализ ситуации военных лет не входит в задачу автора данной работы, а представить его бегло было бы несерьезно и самонадеянно по отношению к этому сложнейшему, многоплановому процессу. Понять ситуацию тех непростых лет, понять сложный комплекс проблем, стоявших тогда перед Линкольном и его администрацией, можно лишь, если попытаться максимально вникнуть, вжиться в них, образно говоря, прорваться сквозь время. Только в этом случае мы осознаем, что нельзя, неправомерно проецировать взгляды наших дней на давно прошедшие времена с их иной психологией, не всегда понятными нам традициями и этическими нормами.

Спустя месяц после полупобеды-полупоражения северян при Малверн-Хилле Маркс емко выразил суть ситуации, в которой находилась администрация Линкольна, и предсказал дальнейшее развитие событий: «Мы присутствовали пока лишь при первом акте гражданской войны — войны, которая велась по-конституционному. Второй акт — ведение войны по-революционному — еще впереди»⁷⁴.

Летом 1862 г. Север, его администрация стояли на пороге этого акта.

Глава 3. Накануне перелома

«Звездный час» генерала Попа

Первый шаг к переходу к «войне по-революционному» Линкольн и его администрация сделали 16 апреля 1862 г., объявив об освобождении негров-рабов в федеральном столичном округе Колумбия. Если еще осенью предыдущего года Линкольн был вынужден по тактическим соображениям (из опасения потерять «пограничные» штаты) отменить декларацию Фремонта об освобождении рабов в Миссури, то теперь и сам президент подходил к такому решению в масштабах страны. Эволюция взглядов Линкольна в этом вопросе очевидна, хотя и после отмены рабства в округе Колумбия, 19 мая, президенту пришлось дезавуировать декларацию другого генерала, Дэвида Хантера, который, так же как и Фремонт, без санкции руководства объявил об освобождении рабов в штатах Джорджия, Флорида и Южная Каролина.

В вопросе, отменять или сохранять рабство, Линкольн в значительной мере зависел от постоянной необходимости учитывать возможную реакцию на этот шаг всей совокупности различных сил и факторов, в первую очередь, разумеется, внутри страны. Напомним, что, выступая за отмену рабства как института, президент вовсе не считал негров равными белым и был против предоставления им после освобождения статуса полноправных граждан. Американский историк Дж. Фуллер писал: «Если бы Линкольну на следующий же день после падения форта Самтер представилась возможность опубликовать свою Декларацию об эмансипации, было бы заложено моральное основание для всей его общей стратегии. Но это было невозможно: во-первых, Север был не готов к этому, а во-вторых, как сказал сам Линкольн: „Я не желаю выступать с документом, неминуемая бездейственность которого, подобно папской булле против кометы, была бы видна всему миру”»⁷⁵.

⁷⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 15. С. 542.

⁷⁵ Fuller J. F. The Generalship of U. S. Grant. N. Y., 1929. P. 33—34.

Внимательно изучая переписку Линкольна, его выступления и иные документы, воспоминания современников о нем, можно прийти к выводу, что сам он больше склонялся к так называемому проекту «колонизации», т.е. вывозу негров (с их согласия) в государства Латинской Америки и в Африку, чем к превращению освобожденных негров в равноправных граждан США. Президент даже вел переговоры с лидерами негритянских религиозных общин и с правительствами некоторых латиноамериканских стран о деталях проведения в жизнь этого проекта. В основе этой наивной, так и не осуществившейся попытки лежало глубокое понимание Линкольном того положения, в котором окажутся миллионы негров, формально свободных, но лишенных прав белых граждан.

Повторим, что президент не желал решить эту проблему механическим дарованием неграм после отмены рабства прав белых граждан, включая и избирательное право. Это было бы в то время поддержано лишь незначительной частью американского населения, а идти против мнения своего народа (пусть даже, с нашей — но не Линкольна! — точки зрения, неверного мнения) президент не мог.

Но самый первый шаг — отмена рабства — становился насущной необходимостью, и за него выступало все больше белых американцев. 22 июля 1862 г. на очередном заседании кабинета министров Линкольн огласил составленный им проект Декларации об отмене рабства ко всех штатах, входивших в мятежную Конфедерацию, исключая Теннесси, почти вся территория которого была к тому времени занята войсками Союза, и те округа Луизианы и Виргинии, где также господство Конфедерации было уже ликвидировано. Одновременно Линкольн предполагал с 1 января 1863 г. (в этот день Декларация должна была вступить в силу) разрешить набор свободных негров в армию и флот США. При этом Линкольн с непривычкой для него твердостью заявил, что решение его окончательно, а министров он просит лишь посоветовать, когда именно обнародовать эту Декларацию.

Мнения разделились, кое-кто вообще выражал сомнение в необходимости такого шага: ведь «пограничные» штаты, как не раз говорил и сам президент, явно встретили бы Декларацию отрицательно. Линкольн счел полезным предложение Сьюарда: не публиковать Декларацию сейчас, в условиях военной нестабильности Союза, а подождать какого-либо военного успеха, как выразился государственный секретарь, «хотя бы средней величины». В этом был резон: публикация Декларации после неудач Макклееллана на Полуострове могла быть воспринята противником как проявление слабости, последняя попытка как-то спасти положение.

Итак, переход к «войне по-революционному», во всяком случае в политической области, уже обозначился. Помимо Декларации об освобождении рабов, он был отмечен и другим важным шагом во внутренней политике. 20 мая 1862 г. был принят закон о гомстедах (т.е. земельных участках), по которому любой гражданин США не моложе 21 года мог с 1 января получить во владение участок земли размером в 160 акров (примерно 65 га), уплатив за это символический регистрационный сбор — 10 долл. Формально требовалось в течение пяти лет обрабатывать полученный участок, и только после этого он переходил в полную собственность владельца. Фактически же участки сразу попадали в полное пользование владельцев. Закон имел и побочную сторону: буржуазия Севера, а также различные проходимцы ловко использовали его в своих интересах, в частности путем скупки участков через подставных лиц и дальнейшей спекуляции ими. Но буржуазно-демократической сущности закона о гомстедах это не меняло: он явился победой прогрессивного для того времени пути развития капитализма в сельском хозяйстве, позднее так и названного В. И. Лениным — «американским»⁷⁶.

Следом за этими мерами (и рядом менее значительных) в политической области предстояло осуществить переход к «войне по-революционному» и на полях сражений, т.е. вести всю военную политику более энергично, профессионально, по-деловому.

Бездарно проведенная Макклеелланом кампания на Полуострове поставила на повестку дня вопрос об устранении его с поста командующего крупнейшей армией страны — Потомакской. 26 июня Линкольн, еще не зная о том, что именно в этот день началась Семидневная битва, и, естественно, не предполагая, какими разочарованиями она завершится,

⁷⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 150.

издал приказ о создании новой армии во главе с генералом Джоном Попом. Предполагалось, что эта армия, получившая название Виргинской, примет на себя функции по защите Вашингтона и прилегающих районов на время нахождения Потомакской армии (точнее, большинства ее частей) на Полуострове. Виргинскую армию составили из полуразбитых Джэксоном в Долине частей Бэнкса, Фремонта (но уже не под его командованием) и Макдоуэлла, и вместе с влитыми в нее дополнениями она насчитывала 47 тыс. отчасти опытных, отчасти ничего не умевших солдат.

Примерно тогда же был решен вопрос и с упорядочением общего командования вооруженными силами. Отстранив Макклеллана в марте от функций главнокомандующего, Линкольн сам выполнял их в течение ровно четырех месяцев. Президент отлично понимал, что не имеет оснований занимать такой пост: он был опытным политиком, но не профессиональным военным, и его отчаянные усилия спешно овладеть азами стратегии и тактики не могли этого компенсировать. В то же время президент видел, что в стране нет генералов, достойных занять этот пост. Пристально наблюдая за действиями военачальников Севера, Линкольн надеялся выбрать среди них преемника на непосильном для себя посту главнокомандующего.

Успешные операции войск Союза на западном фронте, увенчавшиеся взятием 25 апреля совместными усилиями армии и флота крупнейшего города Конфедерации Нового Орлеана, подсказали президенту, что вести особо внимательные поиски следует именно на Западе. Линкольн уже тогда «присматривался» к генералу Гранту, сразу же отметив его решительность, неординарность мышления, отсутствие боязни противника, свойственной, пожалуй, всем другим генералам Севера. Но пост, занимаемый Грантом, был тогда не очень высок — заместитель командующего Миссурийским округом. Его начальник Хэллек умело составлял донесения в Вашингтон, и львиная доля успехов Гранта автоматически относилась на счет Хэллека. 11 июля Линкольн телеграммой вызвал Хэллека в Вашингтон, чтобыверить ему полномочия главнокомандующего.

Оба «новых» генерала сразу же развернули бурную деятельность. Но Хэллек (если не говорить о его вздорном характере) был весьма компетентен в вопросах военной теории, обладал достаточной и «по делу» применяемой энергией. У него вскоре установился хороший деловой контакт с Линкольном и Стэнтоном, а энергия (скорее, суматошность) Попа больше напоминала излюбленную методу Макклеллана — заменять реальные действия демагогическими тирадами и нелепыми передвижениями войск. Свои приказы Поп обожал подписывать так: «Генерал Поп, такое-то число, штаб-квартира в седле». Это, по мнению Попа, должно было создать впечатление, что он вместе с армией находится в постоянном движении.

И солдаты, и офицеры (во всяком, случае, из соединений, ранее входивших в Потомакскую армию, где авторитет «маленького Наполеона» был, как ни странно, очень высок) сразу же невзлюбили Попа, так как в обращении к войскам от 14 июля он объявил, что раньше, мол, они воевать не умели, и только он может научить их этому. А вот военно-политическое руководство Союза, в частности Линкольн, на первых порах связывало с Попом большие надежды. Это и неудивительно: в обстановке почти хронических военных неудач на восточном фронте любой новый поворот событий, тем более появление нового командующего, вселял веру в перемены к лучшему.

И этот психологический настрой как бы автоматически понизил «акции» Макклеллана. Не уловив перемены отношения к нему после трусливо (иначе не скажешь!) проведенной им Семидневной битвы, генерал по-прежнему требовал подкреплений: вначале, как он выразился, хотя бы 30 тыс. человек⁷⁷, но вскоре ему понадобилось уже 40 тыс.! По получении последнего требования Линкольн 3 августа направил «Маку» категорический приказ: погрузиться на суда в форте Монро и незамедлительно эвакуировать всю Потомакскую армию с Полуострова в район Вашингтона.

Но — увы! — и «новая надежда» Линкольна генерал Поп едва не привел свою Виргинскую армию к полной катастрофе. На том самом месте, где год назад состоялось

⁷⁷ Dury R. E. and T. N. The Compact History of the Civil War. N. Y., 1962. P. 142.

печально памятное сражение при Булл-Ране, части Виргинской армии в трехдневном бою 23—30 августа были разбиты армией Северной Виргинии. Вновь блестяще проявил себя Джэксон Каменная Стена: его части, совершив ряд мастерских маневров, совершенно запутали Попа, который то устремлялся в погоню за Джэксоном, то, напротив, чего-то испугавшись, в страхе отступал. В результате этих метаний армия Попа и оказалась на берегу рокового Булл-Рана. Действия Попа в этом сражении, получившем название Второго Булл-Рана, отмечены удивительной «коллекцией» ошибок и нелепостей. Он ухитрился не атаковать мятежников, когда тот или иной участок их обороны был в плачевном состоянии, и, напротив, вдруг яростно бросался чуть ли не на дула орудий.

Когда 30 августа Поп решил двинуть в атаку части Ф.-Дж. Портера, мятежники устроили откровенное издевательство над незадачливыми вояками. Генерал Дж. Лонгстрит, заметив в подозрную трубу неторопливое движение частей Портера, приказал немедленно доставить два десятка самых буйных лошадей, привязать к их хвостам огромные веники и скакать на рысках туда-сюда. Поднялась невероятная пыль, и Портер, «догадавшись», что ему навстречу движется гигантское войско, остановился и стал решать, что делать дальше. В итоге он заблокировал дорогу наступающему следом за ним корпусу Макдоуэлла, тот немедленно прискакал выяснять отношения, а южане тем временем атаковали и сильно потрепали части обоих бестолковых генералов.

Кампания Макклеллана на Полуострове и скоротечная история Виргинской армии Попа отмечены парадоксальной тенденцией: солдаты и большинство офицеров северян дрались все лучше, смелее, в значительной мере свыкнувшись с перспективой долгой и трудной войны, А многие генералы и полковники вели себя так, будто случайно оказались в районе боев, и осуществляли свое «руководство» как бы в полусне. Второй Булл-Ран завершился сокрушительным разгромом частой Попа: они потеряли в ходе сражения и предшествовавших ему стычек более 16 тыс. человек (из них почти 6 тыс. оказались в плену), а мятежники — 9197⁷⁸. Правда, Поп отправил в столицу телеграмму о «крупной победе», но как только Линкольн и Стэнтон узнали правду, судьба генерала-лгуна была решена. Его армию, просуществовавшую чуть более двух месяцев, распустили, а самого Попа отправили в штат Миннесоту воевать с индейцами (мятежникам удалось, одурачив некоторые индейские племена, натравить их на северян — «врагов краснокожих»).

Роковое совпадение места битвы с тем, «старым» Булл-Раном заставляло многих на Севере думать, что за минувший год ничего не изменилось. Но это было не так. Отступив от Булл-Рана, солдаты уже не неслись к столице с паническими криками, как 13 месяцев назад. Они отходили четкими рядами, а арьергард уверенно сдерживал натиск мятежников. Но на Юге этой разницы не разглядели: там начались бурные празднования победы.

После этого поражения Попа Линкольн, игнорируя всю критику в адрес Макклеллана, в последний раз решил сделать на него ставку. 2 сентября на очередном заседании кабинета президент сообщил министрам, что Виргинская армия распускается, ее части сливаются с Потомакской армией, а Макклеллан, оставаясь во главе последней, назначается еще и ответственным за оборону Вашингтона. Многие министры возражали, а Стэнтон прямо заявил, что министерство обороны никаких приказов на этот счет не издавало. Линкольн спокойно ответил: «Это мой приказ, и я готов отвечать за него перед страной»⁷⁹. С Линкольном спорил и министр финансов Сэлмон Чейз, заявивший: «Вверение командования Макклеллану равносильно сдаче Вашингтона мятежникам»⁸⁰.

Вновь почувствовав себя «на коне», Макклеллан все же не рискнул снова испытывать терпение Линкольна и вскоре двинулся в наступление. Впрочем, шаг этот был во многом

⁷⁸ *Boalner M. M. Cassell's Biographical Dictionary of the American Civil War, 1861—1865. L., 1973. P. 105. {1st print.: 1959).*

⁷⁹ *Hendrick B. F. Lincoln's War Cabinet. Boston, 1946. P. 316.*

⁸⁰ *Ibid.*

вынужденным: 4 сентября армия генерала Ли пересекла реку Потомак и двинулась в Мэриленд. В момент вторжения на территорию Севера части мятежников насчитывали до 55 тыс. человек при 300 орудиях. В распоряжении Макклеллана тогда было столько же орудий, но зато 97 тыс. человек. Этот рейд мятежников на Север определил «традицию» нескольких подобных акций в дальнейшем: пополнить быстро сокращавшиеся запасы продовольствия, обмундирования, прочих предметов первой необходимости, так как ресурсы Конфедерации стремительно иссякали; по возможности нанять рекрутов (напомним, что Мэриленд был рабовладельческим, хотя и нейтральным, штатом); «попугать» северян, устроить панику, поскольку всерьез о завоевании могучего Севера мятежники в 1862 г. уже не думали.

Но и надежды Ли встретить теплый прием в «братском» Мэриленде не оправдались. Население штата холодно отреагировало на его призыв восстать против власти «узурпаторов-республиканцев». Оставалось одно: дать Макклеллану генеральное сражение и разгромить его. Эта очередная битва состоялась 17 сентября на берегах ручья Энтайэтем, близ городка Шарпсберга.

Когда части Макклеллана утром 17 сентября ринулись в атаку, их встретил мощный заградительный огонь. Но натиск северян был столь сильным, что мятежники постепенно стали отходить. Особенно упорным был бой на полузатопленном кукурузном поле, через которое пролегла дорога, также скрывшаяся под водой. Уже к исходу дня солдаты обеих армий прозвали эту дорогу «кровавой тропой»: она, как, впрочем, и все поле, была завалена телами убитых и умиравших от ран. Важным участком сражения был и каменный мост через Энтайэтем, который упорно атаковал корпус северян во главе с Эмброузом Бэрнсайдом. А на восточном берегу ручья в полном бездействии стояли 20 тыс. войск, но командующий и не думал ввести их в бой.

Тем не менее к концу дня, несмотря на все просчеты Макклеллана и ряда его подчиненных (особенно Бэрнсайда), сражение казалось выигранным. И вдруг на наконец-то утвердившихся на западном берегу солдат Бэрнсайда прямо из зарослей кукурузы обрушилась большая группа пехотинцев в... их же, голубой, форме. Уставшие и совершенно пораженные этим странным явлением, солдаты Бэрнсайда бросились назад, к каменному мосту, а загадочная группа преследовала их, ведя огонь почти в упор. К счастью, уже стемнело, и мятежники в голубой форме, сбросив северян с высокого холма, драться за каменный мост не стали. Постепенно бой утих и в других местах. Сражение завершилось.

Кто же атаковал части Бэрнсайда? За два дня до сражения войска Джэксона Каменная Стена, обрушившись на Харперс-Ферри (этот городок на южном берегу Потомака в ходе войны был основной базой северян для наступления в Виргинию), заняли его, захватив 11 тыс. пленных, 13 тыс. винтовок, 73 орудия, массу продовольствия и обмундирования⁸¹. Затем Джэксон поспешил к месту будущего боя, а в Харперс-Ферри оставил дивизию генерала Э. П. Хилла, поручив ему отправку пленных и захваченного имущества на Юг. К тому времени солдаты-южане испытывали недостаток в продовольствии, обмундировании, порой даже ходили босыми, так что вся дивизия Хилла с удовольствием сменила свое тряпье на новенькое обмундирование северян. А завершив отправку, мятежники сломя голову понеслись к месту боя и так, с короткими передышками, промчались весь 17-мильный путь до Шарпсберга. Между прочим, копия приказа Ли Джэксону, в которой, в частности, говорилось и о планируемой атаке южан на Харперс-Ферри, случайно была найдена северянами на теле убитого курьера и еще утром 13 сентября доставлена Макклеллану. Но никаких мер к защите этой важнейшей базы «Наполеон» так и не принял.

Подведем итоги сражения. 52 тыс. мятежников сумели остановить натиск примерно 75-тысячной армии северян (остальные их части в сражение так и не вступили). Потери же стороны понесли примерно равные: Север — 12410 человек, в том числе 2108 убитыми; Юг, соответственно, — 13724 и 2,7 тыс.⁸² Но на Севере сражение было воспринято как победа, тем

⁸¹ Dupuy R. E. and T. N. Op. cit. P. 158.

⁸² Boatner M. M. Op. cit, P. 21.

более что Ли, весь следующий день напрасно прождав атаки северян, в ночь на 19 сентября отвел свои потрепанные, но отнюдь не разбитые войска за Потомак. Ли, разумеется, не бежал, а просто отошел, чтобы, следуя своей обычной тактике, поймать северян на их новой ошибке.

Счастливый Линкольн спустя пять дней после энтайэтемского сражения в присутствии всего кабинета еще раз огласил Декларацию об освобождении рабов, которая в тот же день, 22 сентября, была опубликована в газетах и отдельными выпусками. Вряд ли стоит напоминать об исключительном значении этого хорошо известного документа, ставшего первым реальным завоеванием негритянского народа США в его трудной многолетней борьбе за абсолютно равные права с белыми американцами.

Но в полной мере значение Декларации Линкольна стало очевидно позднее. А тогда, осенью 1862 г., этот шаг республиканской администрации, одобренный демократической общественностью внутри и вне страны (в частности, в России), вызвал и взрыв негодования на Юге, и настороженную реакцию в «пограничных» штатах, и определенный скептицизм у многих жителей Севера. Здесь мы вновь наталкиваемся как бы на стену, созданную устойчивыми стереотипами, которые, — во всяком случае, в науках гуманитарных — зачастую мешают разобраться в существе вопроса. Из того факта, что и на Севере Декларацию Линкольна приветствовали далеко не все, вряд ли стоит делать вывод о реакционной, прорабовладельческой позиции этих «оппозиционеров». Разумеется, из нашего «прекрасного далека» эта позиция таковой и выглядит. Но речь-то идет о XIX в., о его 60-х годах, когда все было другим и все воспринималось иначе!

В Северной Америке в течение примерно двух столетий государственное законодательство (а до 1776 г. — законы и постановления британской колониальной администрации), памфлеты, выступления политических и религиозных деятелей, да и сама практика, традиции повседневной жизни внушали белому американцу, что негр — существо низшее, нечто вроде говорящего животного. К нему можно было относиться по-разному, но, пожалуй, до 20-х годов XIX в. вопрос о том, что негров можно считать именно людьми, такими же, как белые, в Америке попросту всерьез не вставал. (Локальные выступления за отмену рабства, например квакеров Пенсильвании еще в конце XVIII в., не могут идти в счет, так как мы говорим об общенациональном уровне.)

Нельзя не учитывать и другого обстоятельства. Попытаемся мысленно перенестись в середину прошлого столетия куда-нибудь в Луизиану или в Виргинию и взглянуть на эту ситуацию глазами белых американцев того времени. Казалось бы, сама природа уготовила неграм печальную долю: их черный цвет кожи как бы автоматически выводил их за рамки тех нравственно-этических установлений, которые белые американцы признавали лишь для себя и для иностранцев с тем же цветом кожи. Необходимо отличать крайнюю, рабовладельческую точку зрения от позиции тех миллионов белых американцев, которые уже не считали людей с черным цветом кожи животными и были против сохранения позорного рабства, но еще не могли считать негров равными себе (напомним, что к таковым относился и сам Линкольн, выступавший против предоставления неграм гражданских нрав вплоть до последних месяцев жизни, когда он стал пересматривать свою позицию, но принципиально изменить ее не успел).

Вот почему, приветствуя в принципе отмену рабства и освобождение негров, эти люди подсознательно просчитывали дальнейшие этапы такого развития событий и спрашивали себя: а что же дальше? Негры будут свободно ходить по нашим улицам, мы будем встречаться с ними в лавках, может быть, даже в театрах, на избирательных участках? Как же так? Возможно, завтра негр полюбит нашу дочь, а нашему сыну понравится негритянка, и он приведет ее в наш дом? Нет, это невозможно, этому не бывать! — так большинство белых американцев отвечали в те годы на подобные вопросы.

Но является ли такой подход монополией одних лишь американцев? Не будем говорить о примерах крайних — скажем, о таких, как средневековые колониальные империи Испании и Португалии, которые, собственно, и начали работорговлю и насильственное перемещение негров из Африки в чуждую им среду. Представим на минуту, что волею исторических, географических и иных условий этот феномен реализовался не на американской, а на какой-либо другой земле. Можно ли сказать, что в таких случаях отношение к неграм было бы иным? Скорее всего, напротив: оно было бы таким же, как в Америке, быть может, с теми или

иными отклонениями.

Вспомним, например, как дворянка графиня Хлестова между делом говорит на балу у Фамусова, что захватила с собой «арапку-девку» и шпица, который, кстати, удостоился в тексте «Горя от ума» эпитета «прелестный» (правда, со стороны подхалима Молчалина, заискивающего перед старой графиней), про безликую же арапку-девку не сказано ничего. Там же мы находим и едва приметное упоминание о том, что дворянин Загорецкий — и тоже, судя по всему, между делом — торгует неграми. Да и что говорить о неграх, которых, исходя из представлений тех лет, сам цвет кожи ставил в рабское положение? Вспомним о крепостных (и не только в России), которых внешне ничто не отличало от их знатных хозяев. Настолько не отличало, что порой либералы-помещики даже женились на своих крепостных, всего лишь переодев и «оформив» их должным образом. Вспомним, наконец, о вожде восстания английских крестьян в конце XIV в. Уоте Тайлере, который был зарублен лишь за то (правда, это был только формальный предлог, но все же), что в присутствии короля чуть-чуть выдвинул меч из ножен. Таких примеров можно привести множество, причем на материале самых различных «цивилизованных» стран.

Но вернемся в Соединенные Штаты, в осень 1862 г. Первый результат Декларации об освобождении работ не заставил себя долго ждать: в ноябре республиканская партия проиграла промежуточные выборы в конгресс, который на последующие два года полностью оказался в руках демократов, все громче требовавших «прекратить братоубийственную войну» и признать независимость Конфедерации. В то же время открытой защиты рабства демократы все же избегали, занимая примерно такую же позицию, на какой находился и Линкольн к моменту начала войны — не допускать распространения рабства, но и не посягать на священное право собственности. Обострение внутривластной борьбы требовало от администрации Линкольна еще более умелого и деятельного руководства ведением войны. Предостерегая от беспечности, Линкольн говорил в те дни: «Мы сейчас подобны китобоям, ведущим трудную погоню. Мы наконец вонзили гарпун в чудовище, но должны теперь следить за своим курсом, иначе одним взмахом хвоста оно отправит нас к праотцам»⁸³.

Фредериксбергский разгром

5 ноября Линкольн за систематическую дезинформацию и откровенную трусость наконец-то снял Макклеллана с поста командующего Потомакской армией. Новым, командующим был назначен Э. Бэрнсайд, который при Энтайэте столь же пассивно вел себя на поле боя, как и Макклеллан в своей штаб-квартире. На этот раз генерал неожиданно проявил агрессивность. Он сразу же поссорился с Хэллеком и стал через его голову обращаться к Линкольну. А тот неожиданно изменил своему правилу — не вмешиваться в то, в чем он был недостаточно компетентен, — и, уступив просьбам Бэрнсайда, разрешил ему, несмотря на неблагоприятные погодные и иные условия, атаковать мятежников. Как вскоре выяснилось, это было серьезной ошибкой, хотя понять президента можно: в преддверии 1 января — дня, когда Декларации об освобождении рабов предстояло вступить в силу, крупная победа была просто необходима.

Бэрнсайд, добившись санкции Линкольна на наступление, наметил не стратегическую (армия противника), а политическую цель (Ричмонд), т.е. повторил прежнюю ошибку Макклеллана. В распоряжении Бэрнсайда было до 120 тыс. солдат и 374 орудия. В победе он не сомневался, однако действовал сумбурно, неорганизованно. В течение 17—19 ноября его части подтянулись к берегу Раппаханнока, но тут обнаружилось, что к предполагаемому месту переправы не доставлены понтонные лодки и прочие материалы. Непредвиденная пауза (позднее Бэрнсайд обвинял в ней Хэллека, а тот отвечал командующему тем же) затянулась на неделю, за это время выпал снег, и солдаты-северяне развлекались игрой в снежки и строительством снежных крепостей.

В итоге, когда 25 ноября понтоны начали прибывать, армия Ли уже успела занять

⁸³ Цит. по: *Wheeler R. Voices of the Civil War. N. Y., 1976, P. 198.*

оборонительные позиции на противоположном берегу. Было очевидно, что элемент внезапности, на который возлагались основные надежды, упущен, на Бэрнсайд не увел армию назад, а, напротив, стал подтягивать к берегу продовольствие, боеприпасы и — в лучших традициях Макклеллана — выклянчивал у Линкольна (с Хэллеком он по-прежнему «принципиально» не переписывался) подкрепления. В них Линкольн генералу отказал, а все остальное Бэрнсайд получил. Так прошло еще три недели.

Бэрнсайд, должно быть, также считая себя Наполеоном, постоянно просиживал над картой (нередко и ночами), но ничего нового на ней не появлялось, а придумать что-либо сам командующий не мог. В ночь на 10 декабря он вышел пройтись по берегу. Погуляв и посмотрев на огоньки на другой стороне Раппаханнока, где дозоры южан жгли костры, на темные силуэты Фредериксберга, высившиеся над этими огнями, Бэрнсайд вдруг хлопнул себя по лбу. Эврика! Генерала осенило: не надо больше ничего придумывать, не надо ночами просиживать над картой, а надо просто ударить по позициям мятежников и разбить их! Он разбудил своих командиров и ознакомил их с этим невероятным планом. Генералы и полковники, моргая спросонья глазами, должно быть, думали, что это им снится. Дело в том, что мятежники прочно укрепились во Фредериксберге, расположенном на почти вертикальных холмах, где уже разместились несколько мощных артиллерийских батарей и до 70 тыс. солдат и офицеров армии Северной Виргинии.

То, что план Бэрнсайда был самоубийственным, понимали даже его солдаты, в ужасе писавшие перед предстоящим боем домой, чтобы родные их не ждали. В полном изумлении были и офицеры: ведь всего за день до возникновения у командующего «гениального» плана группа наблюдателей со Стаффордских высот внимательно осмотрела все вокруг и твердо заявила Бэрнсайду, что атака на Фредериксберг совершенно невозможна. Но командующий распорядился установить на этих высотах до 150 орудий, заявив, что их огонь надежно прикроет войска во время переправы.

Самая же главная ошибка Бэрнсайда при подготовке сражения заключалась в том, что он решил навести две переправы на некотором удалении друг от друга. Что ж, в принципе решение верное: ведь в таком случае неудача на одной из переправ может компенсироваться успехом в другом месте. Но Бэрнсайд на редкость неудачно выбрал точки для этих переправ: одна из них очутилась непосредственно под дулами орудий Фредериксберга, а другая была отделена от первой глубокой впадиной Дип-Ран, что исключало возможность соединения или просто координации действий двух корпусов северян — Эдвина Самнера и Уильяма Франклина. Разобравшись в этом, едва только северяне начали переправу, Ли приказал разместить орудия и стрелков так, чтобы нанести Потомакской армии максимальный урон. 306 орудий мятежников, расположенных на холмах и в других стратегически выгодных пунктах, были готовы обрушить на наступающих смертоносный огонь.

Правда, само наведение переправ северяне провели 11 декабря вполне беспрепятственно. Но заслуги Бэрнсайда и его войска в этом нет; просто Ли хотел применить свой излюбленный прием — разбить северян поодиночке, в данном случае к моменту, когда их силы будут разделены рекой. Утром 12 декабря 60-тысячная группа переправившихся войск начала атаку на город. Но артиллерийская поддержка их со Стаффордских высот оказалась малоэффективной: большинство орудий были установлены так далеко от Раппаханнока, что снаряды в лучшем случае падали на кромку противоположного берега, а чаще — посередине реки. Зато те орудия северян, которые были хорошо пристреляны, в считанные минуты разнесли на куски почти все здания Фредериксберга. Завязавшийся на подступах к городу бой был на редкость ожесточенным: северяне по почти отвесным обрывам карабкались вверх, и численное превосходство позволило им, и с большими потерями, приблизиться к развалинам города вплотную. На этом события в тот день и завершились. Обе стороны изготавились к продолжению битвы, понимая, что следующий день станет решающим.

Да, он и стал решающим, превратившись в яркую победу армии Ли и в подлинную катастрофу для Потомакской армии, брошенной Бэрнсайдом в бессмысленное наступление. Путь в разрушенный Фредериксберг у его окраин преграждала каменная стена высотой примерно по плечо человека. Укрывшиеся за ней снайперы (в основном из штата Миссисипи, славившегося отличными стрелками) в упор вели огонь по северянам, которые утром 13

декабря начали штурм города. Очевидцы рассказывали позднее, что к концу этого трагического дня перед стеной выросла едва ли не вровень с ней гора трупов. Кое-где, правда, северянам удалось обойти стену и зацепиться за некоторые полуразрушенные дома. Следует отметить, что несмотря на почти безвыходное положение, в которое Бэрнсайд поставил свои войска, они сражались мужественно, используя любую возможность для улучшения своих позиций.

Характерно, что мужество и бесстрашие солдат и офицеров Потомакской армии отмечали даже противники. Так, артиллерист У. Оуэн, который во время боя находился на высотах Мэри, откуда мятежники вели огонь по наступающим, писал в мемуарах: «Мы увидели голову колонны северян, появившейся из какой-то городской улицы... Как прекрасно они наступали! Их отполированные штыки сверкали при свете солнца, делая их линию похожей на огромную стальную змею голубого цвета... Мы видели, как наши снаряды разрываются прямо в их рядах, вырывая из них целые куски, ко они шли и шли вперед, как будто им было суждено во что бы то ни стало пройти прямо через нас, по нам!.. И вот они ринулись вперед безукоризненно сомкнутыми рядами, они казались полными еще большей, чем раньше, решимости захватить эту долину, но наш огонь был убийственным, и никакие войска на свете не смогли бы выдержать тот обстрел, которому мы их подвергли»⁸⁴.

Невероятные, неслыханные потери, которые несли наступающие части северян, вызвали резкий протест подчиненных Бэрнсайда, многие офицеры отказывались продолжать бессмысленные атаки. В частности, Хукер, корпус которого временно оставался в резерве, категорически отказался бросить и его в эту мясорубку. Но Бэрнсайд настоял на своем, и Хукеру пришлось подчиниться. После того как его части провели не менее 14 (!) атак на каменную стену, лишь увеличив гору трупов перед ней, Хукер отвел свой корпус назад, с горечью сказав после боя: «Видя, что я уже потерял столько солдат, сколько подразумевал потерять отданный мне приказ, я прекратил атаку»⁸⁵.

Весьма любопытное сообщение опубликовала вскоре после этого сражения, 17 декабря, газета Союза «Цинциннати коммершиал», корреспондент которой незадолго до начала битвы, когда северяне переправлялись на фредериксбергскую сторону реки, в удивлении спрашивал офицеров-северян, почему же мятежники не ведут огонь по наступающим. Отвечали ему по-разному, но самым точным оказался ответ простого солдата: «Они хотят, чтобы мы туда (т.е. в город. — С. Б.) вошли. Выбраться оттуда будет совсем не так красиво и просто. Вы увидите это сами, если так получится»⁸⁶. Да, именно так: простой солдат понимал то, чего не мог понять командующий армией. Интересно, что и корреспондент, приведший эти слова, прекрасно понял суть «гениальной» операций Бэрнсайда: «Фредериксберг оказался ловушкой, и мы сами бросились в нее»⁸⁷.

Лишь к вечеру 13 декабря бессмысленность продолжения атак стала наконец ясна и Бэрнсайду. Армия Северной Виргинии неприступно стояла на господствующих над городом и рекой высотах и не желала отступать. Некоторые из подчиненных Ли даже рвались в контрнаступление, считая, что деморализованные потерями и уставшие северяне не устоят против их натиска. Но Ли отказал им, объяснив, что в случае атаки стороны поменялись бы местами: наступающие части южан оказались бы под огнем орудий северян со Стаффордских высот и понесли бы огромные потери. Что же касается потерь реальных, то у северян они насчитывали в общей сложности 12,7 тыс. человек, а у мятежников — только 5,3 тыс.⁸⁸

⁸⁴ Battles and Leaders of the Civil War: Vol. 1—4 / Ed. by R. Johnson, C. Buel. N. Y., 1887—1888. Vol. 3. P. 98—99.

⁸⁵ Dupuy R. E. and T. N. Op. cit. P. 183.

⁸⁶ The Blue and the Gray. The Story of the Civil War as Told by Participants: Vol. 1—2 / Ed. by H. S. Commager. N. Y., 1950. Vol. 1. P. 240.

⁸⁷ Ibid. P. 242.

⁸⁸ Boatner M. M. Op. cit. P. 313.

Отведя Потомакскую армию для переформирования на узкий пятачок у ручья Аквиа, Бэрнсайд, стремясь поскорее реабилитировать себя за постыдное поражение, начал подготовку к новому наступлению. Но Линкольн, с трудом сдерживая гнев, категорически запретил ему вообще предпринимать впредь какие-либо шаги, предварительно не проинформировав его. Как мы увидим в следующей главе, Бэрнсайд все же не отказался от «самодеятельных» акций и продолжая готовить наступление.

Вот на этой печальной ноте и завершился для северян 1862 год.

Глава 4 «Война по-революционному»

На западном фронте большие перемены

Первый же день нового года ознаменовался вступлением в силу Декларации об освобождении негров-рабов в мятежных штатах. Хотя ее текст был обнародован еще 22 сентября, мятежники и их сторонники на Севере все-таки надеялись, что администрация Линкольна не решится на этот шаг. На Юге полагали также, что жестокий разгром северян у Фредериксберга «отрезвит» Линкольна и его партию, вынудит их искать компромиссные решения конфликта. Но эти надежды не оправдались. Президента уже ничто не могло поколебать, и Декларация с 1 января вступила в действие.

И подкрепляя уверенность Линкольна в своей правоте, в эти же первые дни 1863 г. с далекого Запада стали приходить вести о новых успехах северян. После того как 25 апреля 1862 г. армией и флотом Союза был взят Новый Орлеан, течение Миссисипи оказалось как бы «закупоренным» для мятежников. Ее верховья еще с начала войны были в руках Союза, а после побед Гранта при Генри, Донелсоне и Шайло мятежники были отогнаны еще дальше. Со взятием Нового Орлеана они потеряли и устье Миссисипи, и теперь южане сохраняли контроль лишь над средним ее течением с главной опорой в Викасберге — тщательно укрепленном и в стратегическом плане идеально расположенном городе. Поэтому главной задачей всего западного фронта во второй половине 1862 г. стало овладение Викасбергом и всем течением Миссисипи. Это отсекло бы от Конфедерации районы, находящиеся западнее реки, т.е. мятежные штаты Техас, Луизиану и Арканзас.

Крупных военных действий в этих штатах не велось, мятежники предпочитали действовать там в рамках «партизанской» войны, т.е. с помощью банд (как правило, конных), грабивших обозы северян, нападавших на их коммуникации, нередко переходя при этом на восточный берег Миссисипи. Кроме того, эти три штата были чрезвычайно важны для Конфедерации как источник различных видов снабжения (прежде всего продовольственного) и людских ресурсов. Их потеря или ликвидация связи с ними неизбежно привели бы к резкому ухудшению положения мятежников (как спустя некоторое время и произошло).

Важным успехом Союза на западном фронте стали бои у крупного города Коринта в октябре 1862 г. Северяне отбили этот важный пункт у мятежников 30 мая, и с тех пор Коринт стал своего рода камнем преткновения для южан в планах их наступлений из районов Миссисипи и Алабамы на штаты Теннесси и Кентукки. Укрепленный район северян, центром которого был Коринт, так или иначе всегда стоял на пути и регулярных соединений мятежников, и «партизанских» банд, периодически пытавшихся совершить набеги на тылы армий Союза. Особенно «отличались» банды налетчиков во главе с опытными кавалерийскими командирами Натаниэлом Форрестом и Джоном Х. Морганом, наносившие огромный вред коммуникациям северян, их складам и базовым пунктам.

Когда в конце сентября части генерала-южанина Э. ван Дорна (около 22 тыс. человек) решили неожиданной атакой отбить у северян Коринт, там находилось 23 тыс. войск Союза во главе с У. Розекрансом, известным своей медлительностью и робостью. Непосредственно за оборону всего этого района отвечал Грант.

Поздно вечером 2 октября разведка Розекранса обнаружила передовые части ван Дорна в

10 милях от Коринта. Мятежники наступали с полной уверенностью в успехе: их шпионка Аурелия Бэртен сумела переслать ван Дорну из Коринта точную карту укреплений города, из которой следовало, что Розекранс крайне неумело построил оборону Коринта, и хилая линия внешних редутов не может, как казалось мятежникам, защитить город от их стремительной атаки. Но в данном случае командование южан просчиталось: Бэртен уже три недели сидела в тюрьме, а контрразведчики Розекранса, выведав у нее способ связи с мятежниками, переслали им карту-ловушку, которая должна была заманить противника под дула артиллерийских батарей.

Однако атака ван Дорна оказалась настолько яростной, что оборона Розекранса вскоре дала трещины. И только то, что Грант вовремя узнал об этом и немедленно направил к Коринту подкрепления, спасло город. В ходе трехдневных боев мятежники прорывались на улицы Коринта и однажды даже почти окружили штаб-квартиру Розекранса. Перепуганному генералу, возможно, единственный раз в жизни пришлось палить по ним из пистолета из окон второго этажа. В боях за Коринт, который с трудом удалось отстоять, мятежники потеряли 4233 человека, северяне — 2520⁸⁹.

Неудача под Коринтом психологически надломилась генерала ван Дорна, в котором руководство Конфедерации видело одного из своих ведущих военных лидеров на западном фронте. Впав в депрессию, этот талантливый генерал начал пить, вел беспорядочный образ жизни. 8 мая 1863 г. ван Дорн в г. Спринг-Хилле нанес визит жене некоего доктора Питерса. Неожиданно возвратившийся домой муж-ревнивец пробил генералу голову тяжелым канделябром, хотя, по официальной версии, ван Дорн был «предательски убит в спину»⁹⁰.

Незадолго до этого в чем-то сходный курьез произошел и у северян. Летом и осенью 1862 г. «партизаны»-налетчики и конные отряды регулярных войск мятежников постоянно совершали набеги на штат Теннесси, порой проникая и в Кентукки. Командование северян не могло навести порядка: крупным соединениям еще кое-как удавалось отбить налеты, в остальных же случаях небольшие гарнизоны разбежались при приближении конницы противника. Когда мятежники начали просачиваться и в Индиану, ее губернатор О. Мортон приехал в Луисвилл к командующему Огайским округом Дону Карлосу Бьюэллу и в резкой форме потребовал принять меры к ликвидации бесчинств мятежников. Вспыльчивый Дон Карлос Бьюэлл выгнал губернатора из своей штаб-квартиры.

Но все же губернатор — это власть, и Бьюэлл, немного поостыв, отправил к Нортону для «примирительной» беседы генерала У. Нельсона, темпераментного, агрессивного толстяка, которого в кругу коллег-генералов называли не иначе как Буйволом. Нельсон явился к Мортону, в гостиницу, где тот в обиде уже упаковывал вещи, и, поставив на стол пару бутылок виски, стал улаживать конфликт. От виски губернатор не отказался, но эффект получился обратный: «примирение» шло на высоких тонах, и на поднявшийся шум в номер губернатора прибежал его приятель, генерал Джефферсон К. Дэвис (двойной тезка президента Конфедерации). Он немедленно присоединился к спору, естественно, на стороне Нортон. Когда оба они стали упрекать Нельсона и командование северян в трусости, тот, забыв, что находится в номере Мортон, в гневе закричал: «Так вы, что же, оба явились сюда оскорблять меня? Прочь с глаз моих, презренные молокососы!»⁹¹. И с этими словами он схватил со стола газетный лист и ударил им Дэвиса по лицу. Генерал выбежал из комнаты, а Нельсон, пробормотав: «Эх вы! Сами вы трусы!», встал и, пошатываясь, пошел прочь. Но оказалось, что Дэвис не струсил, а просто побежал в свой номер за револьвером. Догнав Нельсона в вестибюле, он в упор застрелил его.

Этот инцидент, происшедший 29 сентября, привел к печальным последствиям. Узнав о гибели Буйвола, части подчиненной Нельсону Кентуккийской армии взбунтовались, и в

⁸⁹ *Boalner M. M.* Cassell's Biographical Dictionary of the American Civil War, 1861—1865. L., 1973. (1st print.: 1959).

⁹⁰ *Horn S. F.* The Army of Tennessee. Indianapolis, 1941. P. 453.

⁹¹ *Pratt F.* Ordeal by Fire. An Informal History of the American Civil War. L., 1950. P. 122.

Луисвилле начались беспорядки: солдаты громили лавки, особенно те, где можно было раздобыть спиртное, нападали на жителей, хотя уж они-то никакого отношения к убийству Нельсона не имели. Перепуганный Мортон отправил Линкольну телеграмму, умоляя помочь спасти город от разгрома. Президент немедленно сделал соответствующие распоряжения, и силами других подразделений Кентуккийскую армию удалось утихомирить.

Нелепая гибель генералов Юга и Севера — ван Дорна и Нельсона, которые успели проявить себя на полях сражений с самой лучшей стороны, хорошо иллюстрирует в целом сумбурную, хаотичную обстановку в штабах обеих армий, где высшие офицеры нередко вместо выполнения своих непосредственных обязанностей сводили личные счеты, плели недостойные интриги, пьянствовали. Что же касается Дэвиса, застрелившего Нельсона, то он отделался лишь несколькими днями домашнего ареста. Здесь, возможно, сыграли роль опасения, что, если наказать Дэвиса, могут взбунтоваться и его солдаты. К тому же у северян было не так уж много дельных генералов (а Дж. К. Дэвис был одним из таких), чтобы их расстреливать или сажать в тюрьму.

Вернемся непосредственно к ходу войны, на ее западный фронт. К концу 1862 г. базовым пунктом северян в Теннесси стал небольшой поселок Мерфрисборо, в районе которого базировалась Камберлендская армия Розекранса. Генерал-южанин Б. Брэгг, зная о трусости Розекранса, решил вытеснить его части из Теннесси. В Вашингтоне узнали о намерениях мятежников раньше, чем Розекранс, находившийся от них в 30—35 милях. Хэллек ноября и 4 декабря прислал командующему две взволнованные телеграммы, требуя, чтобы тот немедленно атаковал Брэгга, не дожидаясь, пока мятежники осадят Мерфрисборо. Но Розекранс надменно ответил: «Если мое начальство утратило ко мне доверие, ему лучше сразу же назначить на мое место кого-нибудь другого»⁹². Правда, подготовку к наступлению на Брэгга Розекранс все же начал и 26 декабря выступил на юг с 44-тысячным войском. У Брэгга в то время было 38 тыс. солдат, но большинство их составляли опытные ветераны. Две крупнейшие армии западного фронта сближались. С 29 декабря начались перестрелки между их дозорами, а с 31 декабря по 2 января состоялось сражение при Мерфрисборо (его называют еще и сражением при реке Стоунз), в котором Розекранс — он все же был профессионалом — сумел отрешиться от осторожности, хорошо построить оборону и отбить все атаки мятежников, вынудив их отступить. Части Брэгга потеряли при Мерфрисборо 11739 человек, а северяне — 12906⁹³. Однако после завершения сражения Розекранс, как бы «опомнившись», не стал преследовать противника, хотя у него были все возможности «дожать» сильно потрепанных мятежников, одержать подлинную, а не «урезанную» победу. И все же итог сражения при Мерфрисборо был воспринят на Севере как своего рода реванш за Фредериксберг. С этим вряд ли можно согласиться: победа Ли над Бэрнсайдом была и ярче, и убедительнее. Но к большим потерям на Севере уже начали привыкать, а вот отступление Брэгга вызвало прилив энтузиазма и породило новые надежды. Строго говоря, итог сражения при Мерфрисборо правильнее было бы определить как ничью, однако вот что любопытно: не только северяне восприняли его как победу, но и на Юге оно было расценено как поражение. И если уж мы решили время от времени пытаться проникнуть в обстановку, в атмосферу тех далеких лет, то логично в оценке результатов сражения не спорить с его современниками, т.е. признать, что победили северяне. А совпадение по времени этой победы со вступлением в силу Декларации об освобождении работ, как бы подчеркнуло решительный переход войны из «конституционной» стадии в «революционную».

Геттисберг

Вслед за победами, оставлявшими ощущение неполноты, незавершенности, пришли и

⁹² Dupuy R. E. and T. N. The Compact History of the Civil War. N. Y., 1962. P. 189.

⁹³ Boatner M. M. Op. cit. P. SOS.

настоящие, решительные победы. Три из них, следовавшие в течение пяти месяцев 1863 г. — геттисбергское сражение (1—3 июля), взятие Виксберга и переход всего течения реки Миссисипи в руки северян (4 июля) и чаттанугское сражение (23—25 ноября), — обозначили окончательный перелом в войне в пользу Севера.

Мы расстались с генералом Бэрнсайдом в момент, когда он, вопреки предостережению Линкольна, продолжал готовить наступление на армию Ли, хотя погодные и стратегические условия исключали успех такой акции. 20 января Бэрнсайд начал марш, получивший печальную известность как «марш по грязи» — так назвали его солдаты, вынужденные идти по раскисшим дорогам, а точнее — просто по берегу Раппаханнока, с трудом вытаскивая ноги из грязи. Уже к вечеру 21 января началась сильнейшая пурга, и дальнейшее продолжение «операции» стало невозможным. Но упрямый Бэрнсайд, остановив войска у так называемого «брода США», приказал готовиться к переправе. Укрепившиеся на другом берегу реки мятежники с издевкой предлагали северянам свою помощь в наведении мостов.

В это время среди офицеров Бэрнсайда вспыхнул настоящий бунт: они наотрез отказались продолжать бессмысленное наступление и наводить переправы под прицелом орудий противника. Никто не хотел повторения Фредериксберга. Генерал У. Франклин, например, заявил, что почти все его солдаты набраны в штате Нью-Джерси, который всегда голосовал за демократов, поэтому они не только не сдвинутся с места, но и в любой момент могут выйти из армии Бэрнсайда и вообще из войны. Командующий выставил Франклина из комнаты, где проходило совещание, но возражать стали генералы Самнер и Хукер. Тогда Бэрнсайд прогнал всех, выкрикнув на прощание, что на рассвете 22 января (т.е. на следующий день) он приказывает начать атаку.

Но она так и не началась. Хукер сразу же после этого «совещания» направил в столицу надежного офицера, поручив ему пробиться к Линкольну и обо всем рассказать ему лично. Узнав об этом, Бэрнсайд отправился вдогонку, но посланец Хукера успел попасть к президенту раньше. А когда следом к Линкольну явился Бэрнсайд, он не смог дать президенту вразумительного объяснения, почему нарушил его приказ. Вместо этого Бэрнсайд вручил Линкольну свои приказы о смещении Лукера, Франклина и еще нескольких генералов. Президент отказался утвердить это. Тогда Бэрнсайд вернулся к армии и послал в столицу письмо-ультиматум: или его приказы будут утверждены, или он сам подаст в отставку! По наивности генерал полагал, что заменить его будет некем. Линкольн думал иначе: он сместил Бэрнсайда с поста командующего Потомакской армией, поставив на его место «уволненного» Хукера. Но и Бэрнсайда президент в отставку не отпустил; он отправил его на прежний пост, в 9-й корпус, которым генерал командовал менее трех месяцев назад. Во избежание дальнейших конфликтов Хэллек изъял этот корпус из Потомакской армии вместе с вернувшимся в него командиром и направил на другой участок.

Линкольн, извещая Хукера о назначении командующим, направил генералу письмо-наставление, давая ряд советов и предостерегая от повторения ошибок его предшественников, в частности от поспешности⁹⁴. Но ни этим, ни другими советами президента Хукер не пожелал воспользоваться. Именно поспешность и опрометчивость определяли его действия и раньше, и на новом посту. Именно они, а не здравый смысл руководили Хукером в его первом (и, к счастью, единственном на столь высоком посту) сражении, состоявшемся 1—4 мая близ местечка Чэнслорвилла, в самом центре так называемой Глуши. Этот маленький район Виргинии состоял из густых, почти непроходимых зарослей, скорее напоминавших африканские или южноамериканские джунгли, чем плотно заселенную Виргинию. Битва шла с переменным успехом, обе стороны проявили упорство в бою, изобретательность в маневрировании, причем Хукер в последнем даже переусердствовал: всякий раз, когда обозначался успех северян, он не развивал его, а лишь суматошно перебрасывал войска с места на место, ища слабое звено в обороне противника, но так и не найдя его. Ли, как правило, таких ошибок не прощал. Он бросил в обход правого фланга Хукера 26-тысячную группу Джэксона Каменная Стена, который нанес северянам страшный удар,

⁹⁴ *Lincoln A. The Collected Works: Vol. 1—8 / Ed. by R. Easier. New Brunswick, 1953. Vol. 6. P. 458.*

обратив в бегство несколько дивизий. К вечеру 2 мая натиск с огромным трудом удалось отбить, но силы северян были на исходе, и все шло к тому, что на следующий день мятежники разгромят Хукера. В значительной мере Потомакскую армию спас случай. Ночью Джэксон решил лично объехать позиции и выбрать наиболее удобные места для утренней атаки. В кромешной мгле (была безлунная ночь, да в густых зарослях Глуши и днем-то разглядеть что-либо было непросто) пехотинцы 33-го полка из Северной Каролины приняли Джэксона и сопровождавших его офицеров за лазутчиков северян и дали по ним несколько залпов. Двое из свиты генерала были сражены наповал, а сам он получил три ранения, причем одна пуля раздробила кости левой руки. Джэксона тут же доставили в полевой госпиталь, где отняли руку, но у генерала началось заражение крови, потом пневмония и, промучавшись в бреду неделю, он скончался. Никогда не страдавший сентиментальностью Ли сказал, узнав о ранении Джэксона: «Он потерял левую руку, а я лишился правой руки»⁹⁵. Перед смертью то ли в бреду, то ли ненадолго придя в себя, Каменная Стена произнес удивившие всех слова: «Нет-нет, давайте перейдем через реку и отдохнем в тени деревьев»⁹⁶. Как вы уже догадались, именно эти слова навеяли Хемингуэю название одного из его лучших романов.

Трудно сказать, была ли потеря Джэксона решающей для исхода сражения. Во всяком случае, его корпус был совершенно деморализован фатальным ранением любимого генерала. Открывших по нему огонь солдат (из-за темноты так и не удалось выяснить, кто же именно попал в Джэксона, тем более что он был ранен тремя пулями сразу) немедленно отправили в тыл, опасаясь за их жизни и, по противоречивым сведениям, вскоре их не то все-таки убили, не то они покончили с собой.

Получил при Чэнслорсвилле ранение и Хукер, хотя не столь серьезное. Утром 3 мая, когда он стоял под портиком своей штаб-квартиры, пролетающий мимо снаряд врезался в деревянную колонну, и ее обломки обрушились на генерала, довольно чувствительно контузив его. В это время у северян уже обозначился явный успех, но Хукер, отбывая в госпиталь и временно передав командование генералу Д. Коучу, приказал ему «отвести армию и разместить ее на позиции, обозначенной на этой карте»⁹⁷. А на карте, размеченной Хукером накануне вечером, после сокрушительной атаки Джэксона, были указаны позиции в нескольких милях от места боя. Так вновь, как и в сражении при Энтайэтеме, победа, бывшая столь близко, оказалась упущенной. Пунктуальный Коуч выполнил последний приказ Хукера: северяне отступили, в спешке оставив у чэнслорсвиллского перекрестка 14 орудий и 20 тыс. винтовок. Они потеряли в этом трехдневном сражении (4 мая были лишь незначительные перестрелки) 17278 человек, а мятежники—12821⁹⁸.

Принимая во внимание «героическое» ранение Хукера, Линкольн не стал взыскивать с него за странное завершение сражения при Чэнслорсвилле. Возможно, в дальнейшем Хукер порадовал бы Север чем-нибудь более дельным, но инициативу в свои руки решил взять генерал Ли. Убедив руководство Конфедерация в необходимости нового похода на Север, он 15 июня начал переправлять свою армию через Потомак, на этот раз двинувшись в Пенсильванию. Генерал основательно подготовил к походу армию Северной Виргинии: к июню 1863 г. в ней насчитывалось более 88 тыс. человек при 272 орудиях. Одна только переправа ее через Потомак заняла 12 дней (здесь отчасти сыграло роль и то, что Ли стремился двигаться как можно незаметнее).

Оправившийся от контузии Хукер получал из различных мест сообщения о наступлении

⁹⁵ The Blue and the Gray. The Story of the Civil War as Told by Participants: Vol. 1—2 / Ed. by H. S. Commager. N. Y., 1950. Vol. 1. P. 263.

⁹⁶ Battles and Leaders of the Civil War: Vol. 1—3 / Ed. by R. Johnson, C. Buel. N. Y., 1887—1888. Vol. 3. P. 214. (Далее: BL).

⁹⁷ Ibid. P. 170.

⁹⁸ Boatner M. M. Op. cit. P. 140.

южан, но почему-то объявлял их неточными, сообщая в Вашингтон, что противник все еще находится близ Фредериксберга. Удивленный таким упорством, но не терявший чувства юмора Линкольн писал Хукеру в те дни: «Если голова армии Ли находится в Винчестере, а хвост — у Фредериксберга, то в каком-то месте это животное должно оказаться слишком тощим. Не попробуете ли Вы разорвать его?»⁹⁹ Но Хукер, продолжая традиции Макклеллана, ответил просьбой о подкреплении минимум в 25 тыс. человек. Линкольн отказал ему.

А Ли продолжал идти вперед. Как и при Чэнслорсвилле, он решил сконцентрировать свои силы в районе важного перекрестка, на этот раз пенсильванских дорог, у местечка Геттисберг. Оттуда он мог бы угрожать и Вашингтону, и Потомакской армии, с какой бы стороны она к южанам ни приблизилась. В Пенсильвании началась паника, ее губернатор в телеграмме Линкольну умолял вернуть Макклеллана, полагая, что только тот спасет штат и страну от гибели. Хукеру было категорически приказано придвинуть Потомакскую армию к Вашингтону, чтобы блокировать любую попытку Ли подойти к столице. Генерал с явной неохотой повиновался. Но уже к середине июня его конфликт с Линкольном вполне созрел и грозил вот-вот взорваться. Так и получилось.

К концу июня Потомакская армия, двигаясь к Вашингтону, шла мимо Харперс-Ферри, где Хукеру доставили телеграмму с приказом Хэллека о том, что 10-тысячный гарнизон этого городка отныне подчиняется ему, и Хукер, недолго думая, решил эвакуировать эту важнейшую для Союза базу, правда, все-таки запросив согласия Хэллека. Тот категорически запретил эвакуацию, предписав оставить в Харперс-Ферри достаточное число орудий и солдат. Тогда Хукер, изображая обиду и возмущение тем что ему «мешают», подал в отставку. Это был явный блеф: генерал был уверен, что в столь острой ситуации руководство не пойдет на смену командующего главной армией страны. Но зарвавшийся Хукер не учел, что Линкольн за эти годы успел свыкнуться с «заменяемостью» своих генералов. Перед рассветом 28 июня помощник президента, полковник Дж. Харли, с большими трудностями добравшись до места расположения Потомакской армии, вручил Хукеру приказ о его смещении и передаче полномочий генералу Джорджу Миду.

Принявший армию Мид не успел прийти в себя от неожиданного назначения, как спустя несколько часов пришло поистине громоподобное сообщение из столицы: на ее окраинах возникла кавалерия Стюарта! Но не менее Мида был изумлен и генерал Ли, узнавший об этом из газет. Он послал Стюарта в рейд по тылам северян с целью уточнить численность и намерения армии Хукера—Мида. А Стюарт, неожиданно для себя обнаружив, что Вашингтон вроде бы лишен прикрытия, решил «попугать» северян. Он, конечно, понимал, что в лучшем случае удастся лишь ворваться на окраины города, беспорядочной пальбой насмерть перепугать жителей и гарнизон, а потом придется удирать, чтобы северяне, опомнившись от первого шока, не захлопнули ловушку, пленив в ней весь его отряд.

Но дело не дошло до перестрелки: убедившись, что укрепления Вашингтона напичканы артиллерией, Стюарт почел за благо к ним не приближаться. К тому же ему удалось захватить близ г. Роквилла огромный обоз из 125 фургонов, предназначенных для Потомакской армии. Не желая упускать эту ценную добычу во имя сомнительного удовольствия проскакать по улицам ошетилившегося орудиями Вашингтона, Стюарт ретировался.

И вот настало время снова сойтись в решающем поединке основным силам двух армий. Но сам сюжет знаменитого геттисбергского сражения возник несколько неожиданно. Ли, как уже говорилось, заранее назначил геттисбергский перекресток местом сбора трех своих корпусов; их возглавляли тогда лучшие генералы Юга — Дж. Лонгстрит, Э. П. Хилл и Р. Эвелл. Не зная этого, но интуитивно предположив, что перекресток может заинтересовать мятежников, Мид 30 июня приказал создать линию жесткой обороны вдоль ручья Пайп, в нескольких милях от Геттисберга. И тогда же генерал-южанин Г. Хес, дивизия которого расположилась в соседнем городке Кэштауне, узнал, что в Геттисберге у северян есть большой склад армейской обуви. По данным разведки, северян в городке не было, и Хес приказал группе солдат «сходить» в Геттисберг и принести побольше обуви — в Конфедерации это стало

⁹⁹ *Lincoln A.* Op. cit. Vol. 6. P. 273.

проблемой еще в начале войны, не говоря уже о лете 1863 г.

Пока «заготовители» добирались до места, в Геттисберг вошла кавалерийская бригада Дж. Бафорда, которому Мид поручил прикрывать свой левый фланг. Обнаружив, что городок вовсе не пуст, как им сказали, солдаты Хеса предпочли вернуться назад. Но Хес, загоревшийся желанием обуть своих парней и считавший, что в Геттисберге может быть разве что отряд неопытных милиционеров, утром 1 июля послал туда едва ли не всю дивизию.

Тот момент, когда авангарды Хеса, подойдя к городку, завязали перестрелку с дозорами Бафорда, и стал началом геттисбергского сражения. Оба командира бросили в бой все, что было у них под рукой, затем в сражение стали втягиваться все новые соединения. К северянам подоспел корпус У. Рейнольдса, которому Бафорд прислал записку с просьбой о срочной помощи. В свою очередь Рейнольдс перед отбытием к Геттисбергу разослал повсюду сообщения о начавшейся стычке, и, быть может, это в конечном счете и помогло сдержать яростные атаки южан. Спустя какие-то минуты, когда Рейнольдс повел свой корпус в атаку, снайпер-южанин прострелил ему голову. А его солдаты, наткнувшись на мощный огонь артиллерии (ее успел подтянуть к перекрестку Хес), стали медленно отходить. В эти первые часы боя соотношение сил было примерно 3 к 1 в пользу мятежников, и оно могло ухудшиться, так как к городку уже спешил весь корпус Эвелла.

Приближение частей Эвелла заметил командующий 11-м корпусом северян Оливер Ховард, наблюдавший за боем с колокольни лютеранской семинарии, стоявшей на высоком хребте, поэтому и названным Семинарским. Немедленно бросив в бой свой корпус, Ховард успел преградить дорогу Эвеллу. Но одну дивизию он предусмотрительно оставил в резерве у подножия Кладбищенского хребта, который у южных окраин поселка завершался одноименным холмом. Другая оконечность хребта имела две вершины — Большой и Малый Раунд Топ, которые, как и сам хребет, сыграли в сражении ключевую роль. А резервная дивизия Ховарда сразу же окопалась, и не напрасно: их товарищей вскоре отбросили прямо к подножию.

Записку Рейнольдса Миду принесли в момент завтрака. Опрокинув чашку с кофе, он вскочил и помчался в штаб, где приказал немедленно двинуть к Геттисбергу всю армию. Генералу Уинфилду Хэнкоку он поручил взять на себя общее руководство боем. Энергичный Хэнкок собрал всю артиллерию резерва, в нее впрягли всех лошадей, оказавшихся под рукой, и орудия помчались к Геттисбергу! Опередив их, Хэнкок уже к 4 часам дня прискакал к Семинарскому хребту и поднял солдат в контратаку. Следом появилась и артиллерия, затем кавалеристы Хью Килпатрика, с такой яростью врубившиеся во фланг атаковавшего корпуса Эвелла, что мятежники дрогнули и вынуждены были остановить натиск. Так завершился первый день сражения. Специалисты считают его победой южан, хотя и указывают, что, если бы Эвелл атаковал не только Семинарский, но и Кладбищенский хребет, он нанес бы северянам больший урон. Поздно вечером к Геттисбергу подоспели еще два корпуса северян, к полуночи прибыл и сам Мид, принявший общее командование боем.

2 июля сражение разгорелось с новой силой. На северян были брошены корпуса Эвелла и Э. П. Хилла, а во второй половине дня — еще и Лонгстрита. Ли требовал, чтобы Лонгстрит также атаковал с самого утра, но тот заупрямился, считая более разумным вообще не атаковать, а выманить северян из их удачных позиций на обоих хребтах. В итоге Лонгстрит оказался как бы в резерве и нанес сильнейший удар как раз в момент, когда северяне уже выдохлись.

И все же им удалось удержать свои основные позиции, в частности вершины Большой и Малый Раунд Топ, причем последний северяне в неразберихе боя оставили неукрепленным. Когда разведка мятежников обнаружила это, генерал Худ приказал срочно втащить на вершину орудия и в упор расстрелять части северян на Кладбищенском хребте. Но по счастливому совпадению чуть раньше Мид приказал начальнику своих инженерных войск генералу Г. Уоррену подняться на Малый Раунд Топ и посмотреть оттуда, как идут дела на левом фланге. Уоррен, обнаружив, что вершина никем не защищается, срочно вызвал туда войска. И когда солдаты Худа уже взбирались по склону вверх, а следом за ними лошади тащили орудия, с «пустой» вершины на их головы обрушился орудийный огонь!

Это решило исход второго дня сражения. Толпы северян, отовсюду сбежавшиеся к Малому Раунд Топу, отбили все атаки мятежников, к концу этого эпизода боя совершенно

обессиленных. Капитан-северянин П. Фэрли из 140-го полка добровольцев Нью-Йорка вспоминал: «Те из мятежников, которые приблизились к нам настолько, что удрать было почти невозможно, побросали винтовки, подняли руки и, воспользовавшись тем, что мы немного ослабили огонь, бросились прямо на нас и отделились в плен. А тем временем те (мятежники. — С. Б.), кто был не так близко... в беспорядке отступили»¹⁰⁰.

3 июля напряжение боев не спало, даже немного возросло. Их эпицентр сместился теперь к юго-востоку от Геттисберга, в район холма Калп и протекавшего к востоку от него ручья Рок. Ли вознамерился мощным огнем 159 орудий, установленных на захваченном мятежниками накануне Семинарском хребте, сбить соперников с соседнего, Кладбищенского хребта. Во втором часу дня разгорелась невиданная доселе артиллерийская дуэль. Когда заговорили все орудия южан, показалось, что они сметут с лица земли и артиллерию северян, и их резервы, не совсем удачно размещенные на дальнем, восточном склоне Кладбищенского хребта. Затем батареи северян открыли довольно мощный ответный огонь, по уже спустя минут 40 орудия обеих сторон умолкли: запасы снарядов неумолимо иссякали, и надо было их беречь.

Однако мятежники решили, что защитники хребта либо уничтожены их огнем, либо полностью деморализованы. И Ли бросил в последнюю, как он надеялся, атаку на хребет ударную 15-тысячную группу из дивизий Пикетта и Петтигрю (он сменил раненого Хеса). Некоторые из подчиненных Ли возражали против столь рискованной атаки. Так, командир артиллерии южан генерал Э. Александер писал в мемуарах: «Казалось сумасшествием бросить пехоту в этот огонь, под которым ей пришлось бы идти почти три четверти мили при полном свете июльского солнца»¹⁰¹.

Этот трагический штурм вошел в американскую историю как «атака Пикетта» (его солдаты составляли большинство атаковавших), став именем нарицательным, олицетворением отчаянного усилия, обреченного на крах. Устрашающий строй мятежников шириной примерно в милю несся на хребет, готовый смести с лица земли не только его защитников, но и всю эту каменную громаду. Но генерал Г. Хант, руководивший обороной хребта, еще во время артиллерийского обстрела понял, что это прелюдия к решающей, яростной атаке. За время короткой паузы он приказал подтащить побольше орудий к хребту и на него. И когда лавина наступающих уже подкатывалась к подножию хребта, вся его поверхность вдруг превратилась в огнедышащего дракона, извергавшего огненные стрелы. Из рядов мятежников вырывало буквально косяки, но они упорно шли вперед. А северяне включали в грозный шквал канонады все больше орудий, и вот уже с Кладбищенского хребта и соседних позиций северян по атаковавшим било 200 стволов! Но наступление продолжалось, и пехота северян стала отступать к вершине хребта. Атаковавшие, ведя огонь из винтовок, преследовали их. Еще минута, несколько минут — и они смяли бы защитников хребта.

И в это время Ховард стремительно атаковал левый фланг наступающих, который те в упоении штурма оставили незащищенным. Одновременно Ховард обрушил на южан мощный огонь артиллерии. Репортер-северянин Чарлз Коффин так живописал решающие минуты битвы: «Эти ряды (наступающих южан. — С. Б.) исчезают, подобно соломинке в огне свечи. Земля усеяна телами убитых и раненых, как опавшими осенними листьями. Тысячи мятежников бросают оружие и сдаются в плен. Какая волнующая минута!.. Вот она — кульминация мятежа, поворотный момент истории и судьбы человечества»¹⁰².

Атака Пикетта навсегда осталась в памяти ее очевидцев, и многие из них позднее описали это удивительное зрелище. Сам же Пикетт, рассказав в письме домой об уничтожающем шквале огня, который обрушили на его дивизию северяне, так подводил итог: «Что ж, теперь все это позади. Сражение проиграно, и многие из нас в плену, многие мертвы, многие, получив

¹⁰⁰ Rochester in the Civil War / Ed. by B. McKelvey. Rochester, 1944. P. 223.

¹⁰¹ Цит. по: *Wheeler R. McClellan, Sherman and Grant*. New Brunswick, 1962. P. 317.

¹⁰² *Ibid.* P. 323.

ранения, истекают кровью и умирают»¹⁰³.

Остатки дивизий Пикетта и Петтигрю откатились от хребта, а тем временем в новую атаку на него, уже на правом фланге, ринулась бригада мятежников во главе с генералом Армистедом, мчавшаяся прямо на каменную стену, за которой укрепился 1-й корпус северян. Армистед, призывно размахивая шляпой, надетой на кончик шпаги, в числе первых перелез через каменную стену и уже ухватился за одно из орудий северян, но был убит в упор. И сразу же в контратаку ринулся резерв северян, предусмотрительно прибереженный ими для критической минуты. Последовал мощный заключительный аккорд: трехдневная битва завершилась короткой контратакой! Уставшие от ожидания, разъяренные гибелью у них на глазах множества товарищей, резервные части северян буквально раздавили вымотавшихся, измученных наступлением под шквалом огня мятежников. Лишь около 10 минут они смогли пробыть на гребне Кладбищенского хребта, оправдавшего в эти дни свое мрачное название, став могилой и для многих солдат обеих армий.

Деморализованные остатки разбитых частей южан кое-как сумели добраться до собственных резервных подразделений, которых осталось слишком мало, чтобы что-либо изменить. Совершенно потрясенные Ли и Лонгстрит видели всю картину удручающего разгрома с вершины Семинарского хребта. Полагая, что атака северян докатится и до них, они немедленно поскакали вниз наводить порядок в остатках войск, скопившихся у подножия хребта. Но северянам уже было не до атаки. Когда им удалось отбросить мятежников, на что-либо дальнейшее у них просто не оставалось сил. На склонах хребта рядом с убитыми и умиравшими от ран лежали совершенно невредимые, но обессиленные победители. Они могли лишь кричать, и окрестности Геттисберга огласились криками победы.

На следующий день, День независимости США, Ли, видя, что северяне так и не собираются атаковать, решил, пользуясь начавшимся проливным дождем, отвести свои войска в Виргинию. Но и преследовать их северяне не стали: не было сил, к тому же Мид, очевидно психологически подготовившийся к более ожесточенной борьбе и менее благоприятному ее исходу, считал, что и того, чего удалось достичь, вполне достаточно.

Что ж, у него были основания так считать: до Геттисберга редкие (даже редчайшие) неудачи генерала Ли были связаны либо с какими-то недоразумениями, либо со значительным превосходством северян в силах. Но в страшной геттисбергской мясорубке силы были примерно равны (88 тыс. у северян против 75 тыс. у Ли), причем в первый день битвы южан на поле боя было втрое больше. Ли бросил в бой свои лучшие части, сделал, пожалуй, все, на что был способен, но не смог сломить обороны северян и устоять против их атак. Поэтому главным итогом Геттисбергского сражения стало крушение мифа о непобедимости Ли и лучшей армии Конфедерации. Огромны были и потери мятежников: 28063 человека, в том числе 3903 убитыми. Северяне потеряли соответственно 23049 и 3155 человек¹⁰⁴.

Геттисбергское сражение стало одним из самых знаменитых в американской истории. Писатели, поэты, художники, музыканты посвятили ему немало произведений, оно запечатлено и в фольклоре. Но реальность порой причудливее любых легенд, что подтверждает следующий случай. Во время боя генерал-южанин Джон Гордон заметил, что пуля сразила его «коллегу» с Севера, Фрэнсиса Бэрлоу. Вскоре северяне отступили. Гордон подскочил к раненому, дал ему воды из фляжки, а потом приказал доставить носилки и отнести Бэрлоу в полевой госпиталь, хотя был уверен, что тот не выживет. Но Бэрлоу выздоровел и спустя год с сожалением узнал, что его спаситель убит близ Ричмонда. И вот 15 лет спустя оба «покойника» к взаимному удивлению случайно встретились в Вашингтоне (убит был не Гордон, а его родственник). С тех пор и до конца своих дней бывшие противники были близкими друзьями.

Именно с этим сражением связаны знаменитые слова Линкольна о том, что

¹⁰³ *Pickett G. E. The Heart of a Soldier. N. Y., 1913. P. 100.*

¹⁰⁴ *Boatner M. M. Op. cit. P. 339.*

«правительство народа, из народа и для народа не исчезнет с лица земли»¹⁰⁵. Но сказаны они были не непосредственно после сражения, как порой пишут, а более четырех месяцев спустя, 19 ноября, когда на Кладбищенском холме было торжественно открыто военное кладбище, и президент выступил там с короткой речью, посвященной «тем, кто отдал здесь свои жизни, чтобы могла жить эта нация»¹⁰⁶.

Виксберг

День независимости США, 4 июля, ознаменовался не только успехом при Геттисберге, но и победой, одержанной далеко на Западе, где, как уже отмечалось, главной задачей в планах Севера на 1863 г. был захват Виксберга. Первые такие попытки предпринимались и в предыдущем году. Скандально известный демократ-политикан из Иллинойса Джон Макклернанд, ставший в начале войны генералом, сумел путем ловких политических интриг добиться того, что Стэнтон 21 октября 1862 г. с согласия Линкольна назначил его командующим всех войск, которые предполагалось использовать для захвата Виксберга. Поскольку предвиделись трения и протесты, приказ Стэнтона был секретным.

Окутана тайной и причина, по которой Линкольн пошел Макклернанду навстречу. Официально (т.е. в опубликованных после войны документах) она сводится к тому, что Макклернанд обещал президенту на вербовать множество солдат в штатах Среднего Запада, где его авторитет был весьма высок. Но некоторые данные говорят и о том, что генерал устно заверил Линкольна в полной поддержке близких ему, Макклернанду, групп демократов в политических вопросах. А 25 октября командующим Теннессийским округом был назначен Грант, что автоматически делало его главным лицом в вопросах военной политики в этом районе и, следовательно, предвещало будущий конфликт с Макклернандом.

Между прочим, приказ о назначении Макклернанда некоторое время был тайной не только для Гранта, но и для главнокомандующего Хэллека! Когда уже в конце октября в г. Мемфис стали прибывать на вербованные Макклернандом новобранцы, Грант с недоумением запросил Вашингтон, что за войска появляются в его округе и кому они подчиняются. 11 ноября Хэллек, все еще ничего не знавший, сообщил Гранту: «Вы властны командовать всеми войсками, направляемыми в Ваш округ, и имеете право атаковать врага, где Вам будет угодно»¹⁰⁷. И вскоре Грант начал наступление из района Коринта, имея в виду в дальнейшем атаковать Виксберг, где уже спешно концентрировал войска мятежников генерал Дж. Пембертон, превращавший город в мощную крепость.

Узнав, что Грант забрал «его» войска, Макклернанд послал Стэнтону истерическую телеграмму, требуя «восстановить справедливость». Но Линкольн, Стэнтон и введенный в курс дела Хэллек предпочли, чтобы эту важнейшую операцию все же осуществил Грант, а не бездарный Макклернанд. 18 декабря Гранту было прислано распоряжение разбить свою разросшуюся армию на четыре корпуса, и один из них отдать Макклернанду. К тому времени Грант уже поручил частям Шермана во взаимодействии с флотом атаковать Виксберг. Однако Пембертон, разместив на стратегически важных утесах Чикасоу 14-тысячное войско и мощную артиллерию, в ожесточенных боях 27—29 декабря сумел отбить все атаки Шермана, части которого потеряли при этом 1776 человек (в том числе 208 убитыми); потери Пембертона были значительно меньше — соответственно 207 и 63¹⁰⁸. Шерман отступил к Мемфису, где узнал, что его части включены в новый корпус Макклернанда.

¹⁰⁵ *Lincoln A. Op. cit. Vol. 7. P. 19.*

¹⁰⁶ *Ibid.*

¹⁰⁷ *Dupuy R. E. and T. N. Op. cit. P. 180.*

¹⁰⁸ *Boatner M. M. Op. cit. P. 154.*

Неудача у утеса Чикасоу не смутила Гранта. Он начал активно готовить план новой операции и вскоре пришел к выводу, что Висксберг следует атаковать не с севера, как сделал Шерман, а с юга, т.е. проникнуть в тыл мятежников и оттуда наступать! Но как туда попасть? Печальный опыт показал, что прорваться мимо мощных батарей Висксберга трудно даже бронированным канонеркам. И тогда Грант решил по западному берегу Миссисипи, вдали от батарей Висксберга, продвигаться значительно южнее города, а затем переправиться на восточный берег и атаковать! Но это можно было сделать лишь в апреле, с установлением хорошей погоды: высокий уровень воды в заболоченных рукавах Миссисипи на ее западной стороне исключал продвижение там войск в первые месяцы года. В успехе этой рискованной операции сомневался даже друг Гранта Шерман, не понимавший, как же армия обойдется без коммуникаций. Но Грант ответил ему: «Никаких коммуникаций. Мы будем снабжать себя на местности»¹⁰⁹, т.е. путем реквизиций у населения.

Дождавшись хорошей погоды, Грант (в промежутке он провел ряд вспомогательных операций) в начале апреля двинул армию по западному берегу реки на юг. После утомительного похода армия 30 апреля вышла в намеченный пункт и начала переправу через Миссисипи! Легко отбив сопротивление небольших гарнизонов южан на восточном берегу, северяне двинулись на Висксберг. Пембертон находился тогда в столице Миссисипи — Джэксоне. Узнав о наступлении Гранта, он ринулся в Висксберг, гарнизон которого составлял в то время 35 тыс. человек. Командующий силами Конфедерации на Западе Дж. Джонстон, находившийся в Таллахоме при армии Б. Брэгга, прислал Пембертону приказ: срочно стянуть в ударный кулак все имеющиеся в районе части, пойти навстречу Гранту и разбить его! А 9 мая и сам Джонстон получил по телеграфу приказ военного министра Конфедерации Дж. Седдона: немедленно ехать к месту событий.

Узнав, что южане стягивают к Висксбергу войска, Грант решил не дать им соединиться. Взятию Висксберга, последнего оплота мятежников на Миссисипи, придавалось чрезвычайное значение. Даже Хэллек, при всей своей неприязни к Гранту, писал ему 20 марта: «К Вашей армии сейчас обращены взоры и надежды всей нации. Я считаю, что открытие реки Миссисипи принесет нам больше выгод, чем захват сорока Ричмондов»¹¹⁰. Поскольку основной поток свежих частей мятежников шел к Висксбергу с востока, через Джэксон, Грант решил захватить вначале его, чтобы помешать силам Пембертона и Джонстона соединиться у Висксберга.

Погрузив боеприпасы и продовольствие и спешно сформированный обол из 120 захваченных у мятежников телег, фургонов и даже конфискованных у плантаторов колясок, Грант 7 мая широким фронтом двинул войска вперед. На этом этапе операции он применил все тот же рискованный, но эффективный тактический шаг: полностью отказался от коммуникаций и наступал прямо по тылам противника, сквозь них, «снабжая армию на местности». В прессе южан появились обвинения Гранта в мародерстве, бесчестных методах ведения войны и пр. Но шаг этот диктовался беспощадной логикой войны, которую начали не северяне.

«Исчезнувшее» войско Гранта по приказу Пембертона разыскивали кавалерийские разъезды, но безуспешно. Только когда утром 14 мая прервалась телеграфная связь Висксберга с Джэксонем, Пембертон догадался, что произошло. Ну, а Грант как раз к этому времени после короткого боя с почти немедленно бежавшими мятежниками занял Джэксон, после чего поспешил к Висксбергу, навстречу ему из Висксберга торопилось «спасать» Джэксон 22-тысячное войско южан во главе с Пембертоном. Но встретился с Грантом он гораздо ближе.

Это произошло у железнодорожной станции Эдвардс, у подножия высокого холма Чемпионс и на его склонах. 16 мая, обнаружив приближение частей Гранта, Пембертон приказал занять оборону на холме Чемпионс и вокруг него, причем на самой вершине были установлены орудия. В упорном бою северяне сбросили мятежников с холма, но основным силам противника удалось спастись бегством: Грант поручил корпусу Макклернанда блокировать южанам пути отхода. Однако едва мятежники бросились бежать с Чемпионса,

¹⁰⁹ Pratt F. Op. cit. P. 222.

¹¹⁰ Wheeler R. Op. cit. P. 331.

солдаты Макклернанда как по команде... расступились, и серый поток промчался мимо них. Если бы не трусость волк Макклернанда и их командира, воинство Пембертона было бы разгромлено в этом бою, и Висксберг остался бы без защиты.

Правда, другие части северян бросились догонять беглецов; к ним, придя в себя от испуга, присоединились и части Макклернанда. Но мятежники уже успели добраться до Биг-Блэг-Ривер и переправиться через нее. Лишь небольшую их группу успели обогнать части Шермана, блокировавшие дорогу у ручья Вейкер. Мятежники кинулись бежать на юг, побросав орудия, обозы, даже винтовки. Спустя несколько недель в г. Мобил прибрели какие-то исхудавшие оборванцы — это были остатки дивизии У. Лоринга, чудом добравшиеся сюда, к побережью Мексиканского залива, от ручья Вейкер, где они бросили 1,7 тыс. своих товарищей, попавших в плен, и 18 орудий. А всего в сражении при холме Чемпионе мятежники потеряли 3851 человека, северяне — 2441¹¹¹.

Уже 17 мая армия Гранта начала переправу через Биг-Блэк-Ривер, от которой до Висксберга было рукой подать. На следующий день, 18 мая, северяне, приблизившись к Висксбергу и начав его обстрел, приступили к осаде города. И одновременно завершился беспримерный марш Гранта по тылам мятежников, в ходе которого северяне прошли в общей сложности более 200 миль, выиграли пять сражений и множество мелких стычек, потеряв при этом чуть больше 2 тыс. человек. А южане за 17 дней этого марша потеряли более 10 тыс. человек и 88 орудий¹¹².

19 мая начался общий штурм Висксберга, но мятежники сумели отбить его мощным артиллерийским огнем. То же произошло и при повторном штурме, 22-го числа, правда, сопровождалось неприятным инцидентом: когда Грант, чтобы избежать напрасных потерь, приказал отойти, ему принесли записку от Макклернанда. Тот умолял возобновить атаку, так как он «частично» захватил какие-то два форта, и теперь, мол, самое время развить успех. Грант возобновил атаку, но это привело лишь к новым жертвам. А Макклернанд, как выяснилось, попросту обманул командуящего: его части заняли... всего лишь оставленные южанами траншеи перед двумя фортами, не взятыми им ни «частично», ни как-либо еще. Две попытки взять Висксберг штурмом обошлись Северу в 3,2 тыс. человек убитыми и ранеными¹¹³, причем значительная их часть пострадала из-за обмана Макклернанда.

Сдерживая себя, Грант решил было не наказывать незадачливого генерала, но вскоре зарвавшийся Макклернанд издал по своему корпусу приказ, где благодарил солдат за «подвиги», совершенные ими при «взятии» пустых траншей, и советовал другим подразделениям действовать «так же решительно и смело», как он и его корпус. Это было уже слишком! Узнав из газет об этом возмутительном приказе, Грант отправил Макклернанда в тыл, а его корпус передал генералу Э. Орду.

В те дни еще не все части Гранта подтянулись к Висксбергу; в начале осады их было не более 34 тыс. человек. Но уже к первым числам июня город осаждали 54 тыс. Висксберг же обороняли около 30 тыс. мятежников. После того как по приказу Гранта части Шермана отбили приближавшееся к Висксбергу 30-тысячное войско, сколоченное Джонстоном, стало ясно, что город обречен. Тяготы осадной жизни, постоянные обстрелы надломили дух воинства Пембертона. 28 июня ему передали письмо за подписью «многие солдаты». В числе других претензий в письме говорилось: «Если Вы не можете накормить нас, Вам лучше сдать нас в плен, сколь бы ужасающа ни была такая мысль... Наша армия готова вот-вот взбунтоваться, если только ее не смогут накормить»¹¹⁴. К концу июня Висксберг осаждала уже 70-тысячная

¹¹¹ Ibid. P. 876.

¹¹² Dupuy R. E. and T. N. Op. cit., P. 24?; Pratt, F. Op. cit. P. 227.

¹¹³ Boatner M. M. Op. cit. P. 870.

¹¹⁴ Wheeler R. Op. cit. P. 340.

армия северян. Грант назначил решающий штурм на 6 июля. Однако еще 3 июля Пембертон и его штаб, признав сопротивление бессмысленным, запросили Гранта о возможности перемирия во избежание дальнейшего кровопролития. Грант ответил своим уже привычным условием — безоговорочная капитуляция.

Рано утром 4 июля 29511 солдат и офицеров во главе с Пембертоном вышли из-за укреплений Висксберга и сложили оружие к ногам победителей. Грант, конечно, не планировал этого заранее, но случилось так, что этот триумф, как и победа при Геттисберге, совпал с Днем независимости США. Сотни тысяч вчерашних фермеров и рабочих Севера сражались и побеждали, чтобы государство, родившееся 87 лет назад, не перестало существовать.

Глава 5. Поражение становится победой

Генерал Розекранс и «Кровавая река»

Нельзя сказать, что Юг был полностью деморализован поражениями у Геттисберга и Висксберга, хотя чувство внезапного оглушения, безусловно, было. Но вскоре оно сменилось страстным желанием взять у янки реванш, скорее, немедленно сокрушить их! Ли после Геттисберга на такой удар был не способен: ему требовалось время, чтобы пополнить армию после страшных потерь, а главное — восстановить ее боевой дух, развеянный в прах залпами с Кладбищенского хребта. Но такой «удар-реванш» жаждал нанести командующий Теннессийской армией мятежников Брэкстон Брэгг. Намечен был и объект удара — Камберлендская армия северян во главе с нашим старым знакомым — Розекрансом.

Этот «спящий» генерал около полугода избегал решительных действий и только после настоятельных требований Хэллека неспешно двинулся 23 июня к городку Таллахоме, где были сконцентрированы основные силы Брэгга. По своему обыкновению Розекранс действовал пассивно, не использовал ряда возможностей нанести противнику серьезный урон. Если бы в первые дни этого «наступления» Розекранс был поактивнее, он, возможно, сумел бы прорвать фронт мятежников, не говоря уже о более раннем времени, когда его наступление помогло бы Гранту быстрее овладеть Висксбергом. Позднее, 10 августа, Линкольн писал Розекрансу об этой ситуации:

«Мне казалось, что тогда для Вас был самый подходящий момент атаковать Брэгга... Со всей искренностью позвольте сказать: мне так кажется и до сих пор»¹¹⁵.

В результате мятежники, не неся почти никаких потерь от «комариных укусов» авангардов Розекранса, отступили в район важнейшего стратегического пункта на всем этом участке фронта — крупного города и железнодорожного узла Чаттануги. Город находился в острой излучине реки Теннесси, делавшей его почти неприступным, тем более что с востока подступы к нему контролировали вершины Енот, Дозорный и Миссионер. И все же Розекрансу удалось переправить армию через Теннесси вдали от батарей Чаттануги и зайти городу в тыл. Брэггу пришлось 7 сентября оставить Чаттанугу и отправиться навстречу северянам. Из Виргинии к нему вот-вот Должны были прибыть подкрепления во главе с опытным Лонгстритом, и Брэгг ждал только их.

Утром 18 сентября виргинцы начали прибывать в расположение армии Брэгга, и он решил начать сражение, не дожидаясь подхода всего войска Лонгстрита. Северяне к тому времени создали мощный оборонительный рубеж к западу от ручья Чикамога, а армия Брэгга еще днем того же 18 сентября переправилась через этот ручей и на глазах у северян стала разворачиваться для атаки. Розекрансу ничего не оставалось, как принять вызов. Бой, в котором участвовали примерно 57 тыс. северян и 59 тыс. южан, начался утром 19 сентября у западного берега Чикамоги (в переводе с одного из индейских наречий — «Кровавая река», иначе — «река Смерти»). Это название стало поистине роковым для обеих армий).

¹¹⁵ *Lincoln A. The Collected Works: Vol. 1—8 / Ed. by R. Basler. New Brunswick, 1953. Vol. 6. P. 377.*

Первым в атаку пошел корпус генерала-северянина Джорджа Томаса, но спешившиеся кавалеристы Н. Форреста отразили удар и сами перешли в контрнаступление. Томас бросил вперед еще две дивизии и, казалось, сумел сломить сопротивление противника. Но тут в дело вступили виргинцы Лонгстрита. Бой был яростным, противники не раз сходились в рукопашной. Введя в сражение дополнительные силы, Брэгг сумел потеснить левый фланг обороны северян, хотя сопротивлялись те с завидным мужеством. Участник боя, доброволец из Индианы капитан Дж. Кэрнехэн вспоминал, как дрались его товарищи: «Они утратили всякое понятие об опасности и о мощи атакующих. И лишь это полное безрассудство наших солдат помогло нам удержать оборону»¹¹⁶. В первый день сражения удача явно благоприятствовала южанам, но все же северяне устояли.

За ночь к месту сражения прибыли остальные части Лонгстрита, и утром 20 сентября Брэгг двинул их в атаку на корпус Томаса. Но тот стойко выдерживал все удары противника. Именно после отчаянных схваток этого дня Томас получил прозвище Чикамогский Утес. И все же после нескольких часов героического сопротивления его отряды начали отходить. Перепуганный Розекранс по принципу «тришкина кафтана» начал перебрасывать части с места на место. Эта суета кончилась роковой ошибкой; объезжая позиции, командующий обратил внимание на небольшой зазор между дивизиями Вуда и Брэннана. Небрежно указав на это место майору Бонду из своего штаба, Розекранс сказал: «Передайте Вуду, чтобы он закрыл эту брешь»¹¹⁷. В результате, отойдя в сторону примерно на полмили, дивизия Вуда образовала не ту, мнимую, а самую настоящую брешь!

И вскоре прямо к этому участку вышли пехотинцы Лонгстрита. После некоторых колебаний, вызванных опасениями, что северяне заготовили какую-то дьявольскую ловушку, прямо в брешь были одна за другой брошены семь дивизий южан. 30 тыс. солдат, ворвавшись туда, подобно реке, прорвавшей плотину, растекались в разные стороны. Буквально за 10—15 минут практически весь фронт северян рухнул. Дивизии ван Клеве и Брэннана были почти полностью перебиты либо взяты в плен. Многие солдаты побросали оружие и бежали куда глаза глядят. Даже отчаянные усилия дивизии Филипа Шеридана, будущего героя войны, не могли спасти положения. Попыталась было преградить путь наступавшим кавалерия Митчелла, но мятежники вскоре смяли и ее.

Вспоминая эти страшные часы, генерал-северянин Г. Трастов писал: «Все пришло в смятение. Ни единого приказа нельзя было услышать в грохоте бушевавшей битвы. С дикими воплями конфедераты мчались вдаль, на своем левом фланге. Казалось, что они побеждают повсюду... Беглецы, раненые, ящики со снарядами, охрана, санитарные повозки запрудили узкие тропинки...»¹¹⁸ Поток отступавших, в основном устремившийся к Ровиллу, вскоре увлек за собой незадачливого командующего и всю его штаб-квартиру.

Особенно тяжелое положение создалось на левом фланге северян, где продолжали держаться солдаты Томаса. Глядя на их отчаянное сопротивление, некоторые из бежавших сумели преодолеть страх, вернуться и присоединиться к товарищам. А на соседнем холмике Снод-грасс держали оборону истекавшие кровью остатки дивизии Брэннана. Мятежники, подтянув орудия, расстреливали оборонявшихся чуть ли не в упор. Генерал-южанин Д. Х. Хилл вспоминал позднее: «Я никогда не видел такого плотного слоя тел убитых федералистов, разве что перед полузатопленной стеной во Фредериксберге»¹¹⁹, о которой мы уже знаем. Как раз в те минуты опьяненный успехом Лонгстрит произнес фразу, сразу ставшую знаменитой: «Они

¹¹⁶ The Blue and the Gray. The Story of the Civil War as Told by Participants: Vol. 1—2 / Ed. by H. S. Commager. N. Y., 1950. Vol. 2. P. 884. (Далее: BG).

¹¹⁷ Pratt F. Ordeal by Fire. An Informal History of the American Civil War. L., 1950. P. 250.

¹¹⁸ Battles and Leaders of the Civil War: Vol. 1—4 / Ed. by R. Johnson, C. Buel. N. Y., 1887—1888. Vol. 3. P. 663. (Далее: BL).

¹¹⁹ Ibid. P. 658.

бросили в бой своего последнего солдата, но и он уже бежит»¹²⁰. Катастрофа Камберлендской армии казалась неминуемой.

Розекранс и начальник его штаба Джеймс Гарфилд в это время во весь опор скакали к Чаттануге. Услышав, что позади вдруг разом стих шум боя, генералы остановились. В полной прострации Розекранс сказал: «Скачите назад и найдите генерала Томаса, если он еще жив. Прикажите ему прикрыть отступление вместе с солдатами Грэнжера»¹²¹. И Гарфилд отправился исполнять казавшееся ему уже бессмысленным приказание. Этому генералу была уготована необычная судьба: 4 марта 1881 г. он вступил на пост президента США, но спустя всего четыре месяца был смертельно ранен на перроне вашингтонского вокзала бродягой и неудачником, решившимся столь громко покончить счеты с жизнью.

Но отчего же стих шум у Чикамоги? Возможно, когда мы расскажем об этом, у многих из тех, кто интересуется историей, возникнет ассоциация со знаменитой битвой при Ватерлоо 18 июня 1815 г. Тогда, как известно, генерал Груши, отправленный Наполеоном преследовать прусскую армию фельдмаршала Блюхера и из-за нерасторопности потерявший ее, услышал со стороны Ватерлоо шум гигантского сражения. Подчиненные Груши генералы умоляли его срочно идти туда или хотя бы отпустить с ними часть войск. Но педантичный Груши отвечал, что не может нарушить приказ императора. И именно в эти часы солдаты Наполеона, ценой невероятных усилий уже почти сломившие сопротивление английской армии герцога Веллингтона, были разгромлены внезапно ударившими им во фланг частями Блюхера.

Шум чикамогского боя слышал и генерал Г. Грэнжер, 6-тысячный корпус которого Розекранс приказал укрыть в кустарнике милях в двух к северу от места сражения. Грэнжер еще с 10 часов утра видел толпы беглецов, в панике растекавшихся по окрестностям. А когда Грэнжер увидел в подзорную трубу, что к месту боя едва ли не бегом движутся новые отряды мятежников — это были последние подразделения Лонгстрита, только что выгрузившиеся из поездов, — он воскликнул: «Я иду к Томасу, есть у меня приказ или нет!»¹²²

Примерно в это время Томас, чувствуя, что мятежники вот-вот уничтожат их, бросил своих солдат в контратаку, которая волей-неволей оказалась штыковой: патроны кончились почти у всех. И здесь произошло одно из тех удивительных совпадений, которыми так богата история. Именно в момент контратаки Томаса на поле боя появился корпус Грэнжера, нанеший сильнейший удар по правому флангу мятежников. Теперь уже их войска были в замешательстве, а порыв северян, горевших желанием рассчитаться за гибель товарищей, казалось, был неудержим. Но вскоре наступательный пыл северян стал угасать, да и мятежников по-прежнему было больше, и вот они уже сами пошли в атаку. Снарядов и патронов, чтобы встретить их, не было. Тогда Грэнжер, вместе с Томасом руководивший обороной, отдал приказ — примкнуть штыки и контратаковать. Начальник его штаба Дж. Фуллертон вспоминал об этом: «В одно мгновение они были на ногах и пошли вперед, чтобы встретить эту атаку. Противник обратился в бегство. И столь стремительной была эта контратака, что один полк с незаряженными винтовками и пустыми патронташами прорвался сквозь ряды противника, которые, сомкнувшись в тылу этого полка, поглотили его, подобно отхлынувшему приливу»¹²³. Отчаянно сопротивлялись и другие части северян, продолжавшие бой.

Но все же, понимая, что сражение в целом проиграно, Томас со всеми мерами предосторожности стал отводить войска с поля боя. Уже в темноте он закрепился на хребте Миссионер, а в течение 21—22 сентября разрозненные части северян собрались в Чаттануге,

¹²⁰ Owen W. M. In Camp and Battle with the Washington Artillery of New Orleans. Boston, 1885. P. 280.

¹²¹ Цит. по: Pratt F. Op. cil.. P. 251.

¹²² BL. Vol. 3. P. 666.

¹²³ Ibid. P. 667.

по-прежнему остававшейся неприступной крепостью. В двухдневном сражении у «Кривой реки» армия Розекранса потеряла 16170 человек, в том числе 1657 убитыми; мятежники потеряли соответственно 18454 и 2312¹²⁴. Хотя потери южан и оказались в целом большими, общественное мнение Севера было в какой-то мере нокаутировано известиями с Чикагоги. Ну, а для мятежников, людские ресурсы которых были уже на исходе, это выходило далеко за рамки только морального удара.

Наступил критический момент: неприступная Чаттануга в то же время оказалась и ловушкой для попавших туда северян. Огромная армия Брэгга обложила город с трех сторон, а с четвертой северяне были отрезаны от внешнего мира бурным течением Теннесси. Это был первый и единственный случай в ходе войны, когда большая армия северян попала в осаду; мятежники же были в таком положении много раз. Теперь же, заняв господствующие над городом высоты, установив там орудия и поместив отряды снайперов, южане ждали, когда голод и прочие лишения вынудят осажденных выбросить белый флаг.

В дело вступает Улисс Грант

Руководство Севера приняло срочные меры по спасению гарнизона и жителей осажденной Чаттануги. Вечером 23 сентября президент провел совещание, на котором было решено безотлагательно направить к Чаттануге 11-й и 12-й корпуса Потомакской армии под общим командованием Дж. Хукера, и вскоре почти 20-тысячное войско отправилось к Чаттануге. Уже в конце сентября первые его подразделения стали прибывать в Бриджпорт — основную базу снабжения гарнизона и жителей Чаттануги. Оттуда к осажденным приходилось пробиваться по раскисшим из-за распутицы дорогам, путь преграждал также горный массив Уолдеи. На обозы с продовольствием, шедшие к Чаттануге, постоянно нападали кавалерийские отряды мятежников, особенно «отличался» отряд Джозефа Уилера.

В этих условиях политическое и военное руководство страны обратило свои взоры к Гранту, блестяще проявившему себя в операции по захвату Висксберга. Генерал еще с 4 сентября лежал в госпитале: инспектируя войска и Новом Орлеане, он ездил на новой для себя лошади, которая вдруг понесла, споткнулась и, подмяв под себя Гранта, сломала ему ногу. Однако, узнав о катастрофе при Чикамоге, прикованный к постели Грант приказал связаться по телеграфу с Шерманом (тот замещал его во главе Теннессийской армии) и поручить ему немедленно двинуть к Чаттануге четыре дивизии. А вскоре и сам Грант получил приказ от Стэнтона прибыть в Кейро «при первой же возможности». С незалеченным переломом Грант отправился туда, но в Кейро его ожидало новое загадочное распоряжение Стэнтона — следовать в Луисвилл, на север штата Кентукки.

К удивлению Гранта, по пути, в Индианаполисе, в его поезд «подсел» сам Стэнтон. Он предложил Гранту принять командование новым огромным округом — Миссисипским, который, по сути дела, вобрал в себя весь западный фронт (кроме окрестностей Нового Орлеана, где командовал генерал Н. Бэнкс). Гранту предоставлялось право самому решить вопрос, останется ли Розекранс во главе Камберлендской армии или же его сменит Томас. Грант без раздумий выбрал Томаса и телеграфировал ему в Чаттанугу об этом, одновременно приказав держаться во что бы то ни стало. Томас лаконично ответил: «Я буду удерживать город, пока мы не умрем с голоду»¹²⁵. Когда на утреннем разводе 19 октября солдатам осажденной в Чаттануге армии огласили приказ о смене командующих, они, забыв об уставе, выбежали из строя, подняли радостный галдеж, выкрикивали здравицы в честь «Чикамогского Утеса».

А Грант, сразу же после встречи со Стэнтоном выехавший в Чаттанугу, прибыл туда к вечеру 23 октября. Явившись прямо в штаб Томаса, где как раз происходило совещание,

¹²⁴ Boatner M. M. Cassell's Biographical Dictionary of the American Civil War, 1861—1865. L., 1973. P. 152. (1st print.: 1959).

¹²⁵ BG. Vol. 2. P. 896.

командующий предложил немедленно составить и осуществить план хотя бы частичного снятия блокады, пока солдаты и население не начали умирать с голоду. Такой план уже был у начальника инженерной службы Камберлендской армии, генерала Уильяма Смита по кличке Плешивый (непереводимая игра слов: по-английски слова «плешивый» (bald) и «смелый, дерзкий» (bold) звучат одинаково, а в написании разнятся только одной буквой; называя лысого Смита «Плешивым», шутники намекали и на его архиосторожность). Заключался этот план в наведении в излучине реки Теннесси двух переправ, по которым в город смогут пройти обозы с продовольствием и застрявшее в Бриджпорте войско Хукера. Подготовка к прорыву осады велась стремительно. По приказу Гранта Смит (он был назначен командиром всей операции) делал все необходимое, в частности на командных постах в армии Томаса были сделаны ете некоторые перестановки. По инициативе генерала У. ле Дука спешно сооружался колесный пароход, для чего среди жителей города отыскивали немало плотников, столяров. К утру 26 октября (т.е. за двое суток) неуклюжее сооружение, гордо названное «Чаттанугой», было готово к началу операции. И она прошла успешно! Днем 26 октября части Хукера выступили в поход. Отбросив небольшие соединения мятежников (самонадеянный Брэгг был убежден, что со стороны Теннесси северяне атаковать не решатся), войска Хукера к ночи уже спрятались близ переправы Келли, где, по сути дела, и началась боевая фаза операции.

В ночь на 27 октября 12 тыс. солдат Хукера (остальные 8 тыс. находились в Бриджпорте для охраны этого важного пункта) вместе с 1,5 тыс. солдат Томаса, приплывших из Чаттануги на 60 лодках-понтонках, стремительно атаковали пикеты мятежников на переправе, разогнали их, и всего через час (!) понтонный мост был готов. Столь же решительно другой группой северян была захвачена переправа Брауна (находясь и основании излучины, которую делала река Теннесси, эти переправы резко сокращали путь в Чаттанугу из Бриджпорта), что, по сути дела, и явилось частичным снятием осады с Чаттануги.

Спустя несколько часов, днем 27 октября необычайно длинный обоз вошел в Чаттанугу; и фургонах было продовольствие, боеприпасы, свежее обмундирование... Спасенные от голодной смерти солдаты назвали открывшуюся трассу «крекерной дорогой», отдав дань самому популярному продукту в своем рационе. Взбешенный Брэгг в ближайшую же ночь попытался ликвидировать «крекерную дорогу», но северяне отбили натиск. Забавно, что в критический момент прямо на мятежников бросилось... огромное стадо обезумевших от шума сражения мулов: их как раз неподалеку перегоняли в Чаттанугу. Ночь была темной, и мятежники, приняв устрашающий грохот тысяч копыт за атаку мощной кавалерийской группы, пустились наутек, побросав винтовки и орудия.

Создание «крекерной дороги» было своего рода переломом не столько в ходе чаттанугской кампании (хотя и в этом тоже), сколько в настроении армии северян, порядком уставших и от чикамогской битвы, и от последующей осады. Грант писал в мемуарах: «Тому, кто не видел этого своими глазами, трудно осознать всю степень облегчения, принесенного этим (созданием дороги. — С. Б.). Вскоре солдаты были добротнo одеты и хорошо накормлены. Было доставлено множество боеприпасов, повсюду царилa бодрость, исчезнувшая много недель назад. Ни офицеры, ни солдаты более не чувствовали себя обреченными. Жалкий и инертный вид наших войск, столь бросавшийся в глаза раньше, исчез в мгновение ока»¹²⁶.

Отметим и другое: методически возраставшее сопротивление северян, все большая осознанность их действий не просто против обидчиков-южан, как в начале войны, но против врагов родины, посягнувших на ее территориальную целостность, вносили неуверенность в ряды мятежников. Когда еще в конце чикамогской битвы подчиненные Брэгга требовали «добить» противника, он отказался, удрученный неслыханными потерями. Брэгг отвечал им отказом и тогда, когда уже в начале осады его генералы настаивали на штурме Чаттануги. По-видимому, следует признать правоту Брэгга в обоих случаях: северяне, особенно в укрепленной Чаттануге, были не настолько слабы, чтобы позволить легко расправиться с собой.

Тем не менее ропот в армии Брэгга возрастал, настроение генералов передавалось офицерам, а от них — и солдатам. Генералы Лонгстрит, Букнер и другие направили даже

¹²⁶ Grant U. S. Personal Memoirs: Vol. 1—4. N. Y., 1804. Vol. 2. P. 447.

письмо президенту Дэвису, требуя сместить Брэгга. Взволнованный президент лично прибыл 9 октября в расположение армии, побродил по окопам, осмотрел укрепления, но так и не решился уволить старого приятеля. Более того, к изумлению генералов-«жалобщиков» он в их присутствии попросил Брэгга путем диалога разобраться во взаимных претензиях. Дэвис явно надеялся, что генералы не решатся на открытый спор и проблема «испарится». Но после короткой заминки Лонгстрит, а за ним и остальные заявили Брэггу в лицо, что он не способен управлять армией и вести наступательные действия. Дэвис, однако, так и не внял их просьбам, заметив лишь, что коней, мол, на переправе не меняют. С тем и уехал.

А мстительный Брэгг ничего не забыл и 4 ноября отослал 20-тысячный корпус Лонгстрита к г. Ноксвиллу, который не так давно заняла Огайская армия северян во главе с Э. Бэрнсайдом. Со стороны, конечно, это можно было принять за обычную (даже отчасти оправданную) переброску сил, но все понимали, что Брэгг попросту убрал строптивного соперника. Позднее, 22 ноября, он отправил вслед за Лонгстритом и корпус другого «жалобщика», Букнера, после чего в его собственном распоряжении остались лишь 40 тыс. человек. Правда, уже на следующий день те части Букнера, которые еще не успели погрузиться в вагоны, пришлось срочно вернуть прямо со станции, потому что... Но расскажем все по порядку.

Планируя операцию по деблокированию Чаттануги, Грант ожидал прибытия Теннессийской армии Шермана. Сам он тоже не терял времени: внимательно осматривал укрепления города, залезая даже в траншеи, вносил поправки в никуда не годные карты местности, наконец, не утерпев, написал приказ об общем наступлении, оставив в нем лишь два пропуска — день и час атаки.

Кстати, Хэллек, узнав, что корпус Лонгстрита отбыл к Ноксвиллу, сразу же потребовал от Гранта решительных действий. Тот чисто формально отдал приказ Томасу атаковать южан 9 ноября, отлично зная, что у Томаса почти нет тягловых лошадей для артиллерии, а атаковать укрепления южан без орудий было бы самоубийством. И действительно: именно этим Томас и мотивировал свой отказ атаковать.

Во время одной из бесчисленных поездок Гранта по позициям произошел забавный эпизод. Заехав в расположение крайнего западного пикета обороны, выдвинутого к месту впадения в Теннесси реки Чаттануги, Грант в одиночку направился к берегу. Командир пикета северян, заметив его, закричал: «Охрану командующему!», но генерал недовольно отмахнулся — обойдусь, мол, без охраны. А в нескольких метрах от него, с западного берега узенькой Чаттануги, кто-то из солдат пикета мятежников в шутку тоже выкрикнул: «Охрану командующему Гранту!» И тут произошло неожиданное: услышав имя Гранта, из палаток высыпали солдаты-южане и без всякой команды, встав по стойке «смирно», отдали генералу традиционный в армии США салют. Растроганный Грант ответил им тем же¹²⁷. Конечно, эта сценка говорит прежде всего о необыкновенной популярности Гранта, но и напоминает о том, что это была, пожалуй, последняя крупная война нового времени, и которой еще сохранялись отголоски былых рыцарских баталий. Впрочем, и жестокости на полях сражений гражданской войны в США тоже хватало; например, мятежники не раз проявляли ее, расправляясь с попавшими к ним в плен солдатами-неграми.

К 15 ноября 17-тысячная армия Шермана, проделав фантастический марш в 675 миль по железным дорогам, на судах, а нередко и по грязному месиву осенних дорог, прибыла в Бриджпорт и почти без отдыха двинулась к Чаттануге. Тепло встретив старого друга, Грант предложил Шерману оригинальный план: имитировать «уход» из Чаттануги якобы и направлении Ноксвилла для помощи осажденному Бэрнсайду. А на самом деле Шерману предстояло повернуть назад и возвратиться к Чаттануге уже с северо-востока, чтобы неожиданно для мятежников нанести оттуда удар по их укреплениям. Для верности Брэггу были подброшены «дезертиры», добросовестно рассказавшие все, что поручил им Грант: в городе, мол, продолжается голод, войско Шермана и вовсе оказалось нечем кормить, вот его и пришлось отправить в Ноксвилл. Именно по получении этих «сведений» обрадованный Брэгг решил избавиться и от Букнера, послав его все в тот же Ноксвилл.

¹²⁷ Grant U. S. Op. cit. Vol. 2. P. 362.

Итак, Грант теперь мог заполнить пропуски в приказе о наступлении: против 40-тысячной армии Брэгга у него была 61 тыс. опытных ветеранов Шермана, Томаса, Хукера. Выполняя приказ командующего, Шерман, пройдя некоторое расстояние по западному берегу Теннесси, переправился обратно к стремительно двинулся к Чаттануге. На рассвете 23 ноября его части вышли к северной оконечности хребта Миссионер и почти без боя заняли ближние траншеи мятежников, бежавших при виде возникшей неизвестно откуда огромной армии. В тот же день части Томаса атаковали противника у юго-восточных окраин Чаттануги, оттеснив его к западному подножию Миссионера. Вечером Грант вызвал Хукера и приказал ему наутро захватить траншеи южан перед горой Дозорный высотой 500 футов (но гора еще и стояла на плато высотой более тысячи футов). «Сражающийся Джо» (так прозвали Хукера в начале года, когда он командовал Потомакской армией) попросил у Гранта разрешения взять штурмом и саму гору. Взглянув на скрывавшуюся за облаками вершину Дозорного, Грант ответил: «Берите, если сможете».

Рано утром 24 ноября бой возобновился. Части Шермана застряли сразу же: путь им преградил железнодорожный туннель, проходивший сквозь хребет Миссионер, а перед хребтом лежало труднопроходимое ущелье, не обозначенное на картах. Мятежники хорошо укрепили туннель и подходы к нему, поэтому наступать под прицелом опытных канониров и снайперов было бы безумием. Зато солдаты Хукера, дерзко ринувшись на склоны Дозорного и почти на ощупь карабкаясь в густом тумане, уже к 2 часам дня овладели вершиной, еще утром считавшейся неприступной. Было захвачено несколько орудий, 2,5 тыс. пленных, а остатки мятежников удрали по восточному склону горы. Пресса северян тут же окрестила этот бой «битвой над облаками», хотя день был безоблачным и солдатам Хукера пришлось больше сражаться с туманом, чем с застигнутым врасплох противником.

К сожалению, части Томаса в течение всего дня простояли на месте. Сам Томас позднее оправдывался тем, что Грант приказал ему атаковать «одновременно с Шерманом». Да и сам Грант не особенно обвинял Томаса: ведь Шерман застрял у железнодорожного туннеля, так что формально Томас действовал в рамках приказа командующего.

Наступил третий и последний день чаттанугского сражения. Рано утром Шерман возобновил атаки на позиции мятежников у туннеля, но они обернулись большими потерями, и натиск пришлось прекратить. К тому же Томас и на этот раз не поддержал Шермана: ему после долгих споров удалось убедить Гранта не гнать новые части в эту мясорубку, а дожидаться прибытия Хукера, чтобы нанести совместный удар. Но Хукер, должно быть, впавший в эйфорию после успешного боя за Дозорный, двигался крайне медленно и на несколько часов застрял у узенькой речки Чаттануга, заявив потом, что она якобы разлилась и стала «непроходимой».

Тогда Грант решил наконец использовать армию Томаса. Он приказал атаковать правый фланг мятежников, занять их окопы у подножия Миссионера, что облегчило бы Томасу дальнейшее продвижение. Наступала решающая фаза сражения. Из форта Вуд был дан условный сигнал шестью последовательными орудийными выстрелами. Лейтенант-северянин У. Морган, наблюдавший за тем, как 24,5 тыс. солдат и офицеров Камберлендской армии ринулись вперед, вспоминал: «Едва лишь звук пятого выстрела достиг их ушей, вся линия двинулась вперед без единого слова чьей-либо команды, и, когда выстрелило шестое орудие, все войско уже наступало с развернутыми знаменами и винтовками на изготовку... Этого зрелища не забыть никогда!»¹²⁸ Неудержимая лавина наступавших прорвалась в «мертвую зону», где огонь противника уже не мог накрыть их. Не выдержав натиска, мятежники побросали винтовки и кинулись бежать вверх по склону хребта.

Но главные события были впереди. Удивительный финал этого сражения развернулся на глазах у Гранта, Томаса и других генералов Союза, наблюдавших за боем с вершины холма с живописным названием Фруктовый Сад. Им суждено было увидеть спектакль, режиссером которого стали не всегда подвластные логике законы войны. Отдохнув несколько минут, наступавшие не стали закрепляться в захваченных окопах, а в едином порыве бросились

¹²⁸ BG. Vol. 2. P. 902.

дальше, к вершине Миссионера! Не понимая, что происходит, офицеры метались между ними, пытаясь остановить незапланированное наступление, но вскоре оставили это бесполезное занятие и возглавили штурм. Изумленный Грант, наблюдая, как гигантская волна голубых мундиров, вопреки всем законам физики, мощно катится на вершину хребта, спросил: кто приказал начать этот штурм? Томас отказался от «авторства», а ответ Грэнжера вошел во все американские исторические хрестоматии: «Они пошли наверх без приказа. Когда эти ребята заведутся, всем чертям ада не остановить их»¹²⁹. Справедливости ради заметим, что дело не в чудесах и не в бессилии «чертей ада». Отдавая должное героизму солдат-северян, следует сказать, что он в данном случае был обусловлен вполне конкретными причинами. Упомянутый выше лейтенант Морган вспоминал: «Более 50 орудий, обслуживаемых ветеранами многих битв, укрывшись за умело возведенными фортификациями, посылали вниз дождь снарядов, шрапнели и пуль... Остановка сделала солдат, лишенных возможности отвечать на вражеский огонь, безрассудными. Остаться на месте означало быть истребленными, а отступление было столь же опасно, как и наступление. То здесь, то там какой-то солдат выпрыгивал из траншеи и начинал путь к вершине хребта, за ним следовали небольшие группы»¹³⁰.

Понимая, сколь рискованна эта атака, Грант все же не стал останавливать ее: ведь он сам не раз ломал привычные представления об атаке, обороне, продвижении войск. Он только послал майора Фуллертона узнать у Вуда и Шеридана, не они ли отдали приказ об атаке. Вуд ответил отрицательно, а Шеридана удалось разыскать лишь высоко на склоне, куда он повел своих солдат. Но и он ответил, что не приказывал атаковать. Уставший Шеридан спросил у капитана Эвери (его послали следом за Фуллертоном, но он добрался до Шеридана раньше), нет ли у него виски. Тот передал генералу фляжку, и Шеридан, отхлебнув глоток, весело помахал группе генералов-южан, стоявших на ставшей совсем близкой вершине Миссионера, да еще крикнул при этом: «Ваше здоровье!» Но «коллеги» шутки не приняли и в ответ приказали выпустить в сторону «обидчика» пару снарядов из мощных орудий «Леди Букнер» и «Леди Брекинридж» (у самодовольных южан культ военачальников распространялся и на их жен). Снаряды пролетели мимо, но комья грязи от разрывов забрызгали Шеридана и Эвери. Не потеряв расположения духа, Шеридан воскликнул: «Какое неблагородство! Что ж, за это я отберу у них эти пушки!»¹³¹

А наступление продолжалось. Под ураганным огнем противника северяне по-прежнему рвались к вершине. Сразу же после боя майор-северянин Дж. Коннолли писал домой: «Ожидание было еще тревожнее, — если такое возможно, — чем то, с которым мы следили за штурмом Дозорного. Если мы сумеем овладеть этим хребтом, если мы доберемся до этих брустверов, армия мятежников обратится в бегство, и для них все будет потеряно. Но если мы не сможем добраться до укреплений, немногим из нас суждено спуститься с этого горного склона и снова укрыться под покровом леса»¹³². На вершину поднимались 60 флагов разных полков, и, должно быть, Гранту, Томасу и другим наблюдателям они снизу казались маленькими бумажными флажками, которыми на военных картах обозначают линию наступления. и, подобно этим флажкам, они продвигались все дальше и дальше! Флаги часто клонились к земле, но никогда не падали: товарищи подхватывали их из рук погибших знаменосцев.

В стане мятежников началась паника. Брэгг спешно перебросил к Миссионеру часть войск, все еще противостоявших Шерману на правом фланге, но это уже не могло спасти положения. Северяне приближались к вершине хребта! Канониры южан в отчаянии поджигали

¹²⁹ BG. Vol. 3. P. 725.

¹³⁰ BG. Vol. 2. P. 903.

¹³¹ BL. Vol. 3. P. 725.

¹³² *Connolly L. A. Three Years in the Army of the Cumberland. Bloomington, 1959. P. 158.*

запалы ядер и сотнями сбрасывали их на головы на ступавшим. Но и это не помогало. И вот почти одновременно в шести разных местах на гребень хребта ворвались дивизии Шеридана, Вуда, Хейзена, Бэйрда, Джонсона, Уайтейкера. Шеридановцы буквально опрокинули штаб-квартиру Брэгга (сам командующий южан со своей свитой удрал) и тех самых артиллеристов, которые совсем недавно выстрелили по Шеридану и Эвери. В полном соответствии с данным «обещанием» Шеридан, вместе с солдатами одним из первых ворвавшийся на вершину, объявил мощные орудия трофеями своей дивизии. Их немедленно развернули и открыли огонь по мятежникам, в панике спускавшимся по восточному склону хребта.

Все же некоторые группы южан пытались сопротивляться и даже контратаковать. Дивизия Пэта Клебуерна сумела создать нечто вроде арьергарда и какое-то время сдерживала натиск частей Шеридана, вырвавшихся вперед. А большая часть солдат Камберлендской армии, устав от штурма хребта, остановилась на его вершине, не в силах продолжать преследование. Что ж, их можно понять: они и вправду совершили нечто, граничившее с чудом. Окрестности огласились их многоголосым кличем «Чикамога!» — так они выражали свое торжество, решимость столь же отчаянно сражаться и впредь, горечь по товарищам, погибшим два месяца назад у этого «кровавого» ручья.

Дивизия Шеридана тем временем продолжала преследование, невзирая на темноту. Южан почти нагнали у ручья Чикамога, но большинство их все же успели переправиться по наспех наведенному понтонному мосту. И тогда Шеридан приказал поджечь его! В результате несколько сот мятежников, оставшихся на ближнем берегу, попали в плен. Всего же потери южан в трехдневном чаттанугском сражении составили 6667 человек, в том числе 361 убитый; северяне потеряли 5824 человека, но убитых оказалось больше — 753¹³³. В руки победителей попало около 6,2 тыс. винтовок, до 40 орудий, более 4 тыс. (по другим данным, 5,5 тыс.) пленных. Победа северян в этом сражении и во всей чаттанугской кампании вслед за июльскими успехами у Виксберга и Геттисберга окончательно переломила ход военных действий в пользу Севера.

1863 год завершился снятием осады с Ноксвилла, где около месяца отбивался от мятежников незадачливый Бэрнсайд. Хотя Линкольн и Хэллек и раньше настаивали, чтобы Грант «спас» Бэрнсайда, он не считал возможным отвлекаться от важнейшей чаттанугской операции и только после ее завершения отправил к Ноксвиллу части Шермана.

Но Шерману не пришлось вступить в дело: еще не дойдя до города, он узнал, что 4 декабря Лонгстрит и Букнер, очевидно деморализованные известиями о чаттанугском разгроме, сняли осаду и ушли на юго-восток, где еще безраздельно господствовали мятежники. Заодно выяснилось, что Бэрнсайд сильно преувеличил «тягостные лишения» блокады к Ноксвилле.

Глава 6. Стратегия главнокомандующего Гранта

«Да это же генерал Грант!»

Зимние месяцы в ходе этой войны, как правило, отличались вполне объяснимым затишьем: погода не благоприятствовала маршам и сражениям, так что солдаты набирались сил для новых боев и писали письма домой, а генералы, склонившись над картами, вычерчивали планы будущих баталий. Но для президента Линкольна зима 1863/64 г. была беспокойной. Все более строптивым становился конгресс, который со времени ноябрьских промежуточных выборов 1862 г. контролировали демократы.

Демагогически выступая за «прекращение братоубийственной войны», они были готовы замирились с мятежниками на условиях восстановления на Юге рабства либо даже сохранения раздельного существования Союза и Конфедерации. Среди демократов было немало

¹³³ Boatner M. M. Op. cit. P. 147.

профессиональных ораторов, талантливых публицистов, умелой агитацией они вербовали себе все новых сторонников. Народ, страна устали от войны, и далеко не все понимали, что ее не просто надо как можно скорее завершить, но завершить именно победой, восстановлением единства страны, укреплением демократических преобразований, а не преданием их забвению ради призрачного и шаткого мира: ведь альянс с довоенным Югом уже доказал свою несостоятельность. И все же у демократов были — и немалые! — шансы на успех в предстоявших в ноябре 1864 г. выборах.

Это-то больше всего и волновало президента. Он понимал, что, если к ноябрю не произойдет явного, очевидного всем перелома в пользу Севера, перспектива поражения на выборах станет реальностью. Линкольн видел необходимость оздоровления военного и политического руководства, в частности замены главнокомандующего. Излишне педантичный, лишенный творческой жилки Хэллек явных претензий не вызывал, но ситуация требовала на этом посту энергичного, решительного командира, способного на неожиданные, порой и рискованные решения. Кто же сменяет стать таким? Перебирая множество имен, президент все чаще останавливался на Гранте,

29 февраля 1864 г. по инициативе Линкольна конгресс одобрил проект о присвоении Гранту высшего воинского звания — генерал-лейтенанта, а 1 марта президент подписал этот указ. Грант был вызван в Вашингтон. В поезде он с сожалением прочел в газетах о провале кавалерийского рейда на Ричмонд группы генерала Х. Килпатрика. При этом его подчиненный, полковник У. Далгрэн, действовавший самостоятельно, попал с 500 кавалеристами в засаду и погиб. У убитого Далгрэна южане нашли черновые записи его выступлений перед своими солдатами. Их тут же опубликовали газеты Юга, и не мудрено: в записках Далгрэна содержались, в частности, призывы «разрушить и сжечь дотла этот ненавистный город!», «убить лидера мятежников Дэвиса и его кабинет изменников!» и пр. На Севере оспаривали подлинность записок, уверяли, что подобных указаний никто Далгрэну дать не мог, но мятежники и внутренние враги Союза получили весьма солидный аргумент для антилинкольновской пропаганды.

Добравшись до столицы, Грант сразу же направился в Белый дом, где решительно прошел к президенту, несмотря на поздний час. Линкольн давал не слишком пышный прием, но народу собралось достаточно. Поведение президента при появлении Гранта изумило всех: заметив в дверях одетого в простой полевой мундир невысокого генерала и сразу узнав его по фотографиям, Линкольн, вопреки протокольным правилам, сам пошел навстречу гостю. «Да это же генерал Грант! — восклицал президент на ходу. — Вот это радость!»¹³⁴ Разумеется, у многочисленных врагов Гранта (число их, как водится, росло вместе с ростом популярности генерала) сразу же возник новый повод обвинить его в невоспитанности, «неотесанности» и пр. Но Грант и не разыгрывал из себя аристократа: увидев, что вокруг них с Линкольном образовалась толпа и многие усиленно пытаются пробиться вперед, генерал как ни в чем не бывало оперся на плечо долговязого президента и прямо в запыленных сапогах взгромоздился на соседний диван. «Что, господа, не всем видно? — крикнул он, перекрывая шум. — Вот он я!»¹³⁵

Удивительное «восхождение» Гранта на президентский диван, сразу ставшие знаменитыми (тут уж постарались газетчики) слова: «Вот он я!» произвели сенсацию. Недруги огрызались, хулили Гранта, а и глазах простых людей он стал не просто военным кумиром, как прежде, но и человеком, ведущим себя с президентом на равных и в то же время остававшимся простолудином, вышедшим из их среды. Кто знает, быть может, тогда и решился вопрос о том, что стоит только. Гранту захотеть стать президентом, как народ пойдет за ним. Читателям, разумеется, известно, что в марте 1869 г. Грант вошел в Белый дом уже как полноправный хозяин и оставался им в течение восьми лет.

На следующий день после знакомства с Линкольном, 9 марта, Грант был приглашен на

¹³⁴ Porter H. Campaigning with Grant. N. Y., 1897. P. 19.

¹³⁵ Brooks N. Washington in Lincoln's Time / Ed. by H. Mitgang. N. Y., 1962. P. 130.

заседание кабинета министров, где Линкольн огласил указ о присвоении ему звания генерал-лейтенанта. А после заседания Линкольн в частной беседе сообщил генералу, что на днях он станет главнокомандующим всеми армиями Союза. Приказ об этом президент подписал 12 марта. Но еще до этого Линкольн встречался с Грантом, причем в присутствии Хэллека и Мида. На этой важнейшей для судеб войны встрече новый главнокомандующий высказал свою стратегическую концепцию дальнейшего ведения скоординированных крупномасштабных операций.

Упрощенно суть стратегии Гранта можно выразить так: систематически, неотступно бить противника на всех фронтах, не давая ему ни дня передышки и используя при этом весь мощный военно-экономический потенциал Севера. Конкретно же Грант предложил провести в ближайшее время четыре синхронные операции, которые в разных местах разорвали бы оборону мятежников. Главной из них был удар Потомакской армии по армии Ли; его предполагал возглавить сам Грант, что также было неожиданностью: прежде считалось, что командующий должен из столицы осуществлять общее командование. Но Грант предпочел постоянно находиться с Потомакской армией, формально сохранив ее за Мидом. Вторая по значению операция намечалась в Джорджии: там генерал Шерман должен был по тылам мятежников прорваться к Атланте, а оттуда — к Мобилу, к побережью Мексиканского залива (по согласованию с Грантом Шерман затем изменил этот план и от Атланты двинулся к Саванне, что оказалось еще эффективнее). Это рассекло бы территорию, оставшуюся у мятежников, надвое, приблизив гибель Конфедерации. Джемская армия Б. Батлера, «запертая» мятежниками на небольшом виргинском полуострове Бермуда-Хандрид, должна была вырваться оттуда и захватить крупный город Питерсберг, что сразу же сделало бы безнадежным и положение Ричмонда. Наконец, в Долине намечался удар силами войск Ф. Зигеля.

Итак, удары Мида, Батлера и Зигеля были так или иначе направлены на постепенное уничтожение армии Ли, тогда как разящий марш Шермана отсек бы от Ли весь Запад, фактически оставив его в одиночестве перед этими тремя мощными силами. Линкольн одобрил предложения Гранта.

На этой беседе-совещании были приняты и другие важные решения. Хэллек назначался начальником штаба при главнокомандующем, где его педантизм и дотошность пришлось как нельзя кстати. (Заметим, что за последний год войны Грант и Хэллек быстро забыли инспирированную последним недавнюю неприязнь и работали в тесном деловом контакте.) Был выделен и отдельный мощный кавалерийский корпус во главе с Ф. Шериданом. Формально корпус входил в Потомакскую армию, но Грант обещал Шеридану полную самостоятельность в вопросах тактики и свое обещание в целом сдержал. Наконец, в преддверии решающих операций Грант приказал извлечь из укреплений близ столицы тысячи беззаботных артиллеристов, ординарцев, бесчисленных штабистов, кавалеристов эскортных и пр. Проводя дни напролет в питейных и иных увеселительных заведениях столицы, эта многочисленная публика была немым оскорблением для мерзнувших в тесноте траншей или маршировавших по грязи ветеранов Потомакской армии, к которой все это скопище лентяев формально было приписано. Теперь же Грант бросил их из уютных квартир прямо на передовую, в пехоту.

Начиналась непосредственная подготовка к крупнейшим по масштабу операциям в этой войне и во всех войнах, которые когда-либо сотрясали Американский континент.

Глушь

Так, напомним, именуется местность в Виргинии, простиравшаяся всего миль на 10 вдоль южного берега Рапидана и ограниченная Чэнслорсвиллом и Спотсилвейнией на востоке и ручьем Майн-Раном на западе. Но, несмотря на небольшие размеры, Глушь не раз в ходе войны становилась преградой для наступающих армий. Южанам, правда, приходилось там легче: ведь армия Ли в большинстве состояла из виргинцев, которым Глушь была более или менее знакома. Именно через Глушь и планировал нанести удар Грант, что было весьма рискованным решением. К тому времени к четырем задуманным операциям, названным выше, генерал добавил еще одну — части Н. Бэнкса должны были из района Нового Орлеана ударить по

Мобилу, основному (наряду с Уилмингтоном) порту, через морские ворота которого Конфедерация все еще получала от своих агентов в Европе оружие, продовольствие и пр. Все пять операций должны были начаться в один и тот же день — 4 мая.

К тому времени статистика в Конфедерации, и ранее поставленная плохо, стала совсем сумбурной. Судя по всему, в армии Ли к началу кампании в Глуши было чуть больше 60 тыс. человек. А в Потомакской армии, уже подтянувшейся к северному берегу Рапидана, насчитывалось более 100 тыс. человек. Ее четыре корпуса (не считая кавалерийского корпуса Шеридана) возглавляли генералы Хэнкок, Уоррен, Сэджвик и Бэрнсайд. 4 мая они начали переправу, и уже на следующий день авангарды армии вступили в соприкосновение с солдатами Ли. Начались упорные, кровопролитные бои, затянувшиеся на восемь дней и получившие название кампании в Глуши.

Первый же день боев показал Гранту, сколь трудной будет Глушь для наступления. Два локальных столкновения 5 мая происходили в какой-то миле друг от друга, но возможность координации действий, особенно для северян, была почти нулевой. Не только солдаты, но и офицеры обеих сторон плохо понимали, что вообще происходит, с каким по силе противником они дерутся, чего ждать в следующую минуту. Плотные заросли не позволяли разглядеть что-либо дальше 20—30 метров, тем более невозможно было провести разведку. Нельзя было даже понять, кто в тот или иной момент наступает, а кто отступает. Все смешалось: люди, лошади, орудия, фургоны. Вдобавок ко всему от беспорядочной пальбы сразу же загорались сухая трава и подлесок, и солдаты задыхались от порохового и обычного дыма. Нередко, перемешавшись друг с другом, солдаты пытались вытащить оказавшихся среди огня раненых в безопасное место, не заботясь о том, «свой» это или «чужой». С наступлением темноты (в густой Глуши это происходило раньше) измученные солдаты буквально рухнули ночевать в наспех вырытые траншеи.

Но их отдых оказался коротким. Грант, проведя полночи над картой (она, как обычно, мало соответствовала реальности), приказал начать общую атаку в 5 часов утра. Но и 6 мая бой продолжался по прежнему сценарию, неподвластному режиссуре Гранта и Ли: огонь орудий и винтовок, смешивавшийся с огромными языками пламени, превращал Глушь в кромешный ад! Впрочем, определилось небольшое преимущество Потомакской армии: на северном участке боя части Уоррена и Сэджвика яростно теснили солдат Эвелла, а на южном Хэнкоку удалось даже внести некоторую панику в войска Э. П. Хилла. Хотя продираться сквозь заросли было трудно, солдаты Хэнкока все же мало-помалу отвоевывали у противника десяток-другой метров, потом еще, еще...

Видя, что все развивается не так, как он задумал, генерал Ли сам пытался остановить отступавшие части, но ему это не удалось. Помогло другое — на дороге Плэнк (проще говоря, вымощенной досками) показались авангарды корпуса Лонгстрита, задержавшегося дольше обусловленного срока и теперь отчаянно стремившегося наверстать упущенное время. Идя сквозь кошмарную и темную Глушь 36 часов подряд (практически без отдыха!), солдаты Лонгстрита сумели пройти 42 мили. Выйдя прямо к месту боя, они ударили во фланг Хэнкоку, оттесняя его назад. Быстро был смят весь левый фланг Хэнкока: части Лонгстрита обошли его, внезапно возникнув из-за насыпи недостроенной, заброшенной железнодорожной ветки, откуда северяне их и не ждали. Казалось, еще немного — и они собьют потомакцев с перекрестка, столь важного для обеих сторон. Мысленно Ли уже торжествовал победу, а счастливый Лонгстрит вместе с группой штабных офицеров безмятежно скакал следом за наступавшими, почти рядом с ними.

Но тут Глушь сыграла с несостоявшимися победителями злую шутку. Справа из зарослей прозвучало несколько залпов, и вся эта беспечная группа, в которой находился и Лонгстрит, рухнула с коней. Многих из них постигла трагическая судьба Джэксона Каменная Стена, погибшего за год и три дня до этого практически на том же месте (!) — разница была в 2—3 мили. Оказалось, что еще одна группа южан, совершавшая обходный бросок к железнодорожной насыпи, отстала и вышла туда, когда это место уже заняли мятежники. Но наступавшие-то этого не знали! Увидев в быстро спускавшихся сумерках живописную группу конных генералов и полковников, они не разглядели цвета их формы и с полным сознанием долга дали по ним сквозь заросли несколько залпов, пока кто-то из уцелевших офицеров не

прокричал им страшную истину.

Многим казалось, что ранение Лонгстрита смертельно, и он вскоре отправится за Джэксоном (тот, напомним, промучился неделю). Но Лонгстрит выжил. Он даже ненадолго пришел в сознание, прежде чем его вывезли в тыл, и успел приказать продолжать атаку на злосчастный перекресток. Прискакал встревоженный Ли и немедленно принял команду над правым флангом атаки. Но части Бэрнсайда, пользуясь возникшим замешательством, пошли в контратаку и сумели немного оттеснить противника от перекрестка.

Следующий день, 7 мая, прошел без боев. Обе армии были измучены двухдневным сражением в непостижимых условиях. Потери были страшными: у северян — 17666 человек (правда, убитыми из них были только 2246 человек), у их противников — 7750 человек, а по некоторым данным — до 12—14 тыс.¹³⁶ Более 3 тыс. северян числились пропавшими без вести, и если раньше занесенные в эту графу почти всегда рано или поздно обнаруживались в плену, то и данном случае немало солдат и офицеров исчезло бесследно, сгорев в продолжавшем разрастаться пожаре.

8 мая начались бои в районе местечка Спотсилвейния, входящие в кампанию в Глуши. После вялых стычек противники разместили войска по обе стороны дороги Брок, где солдатам было приказано окопаться. Впрочем, в ходе войны, тем более на ее четвертом году, они почти всегда делали это автоматически, едва наступала пауза в боях. Там, где позволяли условия (в частности, и в майских боях в Глуши), солдаты укрепляли траншей поваленными деревьями, затем забрасывали землей или глиной, создавая некое подобие баррикад.

Утром 9 мая основные силы Бэрнсайда, с черепашьей скоростью двигавшиеся к месту сражения, вышли со стороны Фредериксберга прямо в тыл обороне мятежников. Кавалеристы-разведчики успели доложить об этом Ли, и тот приказал Эрли идти наперерез Бэрнсайдю и занять на его пути оборону. После того как Эрли выполнил приказ, оборона южан в этом месте стала напоминать по форме своеобразный угол, обращенный острием к северянам. Уже в ходе битвы этот угол длиной мили в четыре получил название «кровавого». Располагался он на северо-восточной оконечности Глуши, где лес уже был не таким плотным и кое-где даже встречались поля и фермы. Этот день, 9 мая, прошел относительно спокойно. Лишь иногда раздавались одиночные выстрелы снайперов, а чаще — простых пехотинцев, стремившихся хоть так разнообразить скучный день. Одним из таких выстрелов был убит командующий 6-м корпусом северян Дж. Сэдзвик, и его сменил генерал Горацио Райт.

На рассвете 10 мая северяне мощно атаковали левый фланг и вершину «угла». Солдатам полковника Э. Аптона (в будущем — автора интересных мемуаров) удалось прорвать оборону Эвелла, и в самом начале атаки они уже захватили до 2 тыс. пленных! Но Ли бросил на поле боя новые резервы, и завязалось тяжелейшее встречное сражение. Жертвы с обеих сторон были огромными, именно в тот день «угол» стал кровавым. К темноте уставшие северяне все-таки отошли назад. Дольше всех продержался на завоеванной позиции Аптон, сумевший отстоять ее. Но уже после окончания боя, обнаружив, что он остался один в полуокружении противника, Аптон, не покинувший позиций даже тяжелораненым, тоже решил отвести свои части, чтобы наутро их не перебили. Когда Аптона увозили в полевой госпиталь, ему вручили приказ Гранта о производстве в бригадные генералы.

Следующий день вновь был спокойным: слишком много сил отдали обе армии в битве за «кровавый угол». Но на 12 мая Грант вновь назначил атаку, в которой Хэнкок должен был нанести удар по острию «угла», после чего его поддержали бы другие части. Атака началась в половине пятого утра, и корпус Хэнкока, сконцентрированный на узком участке прорыва, мгновенно смел одну из дивизий Эвелла, взяв в плен до 4 тыс. человек. Успех атаки обеспечила не только ее стремительность, но и то, что южане, ожидая удара в другом месте, перебросили туда почти все орудия, оголив остальные участки обороны. Однако быстрый успех, как это порой бывает, обернулся против победителей. Когда вслед за частями Хэнкока в прорванную узкую брешь ринулись другие подразделения, из-за тесноты произошла свалка. Ли немедленно

¹³⁶ Boatner M. M. Cassell's Biographical Dictionary of the American Civil War, 1861—1865. L., 1973. P. 925; Dupuy R. E. and T. N. The Compact History of the Civil War. N. Y., 1962. P. 293.

бросил туда дивизию Дж. Гордона, которая умело использовала возникшую у северян суматоху. Хотя у Гордона было значительно меньше людей, чем у только что наступавшего Хэнкока (о других частях северян речь не шла: они прочно застряли сзади), мятежники сумели оттеснить северян назад, к их прежним позициям. Наблюдавший за контратакой Ли бросил на развитие успеха части Андерсона и Эрли.

В этот день «кровавый угол» вновь подтвердил свое прозвище. В полутемном лесу, поливаемые неожиданно качавшимся ливнем и окутанные одновременно возникшим туманом, солдаты дрались врукопашную, часто натываясь на своих же и проскакивая мимо противника. Южане упорно защищали свой мощный бруствер, симпровизированный из деревьев и земли. Порой северяне подбирались к нему почти вплотную, и тогда они пытались в упор выстрелить по оборонявшимся. Но в этих случаях мятежникам иногда удавалось ловко схватить смельчака за руку и втащить к себе. С наступлением темноты Ли отвел войска на новый рубеж, прямо позади оставленного «угла». Неожиданно, как будто по взаимному уговору, отошли и северяне. Этот день, 12 мая, считается завершением битвы в Глуши (порой говорят: при Спотсилвейнии), хотя сама кампания продолжалась еще три недели.

В эти дни в столице мятежников тревога достигла предела. Начальник службы обеспечения Конфедерация генерал Дж. Горгас назвал в дневнике 11 мая «одним из дней величайшего волнения». Отправившись в 5 часов (!) к военному министру Конфедерации Дж. Седдону, Горгас застал его за работой и поделился своими волнениями. А министр сознался, что, как ему казалось, «настали последние дни Ричмонда. По сообщениям, вся кавалерия армии Мида стремительно приближалась к обреченному городу со стороны Ашленда»¹³⁷.

Да, у мятежников были все основания для тревоги. Шеридан еще в первые дни кампании в Глуши, видя, что его кавалерия только без толку «отбивает номер» (кони не могли продираться сквозь почти непроходимую чащу), попросил Гранта разрешить ему совершить выпад против Ричмонда, чтобы припугнуть южан, а заодно и оттянуть от армии Ли своего главного соперника — Стюарта. Грант согласился, и 8 мая 10-тысячное войско Шеридана двинулось вперед. Как и предполагалось, Стюарт бросился вдогонку и 11 мая настиг Шеридана у местечка Йеллоу-Тэверн, откуда просматривались шпили Ричмонда. Произошла неслыханная по масштабам тех лет кавалерийская битва, в которой северяне все-таки оттеснили от Ричмонда. Но свои задачи Шеридан выполнил: Ричмонд был в панике, кавалерия Стюарта оказалась практически выключенной из кампании в Глуши, был смертельно ранен в бою у Йеллоу-Тэверн и сам Стюарт (это уже «сверх плана»).

Некоторое время в Глуши шли второстепенные стычки. Северяне не раз пытались зайти противнику в тыл, но по разным причинам эти акции срывались. Тем временем в прессе Севера началась новая кампания против Гранта: его называли «мясником», обвиняли и в том, что во время боев он для поддержания тонуса якобы постоянно пьет... Потери северян в Глуши, действительно, были огромными: после жертв первых дней кампании (о них сказано выше) бои в районе Спотсилвейнии 8—19 мая вывели из рядов армии Севера еще 14267 человек. Впрочем, эта цифра оспаривается. Так, в одних случаях самым ужасным для северян днем в ходе всей кампании называют 10 мая, когда они потеряли 7,5 тыс. человек; другие источники утверждают, что в этот день Грант потерял «всего» 4,1 тыс. человек, а вот 12 мая — 6,82 тыс.¹³⁸ Мятежники о своих потерях сообщали все реже, но 12 мая считается самым страшным днем и для них: они потеряли тогда в общей сложности около 6 тыс. человек. Да, сила, с которой Грант обрушивался на Ли, была невиданной, но столь же мощным оказывалось и противодействие лучшего генерала Юга и его армии.

Стараясь не замечать прокурорских обличений газетчиков, Грант, как одержимый, шел вперед, продолжая крушить силы противника и сам неся огромные потери. Но генерал считал, что иного пути нет, и верил, что в конечном счете южане не выдержат такого давления. Утром 11 мая, в самые тяжелые дни этой кампании, он отправил Стэнтону телеграмму: «Мы вступаем

¹³⁷ *Gorgas J. The Civil War Diary / Ed. by F. Vandiver. Alabama, 1947. P. 100.*

¹³⁸ *Boatner M. M. Op. cit. P. 788; Dupuy R. E. and T. N. Op. cit. P. 299.*

в шестой день очень трудных боев... Потери у нас тяжелые, но и у противника тоже... Я намерен сражаться на этой позиции до конца, даже если это займет все лето»¹³⁹. Наблюдательные газетчики запомнили эти слова, и ближе к зиме, когда бои в Виргинии еще продолжались, в одной из газет появилась язвительная карикатура: хижина, из трубы которой клубами валит дым. Подпись гласила: «Грант сражается на этой позиции до конца, хотя это заняло у него все лето. А теперь он послал за своей печкой»¹⁴⁰. Но тогда, в мае, гордые слова Гранта, опубликованные по распоряжению Линкольна в газетах, вернули генералу симпатии многих северян, потрясенных известиями о страшных жертвах в Глуши.

Действиям Гранта симпатизировали не только его соотечественники. 26 мая Маркс, продолжавший внимательно следить за событиями войны, писал Энгельсу: «Было бы скверно, если бы Гранту пришлось отступить, но полагаю, он знает свое дело»¹⁴¹. Энгельс отвечал 30 мая, имея в виду армию Ли: «Еще два таких сражения, и его армия, вынужденная каждый вечер отступать на новые позиции, оказалась бы во всяком случае в очень плохом состоянии и вряд ли была бы способна закрепиться еще где-либо до Ричмонда... Меня не удивит, если Ли вскоре отступит к Ричмонду»¹⁴². А 9 июня Энгельс писал Марксу: «Очень любопытно, как будут развиваться события в Виргинии... Но я надеюсь, что Грант все же сделает свое дело... Мне нравится также методический ход грантовских операций. Для данной местности и для данного противника это — единственно правильный метод»¹⁴³.

Но генерал Грант вряд ли знал об этих комплиментах. Помимо огромных жертв, у него были и другие причины для дурного настроения. Из пяти задуманных им ударов только два более или менее сносно осуществлялись — его собственный и Шермана. Что же касается операций, порученных «генералам-политиканам» Батлеру, Зигелю и Бэнксу, то первые два, едва встретившись с мятежниками, поспешно отступили на исходные позиции, а третий... вообще не начал операции, в последний момент заявив, что его армия «пока не готова» и наступление он начнет «попозже». Сам же Грант после серии взаимных с противником обходов и смещении войск оказался к концу мая на берегу реки Чикахомини, близ местечка Колд-Харбор. Именно там, в нескольких милях от восточных окраин Ричмонда, и состоялось сражение, ставшее заключительным аккордом кампании в Глуши.

После нескольких непредвиденных задержек Грант приказал начать атаку перед рассветом 3 июня. В самый последний момент Ли сумел перебросить к месту боев до 15 тыс. подкреплений, забрав их из траншей у Бермуда-Хандрид и из Долины, где ни Батлер, ни Зигель по-прежнему не беспокоили мятежников, чем в итоге и помогли им, а не ожидавшему их поддержки Гранту. Когда лавина северян ринулась в узкий 3-мильный участок прорыва, она наткнулась не на хиленькие, толком не отрытые траншеи (они были такими всего сутки назад), а на мощные укрепления, за которыми их встретили свежие отборные части. Ли предусмотрительно выдвинул орудия почти к траншеям, тщательно замаскировав их. В мемуарах Грант писал, что это были самые ужасные минуты в его жизни. За 10—15 минут атаки против орудийных дул северяне потеряли до 5 тыс. человек. Оставшиеся в живых бросились назад.

К сожалению, размеры жертв не сразу стали ясны Гранту, и он не прекратил атак. Новые волны наступавших накатывались на брустверы южан, но не могли пройти их. Однако оборона мятежников стала давать трещины, кое-где группы северян врываются в их траншеи и вступали

¹³⁹ Papers of U. S. Grant / Ed. by J. Simon. Carbondale (Ill.), 1980. Vol. 10. P. 422.

¹⁴⁰ Porter H. Op. cit. P. 330.

¹⁴¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 30. С. 327.

¹⁴² Там же. С. 328.

¹⁴³ Там же. С. 336.

в рукопашный бой. Несколько сенаторов Конфедерации, прибывших воодушевить армию Ли, в волнении спрашивали командующего, что же произойдет, если Грант прорвет его оборону, есть ли на такой случай какие-либо резервы. Ли ответил: «Ни единого полка, и в таком положении я нахожусь со времени сражения на Раппаханноке. Если я сокращу свои оборонительные линии, чтобы создать резерв, он (т.е. Грант. — С. Б. } обойдет меня, если же для создания резерва я ослаблю оборону — он ее прорвет»¹⁴⁴. Но солдатам Ли все же удалось устоять, выдержать натиск.

В тяжелейших боях в Глуши, длившихся с незначительными перерывами с 5 мая по 3 июня, стороны понесли огромные потери, но у северян они были больше в численном отношении, а у их противников — в процентном. Соотношение потерь было «в пользу» северян в виде 55 тыс. человек к 39 тыс., но для армии Гранта — Мида это составило 52%, а для армии Ли — 59%. Есть и другие данные: потери соотносятся как 50 тыс. к 32 тыс., а проценты — как 41 к 46¹⁴⁵. В любом случае эти потрясшие американцев итоги битвы в Глуши говорили о решимости сторон биться до конца.

Питерсберг

В плане стратегическом кампания в Глуши осуществлялась по «сценарию» Гранта: он сковал движение армии Ли, не давал ей ни дня отдыха, не отступал после частных неудач, как его предшественники. Но сопротивление Ли оказалось более стойким, чем «запланировал» Грант: он намеревался выйти из Глуши на оперативный простор за несколько дней, а Ли сдерживал там его армию целый месяц.

Миновав наконец Глушь, Грант решил нанести удар по Питерсбергу. Этот крупный город был ключом к Ричмонду, с его захватом блокировались бы все железнодорожные и иные пути, соединявшие столицу Конфедерации с еще сопротивлявшимися «островками» ее территории. Падение Питерсберга предрешило бы и судьбу Ричмонда.

Первые попытки атаковать Питерсберг еще в начале мая провалились из-за нерадивости и откровенной трусости осуществлявшего их Батлера. Теперь же Грант решил извлечь из его Джемской армии, все еще прохладившейся в Бермуда-Хандрид, хоть какую-то пользу. Главнокомандующий задумал тройной удар: Потомакская армия, форсировав реку Джемс, атаковала бы Питерсберг с востока; кавалерии Шеридана предстояло вместе с частями Д. Хантера блокировать в районе городка Шарлотсвилла крайне важную для мятежников железную дорогу Виргинская Центральная, а затем также атаковать Питерсберг; Батлеру же следовало силами корпуса У. Смита (Плешивого) нанести первый удар по городу. Предполагалось, что Смит атакует укрепления Питерсберга, возможно даже прорвет их, а тем временем подоспели бы и остальные части.

Шеридан отправился в рейд к Шарлотсвиллу 7 июня, и Ли бросил следом за ним кавалерию Фитцхью Ли (своего племянника) и Уэйда Хэмптона, лишив себя этим разведки и прикрытия. План, намеченный Грантом, заработал! Правда, после сумасшедшей гонки южане нагнали Шеридана у железнодорожной станции Тревилльян, где 11—12 июня произошла отчаянная схватка. Мятежников было больше, и им удалось «отпихнуть» Шеридана от железной дороги, но рейд «маленького Фила» (так называли невысокого Шеридана солдаты) не был бесполезным: оставшись без разведки, Ли не сразу установил, что именно тогда все пять корпусов Потомакской армии скрытно покинули траншеи и ушли на восток.

Утром 14 июня северяне начали наводить переправы в районе г. Чарлз-Сити, где широкое течение Джемса сужалось до трети мили. Эта река, по сути дела, была последним естественным рубежом перед Ричмондом. Как раз в те дни Ли писал Эрли: «Мы должны разбить эту армию Гранта прежде, чем она выйдет к реке Джемс. Если он выйдет туда, это превратится в осаду

¹⁴⁴ *Burne A. H.* Lee, Grant and Sherman. A Study in Leadership in the 1864—65 Campaign. Aldershot, 1938. P. 49.

¹⁴⁵ *Dupuy R. E.* and *T. N.* Op. cit. P. 303; *Boatner M. M.* Op. cit. P. 165.

(Ричмонда. — С. Б.) и конец ее станет лишь вопросом времени»¹⁴⁶. А когда 14 июня Борегар (его части «сторожили» Батлера у Бермуда-Хандрид) с посыльным сообщил Ли, что северяне форсируют Джемс, тот не поверил. «Он, должно быть, заблуждается, — сказал Ли. — Возможно, это какие-то солдаты Батлера возвращаются на свои позиции, а Потомакская армия очень занята на моем фронте»¹⁴⁷.

Но ошибался сам Ли: северяне менее чем за сутки навели 700-метровый понтонный мост, поразивший очевидцев. Он был настолько длинным, что во избежание аварии его с каждой стороны три шхуны фиксировали якорными цепями. Для пропуска судов средняя часть моста была сделана съемной, и ее время от времени сдвигали. Уже к вечеру 16 июня вся Потомакская армия переправилась на южный берег Джемса. В это же время по приказу Гранта специально оставленные на северном берегу корпус Уоррена и приданная ему кавалерия Уилсона делали столь яростные выпады в сторону Ричмонда, что мятежники принимали это за натиск всей Потомакской армии.

Затем у северян началась полоса невезения. Группе Смита Грант приказал срочно выйти к Питерсбергу и утром 15 июня атаковать его. Но Смит почему-то добирался до города целых семь часов (дорога составляла менее 10 миль!), а на атаку так и не решился: укрепления Питерсберга показались ему слишком мощными. Выглядели они и вправду внушительно, но город защищали лишь 2,4 тыс. человек, включая «милиционеров» — в основном подростков и стариков. Лишь к вечеру Смит решился атаковать.

Он бросил вперед необученную негритянскую дивизию генерала Хинкса, как нередко поступали в опасных ситуациях и другие командиры северян, предпочитая гибель черных, а не «своих», белых солдат. Но негры, знавшие об этом и стремившиеся доказать, что они не балласт в армии Севера, рьяно бросились вперед и... в считанные минуты заняли пару «неприступных» фортов. Многие цивильные южане, спешно брошенные в траншеи, потом вспоминали, что зрелище несущейся на них лавины негров в голубых мундирах воспринималось как конец света. С опозданием сообразив, что задержка атаки была непростительной глупостью, Плешивый бросил вперед и другие части, к 9 часам вечера занявшие еще пять фортов. В руках северян был 2-мильный участок обороны мятежников, за которым лежал незащищенный город.

В это время в распоряжение войск Смита вышел корпус Хэнкока, который, согласно приказу Гранта, должен был прибыть туда еще днем. Но Хэнкок задержался с переправой, затем еще и заблудился (!), вдобавок у него разболелась старая рана, и генерал мало что соображал от боли. Смит, узнав от пленных, что в город «вот-вот» придут подкрепления, перепугался и приказал войскам отдыхать, остановив их практически перед улицами города. Любопытно, что даже солдаты Смита были убеждены в беззащитности Питерсберга, и некоторые из них в темноте тайком отправились туда знакомиться с красотками-южанками. А Хэнкоку Смит «пояснил», что войска отлично потрудились, а теперь, мол, устали, да и оборона города очень сильна. Хэнкок был только рад неожиданному отдыху, хотя его солдаты, голодные и уставшие от марша, возмущались решением отложить атаку и рвались в бой.

Так была упущена уникальная возможность без особых усилий захватить один из важнейших городов Конфедерации! За ночь в Питерсберг прибыли подкрепления, спешно вызванные из разных мест (в том числе и от Бермуда-Хандрид, где по-прежнему стоял со своей армией Батлер, теперь уже никем не сдерживаемый), были отрыты новые траншеи, как раз позади занятых вечером северянами.

Утром 16 мая Смит и Хэнкок с изумлением смотрели на выросшие за считанные часы новые укрепления. Впрочем, теперь у них появился «повод» отложить атаку: не бросать же солдат прямо на дула орудий. В это время приехал Грант, убежденный, что город уже взят либо бои идут на его улицах. Но оба генерала, скрыв от него события вчерашнего дня, стали показывать на «мощные укрепления», которые, мол, никак не взять без свежих сил. Поверив

¹⁴⁶ Burne A. H. Op. cit. P. 53.

¹⁴⁷ Pratt F. Ordeal by Fire. An Informal History of the American Civil War. L., 1950. P. 347.

им, Грант послал к Миду за подкреплениями, а сам уехал. К 6 часам вечера подкрепления прибыли, атака началась, солдаты без труда выбили мятежников из всех старых и из значительной части новых укреплений, но Хэнкок, оставшийся за старшего... вновь приказал прекратить атаку и окопаться, сославшись на темноту. Такая же волокита продолжалась и 17 июня. Очевидцы утверждают, что для взятия города северянам не хватило каких-то микроскопических усилий. Но они не были сделаны.

С утра 18 июня в Питерсберг начали прибывать новые подкрепления, отправленные Ли, наконец разобравшемся в хитроумном маневре Гранта. И новые атаки северян на город (18—19 июня) были уже отбиты с серьезными для тех потерями. Из-за не всегда аккуратной статистики у северян и почти всегда приблизительной (часто заведомо неверной) у мятежников сложно вывести точные цифры о соотношении сил у Питерсберга в те дни. Но совершенно очевидно, что оно выражалось не просто в перевесе северян, а в их огромном превосходстве. Так, американский историк А. Бэрне, специально уточнявший этот вопрос, полагал, что это соотношение в пользу северян выглядело так (в тыс. человек): 14 июня — 16:11; 15-е, в полдень, — 36:19, в 19.00 — 60:20; 16-е, в 10.00. — 76:27; 17-е, на рассвете, — 96:31; 17-е, вечером, — 112 : 31; 18-е, в 10.00, — 112:50¹⁴⁸. С 18 июня началась осада Питерсберга.

Когда Грант узнал, как подвели его Смит и Батлер, он обратился к Линкольну с требованием уволить Батлера. Но президент отказался: приближались выборы, а Батлер имел большой политический вес в важном для Союза штате Массачусетс. В итоге Лягушка (так называли Батлера из-за специфических черт лица) сохранил свое место для новых ошибок, стоивших жизней тысячам северян. Отметим, что даже Линкольн порой смешивал политические соображения с чисто военными в ущерб последним. Со Смитом же Грант обошелся проще — немедленно демобилизовал его, Плешивый до последних дней жизни сохранил ненависть к Гранту, когда-то, в Чаттануге, извлекшему его из неизвестности; он даже опубликовал несколько «антигрантовских» статей со стандартным набором «обвинений» — Грант постоянно пьет, он мясник, не жалеющий солдат, плохой стратег и т.д., и т.п.

А осада затянулась. Никто не подозревал тогда, что продлится она до 3 апреля 1865 г., когда вместе с Питерсбергом падет и Ричмонд и рухнет вся оборона Конфедерации. Стороны стягивали к этому важнейшему участку силы, северяне привезли туда на специальной железнодорожной платформе 13-дюймовую мортиру «Диктатор», о которой ходили легенды. «Диктатор» палил по Питерсбергу прямо с платформы, которая уже на пятом выстреле разлетелась вдребезги от детонации. Мортиру переволокли на помост, но в дальнейшем она себя не оправдала и в конце сентября была увезена на склад в Сити-Пойнт. Сейчас «Диктатор» красуется в виде памятника перед капитолием штата Коннектикут в Хартфорде. Впрочем, и в нескольких городах есть «настоящие» «Диктаторы»: ведь серийных номеров тогда не было, так что спор этот бесконечен, подобно спору греческих городов за право считаться родиной Гомера.

В ходе осады произошел эпизод, навсегда вошедший в историю этой войны. По предложению Г. Плэзентса, командира 48-го пенсильванского полка, сформированного в основном из шахтеров, 25 июня началась прокладка туннеля длиной в 500 футов. Скрытно рывшийся туннель провели прямо под позиции южан, чтобы взорвать их фугасом огромной мощи. Мятежники, узнав о строительстве... из северных газет, пытались обнаружить туннель, но не сумели и решили, что это обычная репортерская утка. А талантливый Плэзентс «попутно» изобрел оригинальный метод вентиляции шахт. К концу июля все было готово к взрыву, и Грант назначил его на 3 часа 30 минут утра 30 июля.

Однако генерала в очередной раз постигла вереница неудач. Вначале отсырел запал 8-тонного фугаса, и смельчакам-шахтерам Дж. Даути и Г. Ризу пришлось с риском для жизни менять его. А накануне операции Грант узнал, что Бэрнсайд выделил для авангарда прорыва негритянскую дивизию (причины очевидны!), лишь после нее намереваясь пустить «белые» части. Командующий категорически запретил это делать, но «обиженный» генерал, вместо того чтобы пустить в прорыв самую опытную дивизию, предложил своим командирам... бросить

¹⁴⁸ Burne A. H. Op. cit. P. 62.

жребий! В итоге «победил» бестолковый генерал Дж. Ледли, трус и горький пьяница, который перед атакой пропал, не отдав подчиненным должных распоряжений. Позднее выяснилось, что Ледли в те часы распивал спирт с приятелем, которым был не кто иной, как генерал Э. Ферреро, командир негритянской дивизии, оставленной им на произвол судьбы.

Взрыв произошел около 5 часов утра, когда уже рассвело, и эффект страшного ночного землетрясения был скомкан. Огромный участок траншей мятежников взлетел в воздух и опустился прямо на головы приготовившихся к атаке солдат Ледли, в ужасе наблюдавших за невиданной картиной. В итоге эта «ударная» дивизия почти в полном составе бросилась бежать, решив, что коварные джонни изготовили какое-то дьявольское оружие. Уцелевшие от взрыва мятежники (многие из них, в отличие от северян, еще спали) также кинулись бежать, полностью обнажив участок прорыва. Но атака запоздала, была проведена неуверенно, робко, а затем северяне и вовсе остановились у гигантской воронки, блокировавшей им путь. Воронка дала название бою этого дня — бою у Воронки, — превратившись в имя собственное. (Ее размеры составляют 170X90 футов, глубина — 30 футов. Место боя и сама Воронка стали одним из мемориалов войны.)

Итак, растерявшиеся и пораженные размерами Воронки северяне топтались в замешательстве у ее краев. Командиры, в том числе и отвечавший за операцию Бэрнсайд, не торопили их. А Ли немедленно перебросил к Воронке свежие части. Южане срочно установили орудия на ближнем Кладбищенском холме, обрушив оттуда на северян мощный огонь. Это было мрачным напоминанием о Геттисберге, как и о том, что Грант приказал первым же ударом-броском после взрыва занять именно этот холм, где еще несколько минут назад никого и ничего не было. В начавшейся панике многие северяне попадали в Воронку (или специально спрятались туда от обстрела), куда опытные канониры Ли навесом посылали снаряд за снарядом. Грант приказал Бэрнсайду срочно контратаковать, но тот промедлил с этим более часа, когда атака стала уже бессмысленной. Катастрофу у Воронки часто сравнивают с кровавым поражением у Фредериксберга в декабре 1862 г. (в нем, кстати, также был повинен Бэрнсайд). На этот раз из брошенных на верную гибель 20 тыс. северян 3798 были убиты, ранены или попали в плен. Мятежники (с учетом погибших при взрыве фугаса) потеряли в общей сложности около 1,5 тыс. человек¹⁴⁹, а всего их было в бою около 11,5 тыс.

По представлению Гранта Бэрнсайд был вскоре снят с поста командующего корпусом, а в апреле 1865 г. уволен из армии. Предусмотрительный Ледли успел подать прошение об отставке, а вот Ферреро, напротив, спустя всего четыре месяца был повышен в звании до генерал-майора за «похвальную службу в нынешней кампании у Ричмонда и Питерсберга» — так говорилось в приказе, звучавшем как издевка над погибшими в Воронке неграми. Причина стереотипна: и Ледли, и Ферреро были политиками из Нью-Йорка, что вначале сделало их «командующими» и «генералами», а затем спасло от сурового наказания.

Обидный и нелепый разгром у Воронки, провал столь тщательно готовившейся операции не выбили Гранта из колеи. Он продолжал сжимать кольцо блокады вокруг Питерсберга, одновременно делая выпады против армии Ли, стоявшей неподалеку. Не обескуражила генерала и попытка покушения на него. 9 августа два южанина-диверсанта, проникнув под видом грузчиков прямо к штаб-квартире Гранта в Сити-Пойнт, взорвали пришвартованную рядом у берега баржу со снарядами, которые как раз перегружали в обоз. От страшного взрыва погибли 53 человека, множество ранены, но Грант, сидевший совсем близко, перед своей палаткой (это было его любимое «рабочее место»), вообще не пострадал, если не считать запачканного комьями грязи мундира. А к 21 августа северяне блокировали еще одну железную дорогу, Уэлдонскую, важную и для Питерсберга, и для армии Ли.

Противостояние сторон у Питерсберга превратилось в войну траншей, войну на выдержку, на профессионализм, на умение мобилизовать все силы. Некоторые авторы считают, что подобной борьбы «мир никогда прежде не видел и не увидит снова еще 50 лет»¹⁵⁰, т.е. до

¹⁴⁹ *Boatner M. M. Op. cit. P. 649.*

¹⁵⁰ *Dupuy R. E. and T. N. Op. cit. P. 373.*

времен первой мировой войны. Но в целом к осени накал боев у Питерсберга стал спадать: северяне понимали, что блокада рано или поздно принесет свои плоды, а мятежники отчасти смирились с невозможностью отбросить Потомакскую армию от города и с занятых ею участков железных дорог. Кроме того, взаимные потери были настолько велики, что Ли уже не мог рисковать, а Грант не особенно стремился — ведь все поворачивалось в его пользу. К началу осени Потомакская армия и армия Северной Виргинии достигли нижнего предела своей численности; у Гранта и Мида было 59 тыс. человек (вместо обычных 100—110 тыс.), у Ли — примерно 35—40 тыс.

В такой ситуации относительного затишья солдаты обеих армий устанавливали как бы негласное соглашение о перемирии. Майор-северянин Э. Смолл вспоминал о жизни в окопах под Питерсбергом: «Солдаты празднично лежали в своих укреплениях и болтали с противниками, расположившимися через дорогу. Время от времени янки и джонни встречались на нейтральной полосе и обменивали кофе на табак или „Нью-Йорк геральд“ на ричмондский „Энквайер“. Джонни не терпелось поделиться некоторыми из своих новостей, а столь же нетерпеливые янки делали вырезки из газет и передавали их в руки южан.

Когда какая-либо батарея намеревалась открыть огонь, кто-нибудь из стрелков-приятелей кричал: „Ложись, Реб!“ (так северяне называли южан наряду с „джонни“; по-английски *gebel* означает „мятежник“. — С. Б.) или „Ложись, янки!“, в зависимости от ситуации, так что ни единого солдата не оставалось в зоне обстрела»¹⁵¹.

А на других участках фронтов бои тем временем обострились.

Глава 7. Шерман, Шеридан и их победы

Марш Шермана к морю

Если к концу лета 1864 г. на фронтах инициатива явно была в руках северян, то в вопросах внутривластных администрация Линкольна, образно говоря, находилась в обороне. Тактичный и мягкий (порой излишне) президент часто оказывался бессильным против лживых, демагогических приемов, которыми не брезговали демократы и тем более его противники «справа», обобщенно именуемые «медянками». (Словом «медянка» по-английски обозначается змея щитомордник, распространенная в США, но мало известная у нас. Поскольку американцы наделяли это слово смыслом «ядовитая змея, жалящая из-за угла, тайком», то в отечественной историографии оно еще с дореволюционных времен переводится как «медянка».) Лидером демократов летом 1864 г. стал Маккелллан, нанесший в свое время такой ущерб военной репутации Союза. 29 августа на съезде демократов в Чикаго Маккелллан был официально утвержден кандидатом партии на президентские выборы. Правда, предусмотрительный экс-генерал сделал хитрый шаг: он не поставил своей подписи под антилинкольновской программой демократов, хотя и против нее не высказывался.

А Линкольн, еще в начале июня выдвинутый республиканцами кандидатом на второй президентский срок, был в те дни крайне подавлен. 23 августа на очередном заседании кабинета министров (Линкольн проводил их практически ежедневно, исключая лишь выходные и праздники) президент попросил каждого министра расписаться на чистом листе бумаги, на оборотной стороне которого был какой-то текст. Линкольн обещал удивленным министрам показать этот текст «как-нибудь попозже». Когда такой день настал (11 ноября), выяснилось, что в записке, в частности, говорилось: «Сегодня утром, как и в течение нескольких последних дней, кажется все более вероятным, что нынешняя администрация не будет переизбрана. Тогда моим долгом станет сотрудничество с новоизбранным президентом в такой мере, чтобы сохранить Союз в период между выборами и его вступлением в должность...»¹⁵²

¹⁵¹ *Small A. R.* The Road to Richmond; the Civil War Memoirs / Ed. by H. A. Small. Berkeley, 1939. P. 153.

¹⁵² *Lincoln A.* The Collected Works: Vol. 1—8 / Ed. by R. Easier. New Brunswick, 1953. Vol. 7. P. 514.

Даже в эти труднейшие для страны и лично для него дни Линкольн думал не о сохранении за собой кресла в Белом доме, а о спасении нации, о восстановлении единства страны. Президент очень ждал «большой» победы, надеялся на нее, но не был уверен, что она (или они) придет до выборов. Впрочем, к тому времени уже была добыта важная победа: 5 августа в заливе близ города Мобил флот адмирала Фаррагута разгромил эскадру южан¹⁵³. Но Линкольн, не являвшийся специалистом в военном деле, считал победы, одержанные на море, менее весомыми, чем «сухопутные».

Среди последних одной из наиболее ярких на завершающем году войны стал марш Шермана к морю. Небезынтересно, что еще в марте 1862 г. в английском «Волэнтир джорнэл фор Лэнкешир энд Чэшир» и в венской газете «Ди Прессе» была опубликована статья К. Маркса и Ф. Энгельса «Гражданская война в Америке», где указывалось, что для решительного перелома в войне северяне должны перейти к активным действиям и нанести удар в самый центр Конфедерации, но Джорджии, которая «служит ключом к сецессионистской территории. С потерей Джорджии Конфедерация оказалась бы разрезанной на две части, лишённые всякой взаимной связи»¹⁵⁴. Именно такой план и был предложен Грантом генералу Шерману, но, к сожалению, только в марте 1864 г., т.е. два года спустя.

Как и было условлено, Шерман выступил в поход на Атланту одновременно с Грантом, 4 мая, во главе более чем 100-тысячной армии. Шерману подчинялись, если говорить точно, не одна, а три армии — Камберлендская, Теннессийская и Огайская, во главе которых стояли опытные генералы Дж. Томас, Дж. Макферсон и Дж. Скофилд. А соперником Шермана был Джозеф Джонстон, сменивший генерала Брэгга после разгрома мятежников у Чаттануги. В двух его корпусах (их возглавляли Дж. Худ и У. Харди) было к началу кампании, по данным самого Джонстона, 41856 человек¹⁵⁵.

Три армии Шермана неудержимо двигались вперед, оттесняя противника к Атланте. Но Джонстон, как правило, предпочитал отходить сам, надеясь в скоротечных стычках обескровить части Шермана, вынужденного к тому же оставлять в занимаемых городах небольшие гарнизоны, а также части для охраны коммуникаций. Джонстон не без оснований надеялся, что со временем это привело бы к потере Шерманом численного превосходства, и тогда-то генерал-южанин планировал нанести северянам мощный удар. Кстати, к мятежникам подходили подкрепления, и уже к концу мая войско Джонстона увеличилось до 70 тыс. человек, а у Шермана действительно людей поубавилось. Маневрирование соперников напоминало игру искусных шахматистов или поединки опытных фехтовальщиков, чередующих разящие удары с ловким уходом от них.

Продолжая продвигаться вперед, армия Шермана 8 июля вышла к реке Чаттахучи, последнему естественному рубежу перед Атлантой. Северяне в разных местах сразу же начали переправу на южный берег, а Шерман уже готовил штурм города. Атланта, возникшая менее чем за 30 лет до описываемых событий, успела стать одним из крупнейших городов страны и индустриальным центром аграрного Юга. В городе были оружейные мастерские, швейные фабрики, шившие обмундирование для солдат-южан, железнодорожные депо. Стратегическое значение города для Конфедерации было огромно: с его потерей неизбежно рухнул бы западный участок всей системы обороны мятежников. Зная это, Джонстон самым, тщательным образом укреплял подступы к Атланте, а в это время в Ричмонде готовилась радикальная перемена его собственной судьбы.

Постоянные отходы Джонстона вызывали растущее недовольство военно-политического

¹⁵³ Подробнее см.: Бурин С. Н. Морской бой в заливе Мобил: (Из истории гражданской войны в США) // Новая и новейшая история. 1986. № 2. С. 231-234.

¹⁵⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 15. С. 506.

¹⁵⁵ Miers E. S. The General Who Marched to Hell. W. T. Sherman and His March to Fame and Infamy. N. Y., 1951. P. 67.

руководства Конфедерации и ее населения. Пресса Севера и Юга именовала генерала не иначе, как «отступающим Джо». Выражая раздражение в переписке с Джонстоном и президент Дэвис. (Злые языки видели причину этого еще и в том, что, когда Джонстон и Дэвис вместе учились в Вест-Пойнте, они влюбились в одну девушку, но Дэвис был менее удачлив, чего и не смог простить счастливому сопернику.) В результате, когда на решительный запрос из Ричмонда о дальнейших планах Джонстон не сумел толком ответить, Дэвис сместил его и поставил во главе армии Джона Худа.

Объективно замена Джонстона энергичным и агрессивным, но вместе с тем безрассудным и невыдержанным Худом в известной мере упростила задачи Шермана, 33-летний Худ уже пострадал от своей опрометчивости: он не раз бросался в схватку без всякой на то надобности для генерала и в результате при Геттисберге был ранен в руку, потерявшую подвижность, а спустя два месяца в чикамогском сражении лишился ноги. Впрочем, эти тяжелые ранения только способствовали росту популярности Худа у армии и населения Юга. Обстоятельства требовали от нового командующего решительных действий, и Худ в течение недели с небольшим попытался нанести Шерману три удара, каждый раз рассчитывая, сокрушить северян.

Первый удар Худ провел 20 июля. Накануне Шерман, понимавший, что Худ будет атаковать, решил опередить его и вечером 19-го двинул свои армии вперед. Однако на следующее утро Худ обнаружил, что Скофилд и Томас наступают на расстоянии 3 миль друг от друга (брешь возникла из-за неточных карт, обозначавших ручей Пичтри (Персиковый) гораздо короче, чем на самом деле), и, мгновенно сориентировавшись, нанес в месте их разрыва сильнейший удар. Особенно тяжело пришлось частям Томаса, но он в самый критический момент подтянул из резерва несколько батарей, открывших по мятежникам огонь прямой наводкой. Те бросились бежать, и лишь отчаянная контратака дивизии А. Стюарта позволила им и относительно порядке отвести свои потрепанные части к окраинам Атланты.

В этом бою у Персикового ручья сошлись примерно до 20 тыс. человек с каждой стороны; из этого числа южане потеряли 4796 человек, северяне — около 1,6 тыс. (по другим данным, 1719 человек)¹⁵⁶. На следующий день, 21 июля, передовые отряды Макферсона ворвались в поселок Болд-Хилл близ юго-восточных окраин Атланты, на расстоянии орудийного выстрела до ее центра. Установив там (а вскоре и на других участках) мощные орудия, Шерман приказал вести систематический обстрел военных и промышленных объектов города. Неизбежные в таких случаях жертвы среди гражданского населения Атланты вскоре нашли отражение в яростной газетной кампании на Юге против «варварства» Шермана.

Худ же почти без паузы нанес еще один удар. Поздно вечером 21 июля он направил корпус Харди в 15-мильный ночной бросок к юго-востоку от Атланты с дальнейшим поворотом на север. В полдень 22 июля части Харди внезапно возникли у юго-восточных окраин города, куда в это время наступала армия Макферсона. Харди обрушил на ее левый фланг удар, сила которого была такова, что многие северяне бросились бежать. К счастью, еще до начала сражения в наиболее слабо защищенное место обороны Макферсона были посланы две дивизии из корпуса Г. Доджа. Как раз в разгар атаки мятежников эти части появились на поле боя, буквально с марша вступив в сражение. Сомкнув разорванные было ряды, северяне сумели занять жесткую оборону.

Но и Худ не собирался упускать победу, которую, как ему казалось, он уже держал в руках. Он приказал бросить на Макферсона мощную группу из корпуса Читхэма. Наблюдавший за сражением Шерман заметил, что части Читхэма куда-то уходят. Заподозрив неладное, Шерман приказал Скофилду выделить пару батарей орудий на конной тяге и во главе их помчался вдогонку за Читхэмом. Когда мятежники набросились на части Макферсона, почти настигший их Шерман приказал канонирам развернуть орудия и открыть по Читхэму огонь. Мятежники в ужасе бросились наутек. А с другой стороны по ним палили орудия Макферсона. Вспоминая об этом эпизоде, бывший капитан армии Макферсона Дж. Пеппер писал: «Вся наша

¹⁵⁶ Long E. B. and B. The Civil War Day by Day. An Almanac. Garden City, 1971. P. 542; Boatner M. M. Cassell's Biographical Dictionary of the American Civil War, 1861—1865. L., 1973. P. 626. (1st print.: 1959).

артиллерия обрушилась на них, 17 тыс. винтовок и несколько батарей палили одновременно. Весь строй мятежников был сметен, подобно пшеничному полю, над которым пронесся смерч»¹⁵⁷.

В суматохе боя, когда северяне дрогнули и начали было отступать, Макферсон, пытаясь остановить бегущий корпус Ф. Блэйра, в азарте выехал прямо на пикет мятежников и был убит наповал. Его место временно занял генерал Дж. Логан, которого солдаты за богатырское телосложение называли «вышибалой». Еще до появления Шермана со спасительной артиллерией Логан сам повел солдат в контратаку, в которую северяне пошли с криками: «С нами Вышибала!», «Отомстим за Макферсона!» Мужество солдат и офицеров северян спасло судьбу сражения 22 июля, получившего название «битвы за Атланту» и завершившегося только в темноте. Северяне потеряли в нем 3722 человека, мятежники — 8499¹⁵⁸.

Отчаянные попытки Худа перехватить инициативу показали Шерману, что силы мятежников на исходе. У него возник смелый план: скрытым маневром выйти в глубокий тыл противника с юга и отрезать его от Саванны, крупного атлантического порта (впрочем, к тому времени роль порта уже потерявшего, так как его блокировал флот Севера), откуда к Худу подступала большая часть продовольствия, боеприпасов, подкрепления. Этот выход в тыл мятежников удался Шерману не сразу. «Первая попытка» была поручена армии Оливера Ховарда (он был назначен на место Макферсона, а самонадеянный Хукер, считавший, что этот пост «по старшинству» должен достаться ему, в знак протеста подал в отставку), но Худ, предупредив хитроумный маневр северян, 28 июля у церквушки Эзра, к юго-западу от Атланты, нанес им третий удар. Ховард отменно руководил боем, и мятежники были отброшены, потеряв 4632 человека. А у северян, удачно построивших оборону, выбыло из строя в этот день лишь 562 человека¹⁵⁹. После этого сил для новых ударов у Худа уже не оставалось, и он перешел к жесткой обороне. А Шерман продолжал и попытки обхода противника крупными силами, и дерзкие кавалерийские броски. До поры до времени мятежники отбивали все его выпады. Наконец в ночь на 26 августа Шерман скрытно увел почти все свои войска на запад от Атланты, оставив в траншеях лишь корпус Г. Слокама. Быстро выйдя к железным дорогам Атланта—Монтгомери, а затем Атланта—Саванна, северяне стали самозабвенно разрушать их, чтобы полностью заблокировать мятежников в Атланте.

Была даже разработана специальная «технология»: множество солдат выстраивалось вдоль одной из сторон полотна, по двое у каждой шпалы. По команде десятки таких пар одновременно поднимали внушительный участок колеи к опрокидывали его навзничь. А затем кувалдами, ломami, камнями — всем тяжелым, что попадалось под руку, солдаты отбивали шпалы от рельсов и швыряли их в заранее разведенные костры. Следом за шпалами в огонь бросали и рельсы, раскаляли их добела, после чего причудливо изгибали вокруг ближних деревьев или телеграфных столбов. Получавшиеся при этом загогулины солдаты остроумно прозвали «галстуками (или „шпильками“) Шермана»; такие «галстуки» южане при всем желании уже не могли использовать для восстановления колеи. Несколько позже О. По, начальник инженерных войск Шермана, придумал для упрощения этой процедуры устройство в виде гигантского гаечного ключа, который закрепляли на обоих концах рельса, а затем крутили в противоположных направлениях. Рельс при этом скручивался, как канат.

Лишь в ночь на 30 августа Худ узнал, что северяне вышли к железнодорожной станции Джонсборо, далеко у него в тылу. Он бросил туда корпус Харди, усиленный до 24 тыс. человек, и уже 31 августа мятежники ворвались на станцию. Завязался тяжелейший бой, но части Ховарда отбили все атаки Харди, а на следующий день так разгромили его, что мятежники едва успели унести ноги. Худу пришлось спешно эвакуировать Атланту. В паническом состоянии

¹⁵⁷ *Carter S., 3rd. The Siege of Atlanta, 1864. N. Y., 1973. P. 221.*

¹⁵⁸ *Boatner M. M. Op. cit. P. 30.*

¹⁵⁹ *Ibid. P. 271; The Blue and the Gray. The Story of the Civil War as Told by Participants: Vol. 1—2 / Ed. by H. S. Commager. N. Y., 1950. Vol. 2. P. 933.*

мятежники жгли паровозы, вагоны, взрывали боеприпасы, которые не могли захватить с собой. Многочисленные взрывы и начавшийся от них в городе пожар создали в Атланте обстановку подлинного кошмара, во много раз превосходившую «ужасы» обстрелов северян, столь охотно описываемые позднее в мемуарах бывших мятежников. Худ увел армию на юго-восток, сумев избежать столкновения с силами северян у Джонсборо. 4 сентября он телеграфировал в Ричмонд, что его армия теперь базируется у железнодорожной станции Лавджой милях в 30 к югу от Атланты.

В ночь на 2 сентября Шерман в волнении прогуливался у своей штабной палатки, близ Джонсборо. Слыша грохот взрывов со стороны Атланты, он опасался, что Худ атакует оставшегося в одиночестве Слокама. Генералу так и не удалось уснуть. На рассвете он услышав поблизости оживленные возгласы, смех. Это Томас, только что получивший от Слокама сообщение о бегстве армии Худа, громко читал его оказавшимся рядом солдатам и офицерам. А 20-й корпус во главе со Слокамом как раз в эти утренние часы входил в оставленную противником Атланту.

Вечером 2 сентября Линкольн работал в своем кабинете. Он не заметил, как задремал, но вскоре настойчивый стук в дверь разбудил его. Вошедший Хэллек молча протянул только что полученную от Шермана телеграмму, в которой президенту сразу же бросились в глаза пять подчеркнутых слов: «Атланта наша и завоевана безусловно»¹⁶⁰. Зная обо всех сложностях и проблемах Вашингтонского руководства, Шерман последним словом хотел выразить свою решимость ни при каких условиях не отдавать Атланту противнику. Этот город был настолько важен для Конфедерации, что Ф. Энгельс счел необходимым отметить в письме К. Марксу от 4 сентября (в те далекие времена вести из Америки доходили, как вы понимаете, гораздо медленнее, чем сейчас): «Справится ли Шерман с Атлантой, неизвестно, однако полагаю, что у него большие шансы... Падение Атланты явилось бы тяжелым ударом для Юга»¹⁶¹. Шерман справился!

Север ликовал. В честь Шермана и его армии слагались поэмы, сочинялись марши, а Линкольн даже распорядился отслужить в церквях благодарственные молебны и прислал Шерману телеграмму с выражением «благодарности нации». Получил Шерман телеграмму и от Гранта. В ней говорилось: «В честь твоей великой победы я приказал произвести салют боевыми снарядами из орудий всех батареи, направленных на противника»¹⁶², т.е. на укрепления Питерсберга. Подытожим: в ходе кампании за овладение Атлантой, с 4 мая по 2 сентября. У северян выбыли из строя 31 687 человек, в том числе 4423 были убиты. Потери мятежников, соответственно: 34979 и 3044¹⁶³.

Пробыв несколько дней в Джонсборо в надежде «перехватить» отступавшую армию Худа, Шерман 7 сентября прибыл в Атланту. В ходе осады горожане терпели серьезные лишения. Доброволец из штата Нью-Йорк Э. Уэллер писал в эти дни невесте из Атланты: «Город густо изрешечен нашими ядрами и снарядами. На его главной улице с трудом можно отыскать жилое или торговое здание, не пораженное ими. Некоторые семьи выкопали в своих садах пещеры, приспособив их для: жилья: настелили полы, покрыли их коврами, принесли мебель. Многие из них говорили мне, что во время бомбардировки города нашими осадными орудиями они, по сути дела, жили в этих пещерах»¹⁶⁴.

¹⁶⁰ Report of Major General W. T. Sherman. Millwood, 1977. P. 189.

¹⁶¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 30. С. 350.

¹⁶² Report of Major General W. T. Sherman. P. 191.

¹⁶³ Tragic Years, 1860—1865. A Documentary of the American Civil War: Vol. 1—2 / Ed. by P. Angle, E. Miers. N. Y., 1960. Vol. 2. P. 889. (Далее: ТУ).

¹⁶⁴ Weller E. A Civil War Courtship. The Letters of E. Weller from Antietam to Atlanta/Ed. by W. Walton. Garden City, 1980. P. 104.

Но эти неизбежные издержки войны не меняют подтверждаемого документами факта: Шерман и его солдаты не желали принести лишения и вред гражданскому населению Юга. Опасаясь, что присутствие в фактически прифронтовом городе мирного населения обречет его на новые жертвы и лишения, Шерман 7 сентября известил горожан, что они должны в кратчайшие сроки выехать из Атланты в направлении, которое сами выберут. Разумеется, этот шаг вызвал на Юге бурю протестов и патетических обвинений в адрес Шермана, но его это мало волновало. Еще 4 сентября он телеграфировал Хэллеку: «Если этот народец (население Джорджии. — С. Б.) поднимет вой насчет моего варварства и жестокости, я отвечу, что война — это война, а не погоня за популярностью. Если они хотят мира, то им и их родственникам следует прекратить эту войну»¹⁶⁵.

Ситуация тех дней осложнялась тем, что Худ неожиданно двинул остатки своей армии на северо-запад. Уйдя в сторону от Атланты, он явно рвался в штаты Среднего Запада. Некоторое время Шерман пытался преследовать его, но затем поручил это специально выделенным группам Томаса и Скофилда. В письме Томасу от 20 октября Шерман так объяснял это решение: «Преследовать Худа глупо, так как он может крутиться и изворачиваться, подобно лисе, и измотать нашу армию в ходе преследования»¹⁶⁶.

Линкольн и Грант, однако, были крайне обеспокоены выпадами «недобитого» Худа. Но Шерману в длительной переписке с Грантом удалось отстоять свой план: наступать на Саванну, отказавшись при этом от коммуникаций и какой-либо связи со столицей. Грант сам не раз прибегал к такому методу, в котором, несмотря на риск, было немало преимуществ. Но теперь, в споре с Грантом, Шерману пришлось доказывать, что во враждебной местности (каковой и была Джорджия) содержание коммуникаций и их охрана обходятся крайне дорого в прямом и в переносном смысле. «...Попытка удержать эти дороги, — телеграфировал он Гранту 9 октября, — приведет лишь к ежемесячной потере тысячи человек и не даст никакого результата. Я могу проделать этот марш и заставлю Джорджию застонать»¹⁶⁷. Будущий решительный марш, доказывал Шерман, принципиально изменил бы всю ситуацию: «Вместо ведения обороны я буду наступать. Вместо раздумывания над тем, что он (Худ. — С. Б.) намеревается сделать, я заставлю его самого ломать голову над моими планами»¹⁶⁸. По-видимому, эти доводы окончательно убедили Гранта. Спустя более 20 лет он писал в мемуарах: «На вопрос о том, кому принадлежит замысел марша от Атланты к Саванне, легко ответить: это, безусловно, был Шерман. Ему же принадлежит и честь великолепного осуществления этого плана»¹⁶⁹.

Перед началом марша Шерман отправил в Чаттанугу раненых, больных, излишки артиллерии — все, что могло помешать ему в походе. В последние дни подготовки марша была повреждена железнодорожная колея и уничтожен проволочный телеграф, чтобы никто не мог узнать что-либо об армии Шермана. С этого момента, с 14 ноября, все 68-тысячное войско Шермана почти на месяц исчезло для внешнего мира. Одна за другой части северян покидали Атланту, и днем 16 ноября выступила в поход последняя из них.

Известия о выступлении армии Шермана из Атланты «куда-то на юг» привели в Конфедерации к взрыву как паники, так и судорожной воинственности. С призывами к населению Джорджии обращались министры и сенаторы Конфедерации. 19 ноября из Ричмонда пришло очередное воззвание от шести конгрессменов-южан, писавших: «Пусть каждый

¹⁶⁵ Report of Major General W. T. Sherman. P. 190.

¹⁶⁶ Ibid. P. 236.

¹⁶⁷ Ibid. P. 222.

¹⁶⁸ Ibid. P. 226.

¹⁶⁹ Grant U. S. Personal Memoirs: Vol. 1—2. N. Y., 1894. Vol. 2. P. 562.

мужчина возьмется за оружие! Уводите ваших негров, лошадей, скот и продовольствие от армии Шермана! Сжигайте все, что не можете унести! Сжигайте все мосты, прочно блокируйте все дороги на его пути! Атакуйте захватчика во фронт, во фланги, в тыл днем и ночью! Не давайте ему отдыха!»¹⁷⁰ Но и эти призывы мало что могли изменить.

Гигантская армия Шермана шла вперед четырьмя мощными колоннами; при ней было 65 орудий, до 600 санитарных повозок, 2,5 тыс. фургонов с продовольствием и боеприпасами. Иногда на авангарды и фланги армии пытались напасть кавалеристы Уилера и милиционеры Джорджии, но северяне легко их отбрасывали. Тогда мятежники стали зарывать в землю на пути движения северян самодельные мины, на которых подорвались несколько солдат. Но Шерман распорядился вести перед колоннами группы пленных, которых заставляли кирками и лопатами откапывать мины. А когда пресса Юга в очередной раз обвинила генерала в жестокости, он ответил, что мятежники хотели этими минами убить его солдат, он же спасает их жизни, отчасти рискуя при этом жизнями солдат противника, которых вовсе не обязан жалеть. Операция Шермана была секретом для всех, кроме узкого круга военно-политического руководства Севера, но конкретных ее деталей не знал никто. А газеты Юга настойчиво уверяли читателей, будто армия северян «умирает с голоду», мечтая скорее добраться до побережья и укрыться под защиту флота Союза. Взволнованный Линкольн как-то раз в начале декабря попросил Гранта сообщить ему хоть что-нибудь о Шермане. Не вдаваясь в детали, Грант ответил, что огромную армию, да еще во главе с таким героем, как Шерман, победить невозможно. С тех пор на вопросы назойливых газетчиков о судьбе армии Шермана президент отвечал так: «Грант говорит, что с таким генералом они в безопасности и что, если они не сумеют пробраться туда, куда хотят, они смогут уползти назад через нору, в которую влезли»¹⁷¹. Но Шерман и не думал «уползти назад». Его колонны стремительно шли вперед. В целях снабжения огромной армии Шерман приказывал реквизировать у населения (так и хочется добавить: «симпатизировавшего мятежникам»), но, по-видимому, в той обстановке рвавшиеся к победе солдаты не слишком внимательно исследовали симпатии и антипатии жителей Джорджии) продовольствие, лошадей, мулов. Одновременно разрушались расположенные в важных стратегических пунктах укрепленные здания, предприятия, железнодорожные строения и сама колея, чтобы ничто не смогло более послужить мятежникам в эти последние месяцы войны. Нигде не задерживаясь, даже в столице Джорджии Милледжвилле (ее северяне миновали 23 ноября), Шерман рвался к океану.

В первых числах декабря его колонны одна за другой начали в различных местах выходить к побережью Атлантики. А с поджидавших Шермана судов флота Севера еще в конце ноября была высажена на побережье диверсионная группа, которая 6 декабря попыталась перерезать железную дорогу Саванна—Чарлстон (это окончательно отрезало бы Саванну от внешнего мира), но мятежники сумели отбиться. Любопытно, что при этом милиционеры из Джорджии категорически отказывались воевать «на иностранной территории», т.е. в Южной Каролине, и их командиру пришлось хитростью бросить их против северян, переведя в темноте поезд на пути, ведущие к Чарлстону.

Разведчики Шермана сообщили, что оборона Саванны сильна, город защищают примерно 5—6 тыс. солдат и 8—10 тыс. милиционеров. Поскольку солдаты Шермана устали от долгого марша, генерал стал было склоняться к мысли об осаде Саванны. Но такое решение было не в его характере, и вскоре Шерман приказал захватить мощный форт Макаллистер — ключ к Саванне с юга, милях в 15 от нее. Днем 11 декабря штурмовая дивизия У. Хейзена пошла в атаку, за которой Шерман и офицеры штаба наблюдали с крыши ближней рисовой мельницы. Орудия форта встретили наступавших яростным огнем. Когда рассеялся густой дым, Шерману на мгновение показалось, что мощный залп смел всю дивизию прорыва. В отчаянии он опустил подзорную трубу, но, как выяснилось, на пути наступавших оказалась большая впадина, минуя которую, они на пару минут скрылись из виду. Кстати, впадина спасла жизни многим

¹⁷⁰ *Miers E. S. Op. cit. P. 234.*

¹⁷¹ *Grant U. S. Op. cit. Vol. 2. P. 557.*

северянам, укрыв их от убийственного огня. И вот уже дивизия Хейзена возникла на дальнем гребне впадины и продолжила штурм. А еще через несколько минут солдаты карабкались на брустверы форта.

Именно в те минуты со стороны пролива Оссабо показалось судно с флагом США. Это была канонерка «Одуванчик», которая уже несколько дней вместе с другими судами северян высматривала, не появится ли где-нибудь армия Шермана. Сигнальщик «Одуванчика», адресуясь к группе на крыше мельницы, просигналил: «Кто вы?» Сигнальщик Шермана ответил: «Генерал Шерман». — «Взят ли форт Макаллистер?» — последовал новый вопрос. Шерман приказал ответить: «Еще нет, но будет взят через минуту»¹⁷². Генерал чуть-чуть ошибся: форт продержался еще минут пять. Примерно четверть его гарнизона погибла при штурме, остальные попали в плен. Шерман же, добравшись на шлюпке до «Одуванчика», а затем и до флагманского корабля северян, телеграфировал в Вашингтон, что судьба Саванны предрешена. Север вновь ликовал: Шерман и его армия не только «нашлись», но и вышли к океану, разрубив территорию мятежников.

17 декабря Шерман направил «старому знакомому», генералу Харди, теперь стоявшему во главе обороны Саванны, предложение о сдаче города. На следующий день Харди прислал отказ, и Шерман приказал готовиться к штурму. Но и Харди, конечно, понимал, что Саванну ему не спасти. Спешно прибывший туда из Чарлстона командующий всеми силами Конфедерации на юге-востоке генерал Борегар также настоятельно посоветовал Харди поскорее оставить город, пока еще был шанс отойти к Чарлстону. Поколебавшись, Харди согласился. Его солдаты скрытно навели три понтонных моста через рукава реки Саванна, и в ночь на 21 декабря войско Харди ускользнуло из города и ушло в Чарлстон. А уже в 5 часов утра в Саванну вступали отряды Шермана, которым досталось 800 пленных, более 100 орудий, 12 тыс. кип хлопка, 13 паровозов и 190 вагонов с различным имуществом, 3 парохода, множество боеприпасов и проч.¹⁷³

Счастливый Шерман отправил Линкольну телеграмму, текст которой, навсегда оставшийся в истории США, гласил: «Прошу Вас принять в качестве рождественского подарка город Саванну со 150 тяжелыми орудиями, множеством снаряжения, а также примерно 25 тысячами кип хлопка»¹⁷⁴. Цифры в этой телеграмме несколько завышены: Шерман торопился обрадовать президента и прикинул все «на глазок». Его же войско в ходе месячного марша от Атланты и боя за форт Макаллистер потеряло чуть более 800 человек.

И все же значение блестяще осуществленного марша Шермана вряд ли следует считать решающим для исхода войны. А. Бэрне писал в связи с этим: «Очевидно, что ни один из этих маршей не оказал такого непосредственного влияния на крушение Конфедерации, каковым явился военный разгром армии Северной Виргинии»¹⁷⁵. Об этом же говорят и факты, беспристрастные цифровые данные.

Отличный рождественский подарок получил в конце года и сам Шерман. Преподнес его генерал Томас, который был еще в октябре направлен Шерманом в столицу Теннесси — Нашвилл, чтобы сдерживать там попытки Худа захватить этот штат. Вначале, правда, генерал Скофилд (его Огайскую армию Шерман также бросил на оборону от мятежников штата Теннесси) нанес Худу тяжелейший урон в ноябрьских боях у Спринг-Хилла и Франклина; в последнем бою, кстати, были убиты шестеро генералов-южан, а еще один попал в плен. Затем Худ осадил Нашвилл, но части Томаса и Скофилда решительно атаковали его и в двухдневном

¹⁷² Miers E. S. Op. cit P. 266.

¹⁷³ Report of Major General W. T. Sherman. P. 285.

¹⁷⁴ Ibid.

¹⁷⁵ Burne A. H. Lee, Grant and Sherman. A Study in Leadership in the 1864—65 Campaign. Aldershot, 1938. P. 199. Подробнее см.: Бурин С. Н. Марш Шермана к морю // Вопр. истории. 1987. № 5. С. 100-113.

сражении 15—16 декабря разбили мятежников наголову. Северяне взяли в плен 4462 мятежника, а еще 1,5 тыс. были убиты и ранены. Потери Томаса составили 3061 человека (в том числе 387 убитыми)¹⁷⁶. Это единственный случай в ходе данной войны, когда одна из армии была фактически уничтожена на поле боя.

Шеридан против Эрли

Ко времени завершения войсками Шермана легендарного марша к Атлантическому океану Линкольн уже одержал победу на выборах. Но в начале сентября взятие северянами Атланты крайне помогло республиканской администрации стабилизировать свое положение накануне выборов.

К тому же решительная политика администрации Линкольна, вначале понятая и принятая даже не большинством американцев, постепенно завоевывала все больше сторонников. Сам же Линкольн уже с осени 1862 г. не мог осуществлять военно-политическое руководство прежними, «конституционными» методами, ибо, выражаясь современным языком, «кредит доверия», отпущенный населением Севера его администрации, явно иссякал.

Но к началу осени 1864 г., особенно после падения Атланты, это пошатнувшееся было доверие вновь укрепилось благодаря решительным политическим мерам Линкольна, а в области военной — принципиально новой стратегической концепции главнокомандующего Гранта. Важным компонентом в ее осуществлении стали в те дни операции генерала Ф. Шеридана в Долине. Напомним, что еще в начале мая 1864 г. Зигель пытался там наступать, но был остановлен мятежниками. Затем попробовал прорваться в Долину генерал Хантер, но и он был разбит поисками одного из лучших командиров Юга — Джубала Эрли — формального и фактического преемника знаменитого Джэксона Каменная Стена. В начале этой фазы боев в Долине амбициозный Хантер, вступив 11 июня со своим войском в городок Лексингтон, распорядился сжечь здание Виргинского военного института, связанного с именем Вашингтона и других национальных героев США. Этот ничем не мотивированный поступок вызвал резкий протест даже на Севере, а разгневанный Ли приказал Эрли совершить в отместку налет на Вашингтон, а затем расправиться и с Хантером.

Но как только 13-тысячное войско Эрли перед рейдом на Вашингтон все-таки «завернуло» в Долину, трусливый Хантер после первого же столкновения с южанами (17—18 июня) стремительно отступил на запад, даже не попытавшись оказать сопротивления. А части Эрли уже 6 июля перешли реку Потомак у Шепердстауна, начав третье вторжение на Север в ходе войны. Заявив, что Север должен в буквальном смысле слова расплатиться за сожжение Виргинского военного института, Эрли налагал «контрибуцию» на северные городки, через которые шквалом проносилось его войско. С горожан Хейгерстауна Эрли потребовал 20 тыс. долл., в г. Фредерике — 200 тыс. При этом мятежники продолжали идти на Вашингтон, в котором уже началась паника. Уступая истерическим призывам Стэнтона, Грант снял два корпуса Потомакской армии из-под Питерсберга и направил к столице.

Одна из дивизий этих корпусов, возглавляемая Л. Уоллесом, вместе с милиционерами-ополченцами из Балтимора (всего до 6 тыс. человек) попыталась 9 июля преградить путь Эрли у речки Монокаси. Но Эрли, обрушив на северян мощный артиллерийский огонь, быстро отбросил их с пути, потеряв при этом менее 700 человек; северяне потеряли 1800 человек¹⁷⁷. До Вашингтона оставалось 40 миль, но войск, способных противостоять Эрли, впереди уже не было! Пройдя в течение 10 июля еще 30 миль из этих 40, мятежники утром 11-го числа остановились близ форта Стивенс, практически в конце вашингтонской 7-й стрит. И тут-то Эрли, в лучших традициях своих северных «коллег» Макклеллана, Батлера, Бэрнсайда, Бэнкса и прочих, испугался, что северяне подготовили ему

¹⁷⁶ *Boatner M. M. Op. cit P. 582.*

¹⁷⁷ *Ibid. P. 562.*

ловушку, и несколько часов простоял перед укреплениями столицы. А за ними в тот момент были лишь хилые силы ополчения: юнцы, не умевшие стрелять, и даже уволенные из армии инвалиды.

Тем не менее страху на жителей столицы Эрли, конечно, нагнал. Сам Линкольн 11 июля счел необходимым явиться прямо на передовые позиции, чтобы разобраться в происходящем. Хэй писал в этот день в дневнике: «Он (президент. — С. Б.) был в форте Стивене, когда тот подвергся первой атаке, и стоял прямо на бруствере. Один солдат резко приказал ему спуститься вниз, иначе его голову оторвало бы выстрелом»¹⁷⁸. Но вернулся президент из форта в отличном настроении: к моменту атаки Эрли в форт Стивенс уже вошли только что прибывшие от Питерсберга подкрепления, и шансы мятежников хотя бы на частичный успех упали до нуля. А утром 12 июля солдаты-потомакцы вместе с ополченцами сами двинулись в атаку на Эрли, и тот поспешно ретировался. Особых потерь стороны не понесли, но мятежники удрали в такой спешке, что бросили у стен Вашингтона до 400 раненых. Правда, Эрли удалось сохранить захваченный им ранее обоз, поистине драгоценный для обнищавшей Конфедерации — там было продовольствие, боеприпасы, товары, ценности на общую сумму 220 тыс. долл.

Историки и мемуаристы сломали немало копий в спорах о том, что мог бы (или не мог) принести Югу этот рейд. Влиятельный в штабе Эрли офицер Г. Дуглас справедливо писал в мемуарах: «Говорят, что если бы Эрли двигался быстрее — при этом, очевидно, полагая, что все его солдаты стали бы кентаврами, — и атаковал бы: без промедления, он смог бы войти в Вашингтон. Я не верю в это. Если бы он туда вошел, убежден: он никогда бы не выбрался оттуда. Не сомневаюсь, что на самом деле ни он, ни любой из его офицеров никогда и не надеялись взять Вашингтон»¹⁷⁹.

Отыгрываясь за неудачу у Вашингтона, Эрли разорял северные города и местечки, вторгшись после короткой паузы уже не в Мэриленд, а в Пенсильванию. Ворвавшись 31 июля в г. Чеймберсберг, Эрли потребовал у его мэра выкуп в 500 тыс. долл., «любезно» предложив заменить его на 100 тыс. долл. золотом. Но в городе не было ни того, ни другого, и Эрли приказал сжечь Чеймберсберг, хотя даже некоторые из его офицеров протестовали. Возмущенный этой акцией, Линкольн срочно вызвал Гранта в Вашингтон и поручил ему «разделаться» с Эрли как можно скорее. Итогом этого короткого разговора явилось создание новой армии Шенандоа (по имени Долины, где ей предстояло воевать) во главе с Шериданом. Приняв 7 августа командование над 48-тысячным войском (6,4 тыс. составляла отборная кавалерия), Шеридан двинулся в Долину. Узнав об этом, Ли срочно послал в помощь Эрли 6-тысячный корпус Лонгстрита, что осложнило задачу Шеридана.

У северян были и иные трудности: на их тылы и фланги постоянно нападали уже знакомые нам «партизаны» — банды головорезов, дезертиров, деклассированных лиц, привычных к грабежам и убийствам. Особенно Досаждали Шеридану группы «партизан» во главе с полковником Дж. Мосби, и тогда генерал-северянин решил выбить клин клином. На базе 17-го кавалерийского полка добровольцев Пенсильвании Шеридан создал специальное ударное подразделение для борьбы с «партизанами» (а также для разведки). Эти молодые, прекрасно державшиеся в седле парни чаще всего переодевались в форму южан и, обусловив место встречи, растекались по их тылам. Эта служба была крайне опасна: многих из них мятежники поймали и казнили, а кое-кто, не успев переодеться при возвращении, погиб от пуль своих же снайперов. Значительного вреда опытнейшему Мосби пенсильванцы не нанесли, зато неизменно держали Шеридана в курсе всех перемещений противника.

А Грант тем временем продолжал сжимать кольцо осады вокруг Питерсберга, и Ли пришлось отозвать Лонгстрита назад. Едва разведка северян установила это, как Грант дал Шеридану короткую телеграмму: «Иди внутрь (т.е. в Долину. — С. Б.)». Поясним, что к тому времени Шеридан, пытаясь выманить Эрли из Долины, отошел немного на север, к г. Хэллтауну. Получив 9 сентября эту телеграмму от Гранта, Шеридан вновь двинулся в Долину.

¹⁷⁸ Hay J. Lincoln and the Civil War in the Diaries and Letters of J. Hay. N. Y., 1939. P. 208.

¹⁷⁹ Douglas H. K. I Rode with Stonewall. Chapel Hill, 1940. P. 295.

Рано утром 10 сентября его авангард атаковал Эрли у ручья Опековон и после ожесточенной схватки обратил мятежников в бегство. Особенно отличилась кавалерия. За эту победу конгресс США «от имени нации» наградил Шеридана золотой саблей.

Северяне продолжали гнать Эрли прочь из Долины. По приказу Шеридана они оставляли за собой полосу выжженной земли, уничтожая все, что могло бы снабдить армию Эрли: амбары, склады, поля, лавки. В одном местечке, где было сожжено все, кроме церкви, на ее стене кто-то из северян углем написал: «Это — за Чеймберсберг!» После того как Шеридан нанес Эрли еще два сокрушительных удара при Винчестере и при Фишерс-Хилле (19 и 22 сентября), казалось, что с мятежниками в Долине покончено навсегда. В этих боях появлялись новые герои: отличался особым мужеством, например, молодой генерал Дж. Кастер. Во время небольшого боя у городка Гаррисонберга (9 октября) Кастер, несясь в атаку во главе своих кавалеристов, вдруг притормозил и, не сходя с коня, ухитрился сделать забавный реверанс, крикнув южанам: «Ребята, давайте устроим честный бой. Никакой злобы!»¹⁸⁰ Что ж, остается еще раз подивиться (а быть может, и восхититься?) наивно-старомодному рыцарству, нередко проявлявшемуся в этой войне.

В первой половине октября, когда у Питерсберга установилось затишье, Ли укрепил части Эрли пехотной дивизией и кавалерийской бригадой. Эрли решил, что настал час взять реванш у Шеридана, части которого в те дни стояли лагерем близ ручья Сидэр, к северу от г. Страсбург. 13 октября кавалерия Эрли, стремительно атаковав северян, вдруг столь же молниеносно ретировалась. Шеридан хотел было преследовать Эрли, но 16 октября его сигнальщики перехватили послание, которое передавалось для Эрли с вершины одной из гор. Текст гласил: «Будьте готовы атаковать, как только мои части присоединятся к Вам, и тогда мы сможем сокрушить его (Шеридана. — С. Б.), даже если он узнает, что я к Вам присоединился. Лонгстрит»¹⁸¹. Как выяснилось позднее, это было намеренной дезинформацией, с помощью которой Эрли хотел припугнуть Шеридана и заставить его отступить. Но Шеридан не отступил, хотя и атаковать, как только что планировал, не решился. А тут как раз генерала на пару дней вызвали в Вашингтон, в министерство обороны.

Очевидно, узнав об этом от разведчиков, Эрли решил разгромить северян до возвращения их командира. В ночь на 19 октября его части скрытно перешли горный хребет Массанатен, прикрывавший левый фланг лагеря Шеридана у ручья Сидэр, и обрушились на спящих солдат. Началась паника, и только 6-й корпус во главе с Г. Райтом более или менее достойно отбивался от наступавших, которые, установив на ближнем холме Капп свои орудия и развернув брошенные там бежавшими северянами, вели по оборонявшимся нещадную пальбу. Но затем Эрли совершил ошибку: он позволил своим солдатам сделать паузу «для отдыха». После того как шеридановцы почти полностью опустошили Долину, солдаты Эрли получали резко ограниченные рационы (этого-то Шеридан и добивался!), так что они с энтузиазмом набросились на разносолы, оставшиеся в брошенных северянами палатках и фургонах.

Завтракал в это время и Шеридан, но милях в 15 от места боя, в Винчестере. Он возвращался из Вашингтона, еще ничего не зная. Когда рано утром офицер пикета сообщил ему, что со стороны лагеря у ручья Сидэр доносится беспорядочная пальба, генералу и в голову не пришло, что «разгромленный» Эрли пытается атаковать. Все же Шеридан раньше, чем собирался, поскакал к лагерю. Уже через несколько минут он по звукам орудий (у противников, как правило, были орудия разных систем, и специалисты легко различали их на слух) понял, что идет самый настоящий бой. Вскоре Шеридан в потрясении увидел бегущие навстречу разбитые части своей армии. Глядя на удручающую картину отступления, один из офицеров, сопровождавших генерала, предложил «на всякий случай» вернуться в Винчестер. Шеридан в бешенстве воскликнул: «Что Вы хотите этим сказать? Что Джубал Эрли выгнал меня из

¹⁸⁰ *Urwin G. J. W. Custer Victorious. The Civil War Battles of General G. A. Custer. Rutherford, 1983. P. 199.*

¹⁸¹ *Burne A. H. Op. cit. P. 162.*

Долины? Да я еще до вечера пожру его, как пламя!»¹⁸²

Генерал сорвал с себя голубую шляпу и, призывно размахивая ею, приподнялся на стременах. Его громовой голос перекрыл гомон бегущей толпы и рокочущий гул орудий. «Кругом, ребята! — кричал Шеридан. — Кругом! Мы возвращаемся!» И он поскакал вперед, продолжая размахивать шляпой. За ним мчался его адъютант, высоко подняв личный штандарт Шеридана — красно-белый флажок с двумя белыми звездами на красном поле. И всего несколько человек эскорта скакали позади...

Да, в смысле переменчивости, неожиданности, драматизма сюжетов это была, пожалуй, самая захватывающая война нового времени. Произошло невероятное: десятки, сотни, тысячи беглецов, еще минуту назад совершенно деморализованных, в едином порыве развернулись и помчались следом за генералом, не зная и так и не узнав поражений. Из невзрачных лужиц, ручейков, капель вдруг родилось голубое море, с грозной неотвратимостью катившееся назад, к брошенному лагерю. Доскакав до позиций все еще державшего оборону 6-го корпуса, Шеридан после паузы понесся дальше, прямо на мятежников. За ним устремилась дивизия генерала Гэтти, наиболее стойко отбивавшая натиск южан, следом — другие части. Одновременно в атаку ринулись кавалерийские дивизии Дж. Кастера и У. Мэррита. Ничего не понимавшие мятежники, только что торжествовавшие победу, приготовились к обороне. Но было уже поздно.

Голубое море накатилось на серые мундиры южан и поглотило их. Удивительная кампания Шеридана в Долине окончилась: воевать там было больше не с кем.

Спустя полмесяца, 8 ноября, состоялись президентские выборы, на которых Линкольн получил 2,2 млн голосов, а Макклеллан — лишь 1,7 млн. Новая победа республиканцев на выборах окончательно лишала мятежников надежд на мирное решение конфликта. Вечером 10 ноября, едва стали известны итоги подсчета голосов, Грант в телеграмме Хэллеку просил поздравить президента с успехом и писал: «Эта победа для страны стоит больше, чем выигранное сражение»¹⁸³. Но, отдавая голоса за Линкольна, американцы голосовали и за его лучших генералов: Гранта, Шермана, Шеридана... Когда же в конце года страна узнала о выходе армий Шермана к Атлантике, мало у кого, даже на Юге, остались какие-либо сомнения в том, что наступающий год станет последним годом войны.

Глава 8. Победа!

Марш Шермана продолжается

И вот после почти четырех лет кровопролитной войны наступили ее завершающие месяцы, ее финальный акт. Есть какая-то закономерность в том, что со стороны Севера главными действующими лицами этого акта стали три героя войны — Грант, Шерман, Шеридан. Именно им было суждено ярко, эффектно завершить войну, разгромив (что тоже символично) армии лучших военачальников южан — Р. Ли и Дж. Джонстона.

Шерман сразу же после завершения своего триумфального марша к Атлантике в переписке с главнокомандующим Грантом стал обсуждать маршрут дальнейшего движения.

Сам Шерман планировал двигаться прямо на столицу Южной Каролины — Колумбию и далее через этот штат, через Северную Каролину с выходом в Виргинию и ударом по району Ричмонда—Питерсберга с юга. А Грант сначала предлагал, чтобы Шерман, оставив некоторое количество войск в районе Саванны, с остальными частями переправился на судах в Виргинию и, высадившись в форте Монро, помог Потомакской армии поскорее разделаться с армией Ли. Но Шермана такой вариант не устраивал. Еще в письме Гранту от 24 декабря он пояснил,

¹⁸² Dupuy R. E. and T. N. The Compact History of the Civil War N. Y., 1962. P. 350.

¹⁸³ Papers of U. S. Grant / Ed. by J. Simon. Carbondale (Ill.), 1980. Vol. 11. P. 561.

почему его не прельщает атака на крупные порты Конфедерации (к тому времени они были почти полностью блокированы флотом и армией Севера и, строго говоря, портами уже не являлись), в частности на Чарлстон. Шерман писал: «Чарлстон сейчас — просто заброшенная развалина, и вряд ли он стоит времени, которое ушло бы на взятие его измором»¹⁸⁴.

Отметим, что некоторые историки усматривают в этом споре давних друзей нечто вроде сутяжничества из-за того, кому достанется большая доля славы: ведь в случае согласия Шермана он оказался бы в прямом подчинении у Гранта. Эти домыслы опровергаются множеством документальных данных, в частности тем, что, когда в январе 1865 г. конгресс Союза предложил к принятию билль о присвоении Шерману звания генерал-лейтенанта (это звание носил тогда лишь Грант), он писал брату 22 января: «Я не приму чина, которым повел бы к возникновению соперничества с Грантом... Я имею все звания, какие хочу... мне все равно, генерал-майор я или маршал»¹⁸⁵. Грант, в конечном счете согласившись с доводами Шермана, санкционировал его вариант наступления.

Дав отдохнуть уставшей армии, пополнив запасы боеприпасов, продовольствия, обновив обмундирование, Шерман уже в конце января выступил из Саванны на север. Время года не подходило для дальних маршей: шли непрекращавшиеся дожди, по дорогам катились потоки грязи и воды, что остановило бы, пожалуй, любую армию, но не 60-тысячное войско Шермана, которое неумолимо шло вперед. В Ричмонде сообщения о новом наступлении северян вызвали панику. Ли приказал разбитому под Нашвиллом Худу срочно идти с остатками армии и пополнениями из новобранцев наперерез Шерману и остановить его. Одновременно в Северной Каролине проходил экстренный набор милиции, и вскоре этот штат выставил против Шермана до 40 тыс. человек. Во главе их фактически стоял Борегар, формально командовавший войсками Конфедерации в обеих Каролинах и в Джорджии (последней, впрочем, мятежники лишились после занятия Шерманом Саванны). Кроме того, примерно 20-тысячное войско во главе с Брэггом караулило в Северной Каролине армию Скофилда, еще в начале января посланную Шерманом для захвата важнейшего порта Уилмингтона и дальнейшего соединения с основной группой.

Взятию Уилмингтона предшествовала важная операция по овладению своего рода ключом к нему — фортом Фишер. Эта операция началась еще в декабре 1864 г. Тогда взятие форта было поручено Батлеру при поддержке флота, но генерал, боясь штурмовать мощные стены Фишера, выдвинул авантюрный план: тайно подвести к ним начиненное порохом судно и взорвать его вместе со стенами. В ночь на 24 декабря эта вздорная попытка окончилась, как и следовало ожидать, бесполезным взрывом судна, так и не подведенного вплотную к стенам форта. Батлер, не поддержав атаки флота и бросив на простреливаемом берегу до 600 своих успевших высадиться десантников, постыдно бежал в форт Монро. Немедленно уволив Батлера за трусость, Грант назначил на его место генерала Альфреда Тэрри, который в течение 12—15 января при активном участии флота осуществил эту сложнейшую и крайне важную для Севера операцию, захватив форт Фишер и полностью разгромив его гарнизон. Северяне при этом потеряли 1311 человека (включая 386 погибших и раненых моряков), а потери южан доходили до 2,5 тыс. человек (точных цифр мятежники с завидным упорством не давали), при этом в плен попали 2083 человека¹⁸⁶. А 22 февраля части Скофилда и Тэрри вступили в Уилмингтон. Брэгг не успел этому помешать, и теперь его задачей было не пропустить Скофилда в район Голдсборо, где намечалось его соединение с Шерманом.

В обстановке нарастающего хаоса мятежники не могли даже определить, куда идет Шерман, а он, сделав в общем-то бесхитростные выпады в сторону Огасты и Чарлстона, в конце концов прошел между ними. В итоге Колумбия, куда 17 февраля ворвались войска

¹⁸⁴ Report of Major General W. T. Sherman. Millwood, 1977. P. 289.

¹⁸⁵ Liddell Hart B. H. Sherman. The Genius of the Civil War. L., 1930. P. 367.

¹⁸⁶ Boatner M. M. Cassell's Biographical Dictionary of the American Civil War, 1861-1865. L., 1973. P. 294.

Шермана, оказалась вообще никем не защищенной. Конечно, мятежники и после этого не собирались складывать оружие. Генерал Ли (Дэвис еще 3 февраля, уступив нараставшим просьбам населения и армии, назначил Ли главнокомандующим всеми армиями Конфедерации) поставил командующим в обеих Каролинах Дж. Джонстона, который с июля 1864 г. (после снятия его Дэвисом за отступление к стенам Атланты) находился не у дел. В распоряжении Джонстона было примерно 45 тыс. человек, около половины из них он собрал в кулак в центре Северной Каролины (с Южной также пришлось проститься после потери ее столицы Колумбии и главных портов — Уилмингтона и Чарлстона), намереваясь дать там Шерману решительный бой, А Брэгг все еще «дежурил» между Уилмингтоном и Голдсборо, надеясь преградить дорогу Скофилду.

Шермана по-прежнему задерживали постоянные наскоки «партизан» и регулярных частей мятежников, грязь и дожди, но он продолжал идти вперед. 11 марта его части вступили в г. Фейетвилл, отбросив с пути пытавшийся остановить северян на окраинах города кавалерийский отряд противника. Правда, как признавался Шерман в мемуарах, известие о том, что ему теперь предстоит соперничать не только с неуравновешенными, эмоциональными Борегаром и Брэггом, но прежде всего с опытейшим Джонстоном, вынудило его «проявлять больше осторожности, чем до сих пор»¹⁸⁷. Когда рано утром 19 марта у Бентонвилла 27-тысячное войско Джонстона—Брэгга (правда, 10 тыс. солдат непосредственного участия в бою не принимали) ринулось в атаку на северян, те едва не обратились в бегство. Только утром 20 марта, после выхода к месту боя главных частей северян во главе с Шерманом, мятежникам самим пришлось ретироваться. В бою у Бентонвилла северяне потеряли 1646 человек, мятежники — 2605¹⁸⁸. С этого момента Джонстон, решив не испытывать судьбу, больше не атаковал Шермана. Поздно вечером 22 марта северяне вошли в Голдсборо, где на следующее утро к ним присоединились части Скофилда и Тэрри.

За два с небольшим месяца Шерман прошел от Саванны до Голдсборо примерно 425 миль. Эта часть наступления, учитывая крайне неблагоприятную погоду и нараставшее сопротивление мятежников, была неизмеримо труднее относительно безмятежного пути от Атланты до Саванны. Поэтому, по-прежнему планируя идти на соединение с Грантом, Шерман все же решил немного задержаться в Голдсборо.

К тому времени центр событий вновь переместился в Виргинию.

Завершающие бои

В конце января руководство Конфедерации предприняло отчаянную попытку добиться мира на почетных условиях. В расположение Потомакской армии прибыли (согласно предварительной переписке) три делегата Юга во главе с вице-президентом Конфедерации А. Стефенсом. 3 февраля у форта Монро, на борту президентского парохода с ними вели переговоры Линкольн и Сьюард. После нескольких часов бесплодных бесед посланцы мятежников уехали ни с чем: в доставленном ими письме Дж. Дэвиса и в их собственной позиции речь шла только о «двух странах», т.е. о сохранении раздельного существования Конфедерации и Союза, тогда как главным условием руководства Севера было именно воссоединение страны. Спустя месяц уже генерал Ли попытался встретиться с Грантом для обсуждения возможностей перемирия, но на запрос Гранта Стэнтон 3 марта телеграфировал: «Президент поручает мне сообщить Вам, что он не желает, чтобы Вы встречались с генералом Ли, если встреча не касается капитуляции армии генерала Ли»¹⁸⁹.

Примерно тогда же, в начале марта, Ли встретился с Дэвисом и сообщил ему, что ввиду

¹⁸⁷ *Sherman W. T. Memoirs. N. Y., 1890. Vol. 2. P. 378.*

¹⁸⁸ *Boatner M. M. Op. cit P. 61.*

¹⁸⁹ *Lincoln A. The Collected Works: Vol. 1—8 / Ed. by R. Easier. New Brunswick, 1953. Vol. 8. P. 330.*

безнадежности дальнейшей защиты Ричмонда и Питерсберга он вынужден будет оставить эти города и двинуть армию Северной Виргинии на соединение с силами Джонстона. Было необходимо сделать это прежде, чем Шерман соединится с Грантом. В ночь на 25 марта диверсанты-южане тайком подкрались к пикетам северян в форте Стэдмен, центральном укреплении в созданной войсками Гранта—Мида системе блокады Питерсберга, и убили всех часовых. Атака началась в половине пятого утра, но она не удалась Ли. Вначале дрогнув, северяне затем успели «заткнуть» образовавшуюся было в месте прорыва брешь и после упорного 4-часового боя отбросили мятежников на их исходные позиции. План Ли, его последний шанс, рухнул. На следующий день, 26-го, на соединение с Грантом вышел Шеридан, завершивший операции в Долине. И хотя попытка прорыва уже была отбита, прибытие шеридановцев оказалось как нельзя кстати: Грант решил нанести Ли решающий удар. Шеридану было поручено перерезать Уэлдонскую железную дорогу, чтобы не позволить мятежникам эвакуировать из Ричмонда правительство, золотой запас, боеприпасы — словом, ничего. В течение 29 марта — 2 апреля Грант успешно осуществил серию операций против частей мятежников в районе Питерсберг—Ричмонд и после решающей генеральной атаки, проведенной на рассвете 2 апреля, сдерживаемый южанами в течение 10 месяцев фронт рухнул в считанные минуты. Ли стало ясно, что отстоять Питерсберг и Ричмонд уже не удастся, но он еще надеялся оторваться от северян и соединиться с Джонстоном. Президент Дэвис и его правительство, предупрежденные Ли, спешно покинули Ричмонд и на поезде отправились в Данвилл — городок на границе Виргинии и Северной Каролины, который они тут же провозгласили «временной столицей» Конфедерации.

Ли сумел в обстановке хаоса и всеобщей паники приостановить натиск северян и вырваться во главе примерно 40 тыс. человек в район местечка Амелия. Там мятежники остановились, ожидая прибытия из Данвилла рационов, но кавалерия Шеридана, использовав эту задержку, зашла южанам в тыл и перерезала железнодорожную колею, да и остальные пути отхода к Данвиллу. С другого фланга Ли по пятам преследовал Грант. Все же надеясь прорваться, Ли двинул остатки армии к местечку Аппоматтокс, о котором в те дни едва ли знали все виргинцы. Ныне же оно известно каждому американцу, ибо именно там фактически и завершилась война.

Вновь опередив Ли, части Шеридана вечером 8 апреля ворвались на железно дорожную станцию Аппоматтокс (милях в 2—3 от самого местечка) и с ходу захватили стоявшие там четыре железнодорожных состава с продовольствием и боеприпасами для армии Ли. Еще накануне, 7 апреля, Грант через парламентаря предложил Ли сдаться во избежание дальнейшего кровопролития. Тот ответил, что не считает свое положение безнадежным, но на случай, если бы оно вдруг стало таковым, хочет знать условия Гранта, который сообщил: окончательные условия мира вправе подписывать только правительство Союза, его же вполне устроило бы обязательство Ли и его армии «не поднимать оружия против правительства США»¹⁹⁰. В ответ Ли предложил встретиться 9 апреля для более детального разговора.

Но когда вечером 8 апреля Ли донесли, что станцию Аппоматтокс заняла, по-видимому, лишь кавалерия северян, он поручил пехоте Дж. Гордона и кавалерии Ф. Ли атаковать и занять станцию, строго предупредив их, если вдруг появится пехота северян (с ней Ли уже не рисковал соперничать), следует немедленно отступить. Когда утром 9 апреля эта атака началась, казалось, что замысел Ли подтверждается: спешившиеся кавалеристы Шеридана вскоре почувствовали, что натиска опытных пехотинцев они не выдерживают. Но в это время вдали показалась гигантская масса пехоты северян, на ходу разворачивавшаяся для атаки. Гордон и Ф. Ли сразу же отвели войска назад и послали к Р. Ли курьера с донесением. А северяне по просьбе выехавшего им навстречу парламентаря согласились «отложить» атаку и дожидаться результатов ожидаемой встречи Ли и Гранта.

Эта историческая встреча состоялась днем 9 апреля в доме местного фермера У. Маклина, в котором ныне устроен мемориал. (Кстати, прежде Маклин жил в Манассасе, но после того как прямо у его дома прогремели два сражения при Булл-Ране, он уехал в захолустный

¹⁹⁰ Grant U. S. Personal Memoirs: Vol. 1—2. N. Y., 1894. Vol. 2. P. 628.

Аппоматтокс, где, как он верил, не будет таких ужасов. Но и последнее сражение этой войны настигло его.) Вначале, как шутливо вспоминал Грант, разговор с Ли «шел так приятно, что я чуть было не забыл о цели нашей встречи»¹⁹¹. Затем на листке бумаги Грант написал свои условия: северянам должны передать списки наличного состава войск, затем офицеры должны были дать подписку за себя и от имени солдат о лояльности к правительству США, после чего следовало передать северянам все армейское имущество. Офицерам, правда, разрешалось сохранить личное имущество и лошадей. По просьбе Ли лошадей сохранили и за теми солдатами, которые в свое время пришли с ними на службу. А после завершения формальной стороны сдачи все экс-мятежники могли отправляться домой.

Спустя три дня, 12 апреля, у Аппоматтокса состоялась церемония сдачи оружия армией Ли. К сомкнутому строю специально назначенных Грантом двух бригад Потомакской армии медленно, еле вытаскивая ноги из грязи, приближались колонны бывших солдат, три дня назад превратившихся в прежних фермеров, рабочих, клерков, но еще не сменивших военную форму на гражданское платье. Северяне не испытывали ненависти к бывшим противникам. Офицер-южанин Г. Дуглас вспоминал: «Плотная линия солдат Союза стояла напротив нас в полном молчании. Когда мой поредевший и оборванный отряд под изодранным пулями знаменем направлялся на свое место, кто-то в рядах голубых мундиров нарушил молчание и призывно выкрикнул троекратное приветствие последней из сдававшихся бригад. Оно было подхвачено всеми, кто знал, что оно означает. Но для нас это солдатское великодушие оказалось выше того, что мы могли вынести. Многие седые ветераны рыдали, как женщины»¹⁹². Затем бывшие мятежники стали расходиться.

Встал вопрос и о капитуляции остальных групп южан, прежде всего частей Джонстона, наиболее крупных. Но прежде чем Шерман и Джонстон для обсуждения формальностей встретились 17 апреля в столице Северной Каролины Роли, произошли события, повергшие страну в ужас. Вечером 14 апреля президент Линкольн, смотревший спектакль в театре Форда, был смертельно ранен актером-неудачником Джоном Бутсом. На следующий День президент скончался, и его место занял 57-летний вице-президент Эндрю Джонсон. Тогда же, вечером 14 апреля, в дом государственного секретаря Сьюарда ворвалось несколько убийц, один из которых ранил ножом Сьюарда, а затем и его 35-летнего сына Фредерика, бросившегося на защиту отца. Заговорщики намеревались убить и Гранта, но не застали его в президентской ложе в театре, а потом, хотя и пытались выследить, не нашли подходящего момента для нападения.

После некоторой заминки Джонстон и Шерман 26 апреля подписали перемирие, по которому в г. Гринсборо сложили оружие 37047 южан. Сдались и менее крупные их группы: Р. Тэйлор в Миссисипи и Алабаме (4 мая), Э. Кэрби-Смит в Арканзасе и Луизиане (26 мая) и проч. В последние дни войны кавалеристы генерала-северянина Уилсона провели в Алабаме блестящую по замыслу и исполнению рейдовую операцию, которую американские историки Р. и Т. Дюпай называли «провозвестником танковых блицкригов будущего»¹⁹³. А 10 мая в г. Ирвинсвилле, на границе Джорджии и Флориды, был случайно задержан и по установлению личности арестован экс-президент экс-Конфедерации Дэвис. 29 мая президент США Э. Джонсон в специальной декларации объявил об амнистии всем участникам мятежа, исключая высших военных и гражданских лидеров Конфедерации, лично ответственных за сецессию и разжигание войны.

Послесловие

¹⁹¹ Ibid. P. 630.

¹⁹² Douglas H. K. I Rode with Stonewall. Chapel Hill, 1940. P. 334.

¹⁹³ Dupuy R. E. and T. N. The Compact History of the Civil War. N. Y., 1962. P. 397.

Итак, мы расстаемся с героями книги, с захватывающими сражениями этой войны, с переломным для американской истории временем. Каковы же основные уроки тех трагических лет, почему к гражданской войне в Америке снова и снова обращается внимание обществоведов США и многих других стран? Прежде всего отметим, что значение этих событий выходило далеко за рамки временных и национальных границ. Еще на первом этапе войны, в октябре 1862 г., на это указывал Маркс, писавший, что «происходящие там (в США. — С. Б.) события имеют всемирное значение»¹⁹⁴. Ленин также подчеркивал «величайшее, всемирно-историческое, прогрессивное и революционное значение гражданской войны 1863—1865 годов в Америке!»¹⁹⁵ Говоря о войне «1863—1865 годов» (а не 1861—1865 гг.), Ленин специально выделял ее наиболее важный, революционный, этап. Приведем и характеристику Маркса и Энгельса, прямо касающуюся главной темы данной работы: «С какой бы точки зрения ни рассматривать Гражданскую войну в Америке, она представляет зрелище, не имеющее себе равного в летописях военной истории»¹⁹⁶.

Итогом войны Севера и Юга стало снятие с повестки дня (неполное, половинчатое) двух важнейших для США проблем, назревших задолго до начала войны, — ликвидация негритянского рабства и буржуазно-демократическое решение земельного вопроса. Поскольку еще до начала военных действий произошел политический раскол страны, к задачам войны прибавилось и воссоздание США в прежнем составе штатов (а для рабовладельческого Юга — закрепление и сохранение раскола). В осуществлении этих трех задач (или их части) было заинтересовано большинство населения страны, включая и определенные слои жителей Юга. Следует помнить, однако, что, как справедливо отмечал Р. Ф. Иванов, «гегемоном революции, ее руководящей силой были революционные круги буржуазии»¹⁹⁷. Именно их экономическим и политическим интересам максимально отвечало решение триединой задачи войны. Поэтому основные плоды победы Севера достались буржуазии, а не «чернорабочим» этой войны: рабочим и фермерам Севера, неграм Юга. В этом вкратце основной итог войны.

В то же время последующее развитие американской истории, вплоть до наших дней, выявило и другие итоги гражданской войны. Стремительное развитие капиталистического производства в США в последней трети XIX в., в огромной мере стимулированное благоприятными: для буржуазии итогами войны, ускорило и усилило резкую социальную поляризацию населения страны. Это вело не только к росту социальных противоречий и соответственно усилению классовой борьбы. Одновременно увеличивалась и социальная пассивность значительных масс населения, что легко объяснить боязнью за завтрашний день, стремлением реализовать свои силы исключительно в сфере индивидуально-практической деятельности, а не коллективной борьбы за улучшение условий труда и быта.

Эта социальная и политическая пассивность, в широких масштабах проявившаяся после окончания гражданской войны, давала о себе знать (хотя и не в такой степени) и в ходе войны. В тылу Севера наряду с десятками тысяч добровольцев, рвавшихся на фронт, были и десятки тысяч лиц, саботирующих призывы в армию, беспринципно менявших партийные привязанности, а на фронте не являлось редкостью дезертирство. На Юге эти явления были распространены меньше, так как превосходство Севера в материальных и людских ресурсах наглядно показывало большинству южан пагубность такого рода «вольностей».

В этой связи отметим и то, что в целом в гражданской войне в США отсутствовал дух непримиримости, крайнего ожесточения, жгучей ненависти к противнику, иными словами —

¹⁹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 30. С. 239.

¹⁹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 58.

¹⁹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 15. С. 498.

¹⁹⁷ Иванов Р. Ф. Авраам Линкольн и гражданская война в США. М., 1964. С. 462.

всего того, что неизбежно сопутствовало и сопутствует множеству других войн. Выше не раз отмечалось, что солдаты Севера и Юга в перерывах между боями часто обменивались продуктами, одеждой, газетами, просили переслать письма, просто беседовали, как в мирные времена. В равной мере это касалось и офицеров. Например, молодой генерал-северянин Дж. Кастер, войска которого пленили его давнего друга — Дж. Вашингтона, не преминул сфотографироваться с южанином в обнимку. При этом у их ног, как собачонка, сидел мальчик-раб Вашингтона, добровольно отправившийся в плен прислуживать «хозяину». А генерал-южанин Дж. Джонстон сразу же по окончании войны так подружился с У. Шерманом (напомним, что именно их армии противостояли друг другу во время наступления Шермана на Атланту и позднее), что много лет спустя, в возрасте 84 лет, приехал на похороны друга-противника и через считанные дни умер сам, простудившись на февральском ветру. Сходных примеров можно было бы привести сотни, и их, конечно, нельзя трактовать как исключение.

Противоречивые итоги гражданской войны в США стали своего рода наследством как для современной истории этой страны, так и для истории многих капиталистических государств. Теории «социальной гармонии», «бесклассового общества», «классового братства», столь модные сейчас на Западе, уходят своими корнями в события нового времени, часто — в социальные катаклизмы, каковым явилась для США гражданская война. Взаимосвязанность сложнейших проблем современной Америки со всей ее более чем двухвековой историей, центральное место в которой занимает война Севера и Юга, очевидна. И конечно, эти вопросы заслуживают глубокого, пристального изучения. Проблематику же данной работы мы ограничились военными сюжетами, ранее в советской историографии не освещенными.

Огромный объем документальных материалов по гражданской войне в США (значительная его часть имеется в отечественных библиотеках), аналитические труды Маркса и Энгельса, работы советских и зарубежных историков — отправная точка для дальнейшей разработки самых разных аспектов истории войны Севера и Юга — политических, экономических, дипломатических, социальных. Новые труды помогут нам лучше и полнее узнать об этом важнейшем этапе истории американского народа, а следовательно, и лучше понять его сегодняшний день. И выиграет от этого не только наша эрудиция, но и отношения между двумя великими державами, ибо взаимопонимание народов неотделимо от взаимопонимания политиков и дипломатов.

Указатель имен

- Адамс Ч. 41, 43
Александр Э. 92
Альберт 41, 42
Андерсон Р. 10—14, 123
Антон Э. 122
Армистед 93
- Батлер Б. 20, 118, 125—130, 148, 154, 155
Бафорд Дж. 90
Бейкер Э. 38
Бейтс Э. 37, 44
Бентон Т. 37, 38
Бентон-Фремонд Дж. 45
Би Б. 30
Блэйр Ф., мл. 17—19, 48, 139
Блюхер Г. Л. 104
Бонд 102
Бонхэм М. 27
Борегар П. 12—14, 26—30, 33, 39, 128, 146, 154
Брайт Дж. 44

- Браун Дж. 3
Брэгг Б. 83, 84, 97, 101, 102, 105, 107—110, 114, 136, 154—156
Брэннан 102, 103
Букнер С. Б. 52, 53, 108-110, 115
Бутс Дж. 3, 159
Бьюкенен Дж. 10, 37, 52
Бьюэлл Д. К. 82
Бэйрд 114
Бэнкс Н. 57, 59, 60, 67, 106, 119, 125, 148
Бэрлоу Ф. 95
Бэрне А. 130, 146
Бэрнсайд Э. 71, 75—79, 84—86, 109, 110, 115, 119, 121, 122, 131—133, 148
Бэртен А. 81
Бэртоу 30
Вашингтон Дж. 162
Веллингтон А. У. 104
Виктория 41
Вуд 102, 113, 114
- Гарнетт Р. 25
Гарфилд Дж. 103
Генри Дж. 31
Гист У. 9
Горгас Дж. 123, 124
Гордон Дж. 95, 123, 158
Грант У. 3, 4, 8, 18, 44-46, 49— 54, 67, 80, 81, 96-101, 105— 113, 115-120, 122-134, 136, 141—144, 147—150, 152—160
Грили Х. 26
Гринхау Р. 27
Груши 104
Грэнжер Г. 103, 104, 112
Гэтти 152
- Даблдэй Э. 12
Далгрэн У. 116
Даути Дж. 131
Джонс Р. 23
Джонсон Э. 159, 160
Джонстон А. 45, 53
Джонстон Дж. 26—28, 31, 33, 39, 56, 57, 61, 62, 97, 98, 100, 136, 137, 153, 155—157, 159, 160, 163
Джэксон К. 17, 19, 36
Джэксон Т. 30, 57, 59, 60, 62, 67, 69, 71, 72, 86, 87, 121, 147
Додж Г. 138
Дорн Э. ван 81—83
Дуглас Г. 149, 159
Дук У. ле 107
Дэвис Дж. 4, 10, 12, 16, 39, 40, 59, 61, 108, 109, 116, 137, 155—157, 160
Дэвис Дж. К. 82, 83
Дэннсон 25
Дюваль Б. 27
Дюпай Р. 39, 160
Дюпай Т. 39, 160

Зигель Ф. 36, 118, 125, 126 Иванов Р, Ф. 5, 161

Камерон С. 44, 55

Кастер Дж. 150, 152, 162

Килпатрик Х. 91, 116

Кирни Ф. 62, 63

Клебурн П. 114

Клеве ван 103

Коннолли Дж. 113

Коуч Д. 87

Коффин Ч. 52, 53, 93

Кэрби-Смит Э. 28, 31, 160

Кэрнехэн Дж. 102

Кэртис 48, 49

Лайон Н. 17—19, 36, 38

Ледли Дж. 132, 133

Ленин В. И. 66, 161

Летчер Дж. 16, 22

Ли Р. 3, 4, 21, 22, 25, 59, 61, 62, 70, 72, 76, 77, 79, 84-89, 91, 92, 94, 101, 118-128, 130, 132-134, 147, 149-151, 153-159

Ли С. 12

Ли Ф. 127, 158

Линкольн А. 3, 4, 8, 9, 11—17, 19, 20, 22—24, 27, 33—35, 37, 38, 41, 42, 47—49, 54—57, 60, 62—70, 72, 75, 76, 79, 80, 83, 85-89, 95, 96, 101, 115-118, 125, 130, 134, 135, 141, 142, 144, 146-149, 152, 153, 156, 159

Логан Дж. 139

Лонгстрит Дж. 69, 89, 91, 94, 101-104, 108, 109, 115, 120, 121, 150

Лоринг У. 99

Магрудер Дж. 58, 59

Макдоуэлл И. 26—29, 31, 34, 57, 59, 60, 67, 69

Маккалоч Б. 19, 36

Макклеллан Дж. 20, 23—26, 33—36, 38, 54-63, 66—72, 75, 76, 88, 135, 148, 152

Макклернанд Дж. 51, 95—100

Маклин У. 158

Макферсон Дж. 136, 138, 139

Маркс К. 15, 24, 38, 42, 43, 54, 64, 125, 135, 141, 161, 163 Мид Дж. 89, 91, 94, 117, 118, 124, 127, 130, 134, 157

Митчелл 103

Мойр 40

Морган Дж. Х. 81

Морган У. 112

Мортон О. 82, 83

Мосби Дж. 149, 150

Мэгоффин Б. 19, 20

Мэйсон Дж. 40, 42—44

Мэррит У. 152

Наполеон Бонапарт 104

Наполеон III 41, 42

Нельсон У. 82, 83

Орд Э. 100

Оуэн У. 78

- Палмер 32
Пальмерстон 41, 43
Паттерсон Р. 27, 28, 31
Пембертон Дж. 96—98, 100
Пеппер Дж. 138
Петтигрю 92, 93
Пикенс Ф. 12
Пикетт 92, 93
Пиллоу Г. 52
Пинкертон А. 35, 55, 61
Питере 82
Плэзентс Г. 131
По О. 140
Полк Л. 45
Поп Дж. 64, 67—70
Портер Ф.-Дж. 59, 69
Прайс С. 19
- Райт Г. 122, 151
Рассел 41—43
Рейнольдс У. 90, 91
Рейне Г. 60
Реник Р. 37
Риз Г. 131
Робинсон Дж. 31
Розекранс У. 54, 81, 83, 84, 100—106
Роупс Дж. 50
Рэдфорд Р. 32
- Сайке 31, 32
Самнер Э. 77, 85
Седдон Дж. 97, 124
Сиклс Д. 33
Скотт Т. 44
Сиотт У. 19, 20, 22, 28, 35, 36, 55
Скофилд Дж. 136-138, 142, 146, 154—156
Слайделл Дж. 40, 42—44
Слокам Г. 139—141
Смит У. 107, 127—130
Смит Х. 44
Смит Ч. 51, 52
Смолл Э. 31, 134
Согрин В. В. 47
Стефенс А. 9, 156
Стэнтон Э. 55, 62, 68, 69, 95, 96, 106, 148, 157
Стэрджис С. 36
Стюарт А. 137
Стюарт Дж. 32, 62, 80, 124
Сьюард У. 35, 41—43, 66, 156, 159
Сьюард Ф. 159
Сэджвик Дж. 119, 120, 122
- Тайлер У. 74

- Тарр К. 24
Тилгмэн Л. 50, 53
Томас Дж. 102—107, 109—113, 136, 137, 141, 142, 146, 147
Трастон Г. 103
Тэйлор Р. 160
Тэрри А. 155, 156
Уайтейкер 114
Уилер Дж, 106, 143
Уилкс Ч. 39—42
Уилсон 128, 160
Уильямс 44
Уоллес Л. 51, 148
Уоррен Г. 91, 119, 120, 128
Уэллес Г. 42
Уэллер Э. 141
- Фаррагут 135
Ферреро Э. 132, 133
Флойд Дж. 10, 52
Фокс Г. 12, 13
Форрест Н. 81, 102
Франклин У. 77, 85
Фремонт Дж. 36—38, 45, 47—49, 59, 60, 64, 67
Фрост Д. 17, 18
Фуллер Дж. 65
Фуллerton Дж. 105, 113
Фут Э. 50, 51, 53
Фэвилл Дж. 31
Фэйрфакс Д. 40
Фэрли П. 92
- Хант Г. 93
Хантер Д. 48, 49, 64, 127, 147, 148
Харди У. 136, 13В, 140, 145, 146
Харли Дж. 89
Хейзен У. 114, 145
Хемингуэй Э. 87
Хес Г. 90, 92
Хикс 16
Хилл Д. Х. 26, 103
Хилл Э. П. 71, 72, 89, 91, 120 Хинкс 129
Ховард О. 90, 91, 93, 139, 140
Хоу Д. 14
Худ Дж. 91, 136-143, 146, 154
Хукер Дж. 62, 78, 85-89, 105, 107, 111, 139
Хэй Дж. 48, 148
Хэллек Г. 49-51, 54, 67, 68, 75, 76, 83, 86, 88, 96, 97, 101, 109, 115—118, 141, 142, 152
Хэмптон У. 127
Хэнкок У. 91, 119-121, 123, 129, 130
- Чейз С. 37, 42, 70
Чеснат Дж. 12
Читхэм 138
Шеридан Ф. 103, ИЗ, 114, 118, 119, 124, 127, 128, 134, 147, 149-153, 157, 158

Шерман У. 18, 30, 37, 96, 97, 99, 100, 106, 109—111, 114, 115, 118, 125, 134-147, 153—157, 159, 160, 163

Шилдс Дж. 60

Эванс Н. 30, 38

Эвелл Р. 89-91, 120, 122, 123

Звери 113, 114

Энгельс Ф. 15, 24, 43, 54, 125, 135, 141, 161, 163

Эрли Дж. 31, 122, 123, 128, 147-152